Общ. № 2472
Ю
П-64

ИСТОРІЯ
44-го ДРАГУНСКАГО
НИЖЕГОРОДСКАГО
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ
НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА
ПОЛКА.

ТОМЪ III.

ПОГАШЕНО

Составилъ В. ПОТТО.

При участіи въ сборѣ матеріаловъ Князя *В. П. Долгорукова.*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Р. Голике, Спасская улица, д. № 17.
1893.

2

1941 год.

Ю
П-64

ИСТОРІЯ
44-го ДРАГУНСКАГО
НИЖЕГОРОДСКАГО
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА
ГОСУДАРЯ
НАСЛѢДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА
ПОЛКА.

ТОМЪ III.

ПОГАШЕНО

Составилъ В. ПОТТО.

При участіи въ сборѣ матеріаловъ Князя *В. П. Долгорукова.*

БИБЛИОТЕКА
художественного
Культурно-Историч. Музея
Шифр
ПОГАШЕНО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія Р. Голике. Спасская улица, д. № 17.
1894.

Проверено
1938 г.

Дозволено цензурою. Спб. 10 Декабря 1893 года.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 29434 1976 г.

ПОГАШЕНО

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Начало персидской войны 1

(1826 г.). Закавказье въ началѣ 1826 года.—Волненіе въ Джаро-Бѣлоканской области.—Нижегородцы въ экспедиціи Эристова.—Персидская граница.—Неожиданное вторженіе Персіянъ и бунтъ въ татарскихъ дистанціяхъ.—Вѣсти изъ Карабага.—Приготовленіе Нижегородскаго полка къ походу.—Царскіе Колодцы укрѣпляются.—Гибель Караагача.—Событія на главномъ театрѣ войны.—Шамхорскій бой.—Капитанъ Казасси.—Нижегородцы на Акстафѣ.—Генералъ Паскевичъ.—Канунъ Елизаветпольскаго сраженія.

Рисунки:

1) Шамхорское поле.
2) Персидскій всадникъ.

II. Елизаветпольскій бой 15

(1826). День Елизаветпольской битвы.—Боевое расположеніе русскаго корпуса.—Появленіе передъ нимъ 40-тысячной персидской арміи.—Первыя тяжелыя минуты боя.—Стремительный ударъ 2-го и 3-го дивизіона Нижегородскаго полка.—Разгромъ драгунами лѣваго непріятельскаго фланга.—Персидское знамя.—Бой въ центрѣ.—Появленіе Нижегородцевъ, и ихъ участіе въ общей атакѣ.—Успѣхи персіянъ на правомъ крылѣ.—Затруднительное положеніе 1-го дивизіона.—Шабельскій на правомъ флангѣ.—Блестящая атака князя Андроникова.—Заключительный актъ Елизаветпольской битвы.—Значеніе этого боя въ жизни Нижегородцевъ.—Потери полка.—Награды.—Лагерь на рѣкѣ Черекени и дѣйствія за Араксомъ.—Возвращеніе Нижегородцевъ въ Караагачъ, подъ командой князя Голицына.—Новое назначеніе Шабельскаго.—Полковой образъ.—Дѣйствія резервнаго эскадрона въ Кахетіи.—Участіе 1-го дивизіона въ экспедиціи противъ джарцевъ.—Практическій пріемъ, вынесенный драгунами изъ этой экспедиціи.

Рисунки:

1) Елизаветпольское сраженіе.
2) Образъ, пожертвованный полку Шабельскимъ.

III. Нижегородцы подъ Джеванъ-Булахомъ 29

(1827). Зима въ Караагачѣ.—Новый командиръ полка Николай Николаевичъ Раевскій.—Первые шаги его на военномъ поприщѣ, отмѣченные исторіею.—Приготовленіе имъ полка къ походу.—Русскіе подъ Эриванью.—Прибытіе туда

Стр.

же Нижегородскаго полка.—Трудный походъ къ Нахичевани.—Осада Аббасъ-Абада.—Нижегородцы въ Джеванбулахскомъ бою.—Поручикъ Левковичъ.—Награды за Джеванъ-Булахъ.—Особый элементъ въ составѣ Нижегородскаго полка.—Исторія маіора Чагина.—Вечеръ на Джеванбулахскомъ полѣ.—«Побѣдное» персидское знамя.

Рисунки:

1) Поручикъ Левковичъ съ персидскимъ знаменемъ послѣ Джеванбулаха.
2) Медали въ память Елизаветпольскаго сраженія и взятія Эривани. Сдача кр. Аббасъ-Абада.

IV. Въ сердцѣ Персіи 47

(1827—1828). Послѣдствія Джеванбулахскаго сраженія.—Сдача Аббасъ-Абада.—Переходъ въ горную полосу Нахичеванской области.—Стоянка у Карабабы.—Экспедиція подъ Аланчу.—Тяжелыя климатическія условія.—Тревожныя вѣсти изъ Эривани.—Походъ на выручку Красовскаго.—Сардарь-Абадъ.—Нижегородцы въ ночномъ бою подъ Сардарь-Абадомъ.—Взятіе Эривани.—Въ Тавризѣ.—Встрѣча съ Аббасъ-Мирзою.—У Кафланъ-Куха. Окончаніе войны.—Награды полку.—Памятники персидской войны.

Рисунки:

1) Заключеніе мира съ Персіею.
2) Медали въ память занятія Тавриза и заключенія мира съ Персіею (лицевая и оборотная стороны).

V. Подъ Карсомъ 63

(1828). Выступленіе въ походъ изъ Царскихъ Колодцевъ въ Гумри.—Нижегородцы подъ Карсомъ.—Ночная демонстрація.—Штурмъ крѣпости.—Чума въ русскомъ лагерѣ.—Взятіе Ахалкалакъ и Хертвиса.—Походъ къ Ахалцыху.

Рисунки:

1) Видъ Карса.
2) Курды.

VI. Ахалцыхъ 75

(1828). Нижегородскій полкъ подъ Ахалцыхомъ.—Кавалерійскій бой 5-го августа.—Отзывы о немъ Паскевича.—Впечатлѣніе, произведенное имъ на турокъ.—Награды.—Поручикъ Левковичъ обращаетъ на себя вниманіе императора Николая.—Разгромъ турецкаго вспомогательнаго корпуса 9-го августа.—Нижегородцы на ардаганской дорогѣ.—Штурмъ Ахалцыха.—Участіе въ немъ Нижегородцевъ.—Награды.—Памятникъ убитымъ.

Рисунки:

1) Видъ Ахалцыха.
2) Эпизодъ изъ штурма Ахалцыха.

VII. Отъ побѣды до побѣды 89

(1828—1829). Стоянка полка въ Ардаганѣ.—Возвращеніе изъ похода.—Торжество освященія георгіевскихъ штандартовъ въ Тифлисѣ.—Караагачъ.—Потери полка въ минувшей кампаніи, и проектъ о приведеніи его въ 10-ти эскадронный составъ.—Вопросъ о назначеніи Раевскаго.—Резолюція императора.—

Стр.

Мѣры, принятыя Паскевичемъ къ укомплектованію полка.—Прибытіе рекрутъ и молодыхъ ремонтовъ.—Занятія въ полку строевыя и хозяйственныя.—Спокойное состояніе края.—Внезапная перемѣна въ настроеніи джарцевъ.—Хищничество лезгинъ и распоряженія Раевскаго.—Вызовъ полка въ дѣйствующій корпусъ.—Опять въ Ардаганѣ.—Общій обзоръ военныхъ дѣйствій въ началѣ 1829 года.—Нижегородцы сопровождаютъ Паскевича въ Карсъ.—Первыя побѣдныя вѣсти.—Парадъ 5-го іюня.—Прискорбное событіе въ Нижегородскомъ полку.—Открытіе новой кампаніи.

Рисунки:

1) Освященіе георгіевскихъ штандартовъ.
2) Медали въ память взятія Карса и Ахалцыха.

VIII. Битвы на Саганлугскихъ горахъ 101

(1829). Сборъ русскаго корпуса у подошвы Саганлуга.—Свѣдѣнія о двухъ турецкихъ арміяхъ.—Сераскиръ и Гагки-паша.—Демонстрація Бурцева противъ Гагки-пашинскаго лагеря.—Бой на Меджингертской дорогѣ.—Паскевичъ поднимается на Саганлугъ и разрѣзываетъ двѣ турецкія арміи.—А. С. Пушкинъ. — Движеніе Паскевича въ обходъ Гагки-паши.—Неожиданная встрѣча съ сераскиромъ, и бой 19-го іюня у Каинлы.—Блистательное участіе въ немъ Нижегородцевъ.—Пораженіе сераскира и бѣгство его въ Арзерумъ.—Быстрое движеніе Паскевича на Гагки-пашу.—Бой 20-го іюня у Миллидюза.—Пораженіе Гагки-паши.—Кавалерія беретъ 16 знаменъ и болѣе тысячи плѣнныхъ.—Паскевичъ недоволенъ дѣйствіемъ кавалеріи.—Слѣдствіе надъ генераломъ Сакеномъ за малое число отбитыхъ трофеевъ.

Рисунки:

1) Плѣненіе Гагки-паши.
2) Медали въ память сраженія на Саганлугѣ и занятія Арзерума.

IX. Въ глубинѣ Анатоліи 119

(1829). Ночь послѣ побѣды.—Дорога къ Арзеруму: Зевинъ, Ардостъ и Керпи-Кевъ.—Фальшивая тревога.—Нижегородцы въ Гассанъ-Калла.—Трагическій случай съ офицеромъ.—У воротъ Арзерума.—Въ столицѣ Анатоліи.—Нижегородскій полкъ въ передовомъ отрядѣ Муравьева.—Бейбуртская катастрофа.—Появленіе новаго сераскира.—Бой 27 іюня у Харта.—Движеніе по пути къ Трапезонду и Сивазу.—Позиція у Килкитъ-Чафтлика.—Экспедиція къ Гюмюшъ-Хане.—Отъѣздъ Раевскаго.—Новый начальникъ кавалеріи—князь Голицынъ.—Возстаніе въ тылу Паскевича.—Возвращеніе въ Арзерумъ.

Рисунки:

1) Горный походъ къ Трапезонту.
2) Видъ Трапезонта.

X. Бейбуртъ 135

(1819). Новый походъ къ Бейбурту.—Рекогносцировка города.—Бой 27-го сентября.—Блистательный подвигъ Нижегородскаго полка.—Драгуны въ конномъ строю берутъ турецкія укрѣпленія.—Преслѣдованіе турокъ въ Испирскихъ горахъ.—Муравьевъ и князь Язонъ Чавчавадзе.—Деревня Урушты и

Стр.

вѣсть о заключеніи мира.—Послѣдній парадъ, закончившій турецкую войну.—Награды Нижегородцевъ.

Рисунки:

1) Сраженіе при Бейбуртѣ.
2) Эпизодъ изъ Бейбуртскаго сраженія.

XI. Опять на Лезгинской линіи 145

(1830 г.). Возвращеніе полка въ русскія границы.—Новый полковой командиръ князь Андрониковъ.—Опала генерала Раевскаго.—Послѣдующая судьба его.— Князь Александръ Чавчавадзе. — Пріемъ полка при посредствѣ князя Бековича.— Сводный уланскій полкъ поступаетъ въ ряды Нижегородцевъ.—Ворцель, Корниловичъ и Романовъ. — Новый головной уборъ, присвоенный Нижегородцамъ.— Начало военныхъ дѣйствій на Лезгинской линіи.—Участіе Нижегородскаго полка въ покореніи Джаро-Бѣлоканской области.—Возвращеніе полка въ Караагачъ.—Отчисленіе князя Андроникова по кавалеріи.

Рисунки:

1) Походъ на Лезгинской линіи.
2) Медали въ память заключенія мира съ Турціею (лицевая и оборотная стороны) и медали за войны персидскую и турецкую.

Картины, карты и планы.

1) Нижегородскій драгунъ 1826 г.
2) Портретъ Шабельскаго.
3) Сраженіе при Елизаветполѣ.
4) Джеванбулахскій бой.
5) Взятіе Сардарь-Абада.
6) Взятіе Эривани.
7) Штурмъ Карса.
8) Портретъ Раевскаго.
9) Тифлисъ 1829 года.
10) Сраженіе при Каинлы.
11) Взятіе Эрзерума.
12) Портретъ князя Андроникова.

Карты:

1) Войны съ Персіею 1827 г.
2) Войны съ Турціею 1828—1829 гг.

Планы:

1) Сраженія при г. Елизаветполѣ.
2) Сраженія при уроч. Джеванъ-Булахъ.
3) Крѣпости Карса.
4) Осады крѣпости Ахалцыха.
5) Сраженія при селеніи Каинлы.
6) Сраженія при уроч. Милидюзъ.
7) Сраженія при г. Бейбуртъ.

ПОГАШЕНО

ИСТОРІЯ
44-го Драгунскаго Нижегородскаго полка.

Шамхорскій постъ.

Начало Персидской войны.

(1826 г.).

Закавказье въ началѣ 1826 года.—Волненіе въ Джаро-Бѣлоканской области.—Нижегородцы въ экспедиціи Эристова.—Персидская граница.—Неожиданное вторженіе Персіянъ и бунтъ въ татарскихъ дистанціяхъ.—Вѣсти изъ Карабага.—Приготовленіе Нижегородскаго полка къ походу.—Царскіе Колодцы укрѣпляются.—Гибель Караагача.—События на главномъ театрѣ войны.—Шамхорскій бой.—Капитанъ Казасси.—Нижегородцы на Акстафѣ.—Генералъ Паскевичъ.—Канунъ Елизаветпольскаго сраженія.

1826-й годъ былъ годомъ кризиса для всего Кавказскаго края. Неожиданное воцареніе императора Николая Павловича и декабрьскія со-

бытія въ Петербургѣ открыли нашимъ политическимъ недругамъ на Востокѣ неизсякаемый источникъ для политической злостной лжи и интригъ. На всемъ Востокѣ сѣялось убѣжденіе, что Россіи угрожаютъ внутреннія смуты, и что насталъ наконецъ удобный моментъ для ниспроверженія владычества ея въ Закавказьѣ. Появленіе при персидскомъ дворѣ князя Меншикова чрезвычайнымъ посломъ было принято не какъ свидѣтельство русскаго миролюбія, а какъ признакъ безсилія и стремленія заискать у шаха. Персія скрытно начала приготовленія къ войнѣ, волнуя подъ рукой и пограничныя мусульманскія ханства. Самъ наслѣдный персидскій принцъ и царевичъ Александръ черезъ своихъ агентовъ вели энергическую пропаганду и въ Грузіи, и среди кавказскихъ племенъ, увѣряя наивныхъ политиковъ горъ, что императоръ Николай не будетъ признанъ другими европейскими государями, и что внутри самой Россіи возникаетъ междоусобіе (1). Глухое броженіе мало по малу охватывало весь Кавказъ. Симптомы приближающейся войны были тѣмъ серьезнѣе, что Кавказскій край не располагалъ въ тотъ моментъ достаточными силами: на всѣхъ рѣшительно пунктахъ нужны были войска, и сосредоточить ихъ въ случаѣ нападенія сильнаго врага на границы Грузіи Ермолову не представлялось пока никакой возможности.

Кахетія, въ силу своего положенія на рубежѣ Лезгистана, первая и сдѣлалась ареною лезгинскихъ разбоевъ, которые становились тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ настойчивѣе шла Персія къ своимъ затаеннымъ цѣлямъ—войны съ Россіей. Эти набѣги служили настоящимъ барометромъ политическихъ колебаній Персіи; и когда въ мартѣ мѣсяцѣ джарцы разбили какой-то грузинскій караванъ, ночевавшій на Муганлинской переправѣ, всего въ семи верстахъ отъ Царскихъ Колодцевъ (2), можно было заключить уже безошибочно о враждебныхъ намѣреніяхъ и Персіи. Джарцы, разумѣется, свалили всю вину на своихъ нагорныхъ сосѣдей, но подать внести отказались, а ихъ примѣру послѣдовали и тальцы и катехцы. Тогда командовавшій войсками въ Кахетіи князь Эристовъ самъ прибылъ въ Караагачъ и, взявъ съ собою триста пѣшихъ драгунъ съ двумя орудіями, двинулся къ Закаталамъ. На пути присоединились къ нему еще рота Ширванцевъ и 80 казаковъ. Отрядъ очень нуждался въ кавалеріи; но драгуны не могли быть конными, такъ какъ при полной весенней распутицѣ имъ нечѣмъ было бы кормить лошадей. Даже провіанта взяли лишь на нѣсколько сутокъ, чтобы избѣжать обозовъ и вьюковъ. Къ счастію Эристова,

походъ продолжался не долго; джарцы, испуганные быстрымъ появленіемъ войскъ передъ ихъ аулами, одумались, внесли подать, и войска, начинавшія уже испытывать лишенія, вернулись на линію (3).

Дѣла на Алазани, такимъ образомъ, нѣсколько уладились; но не то происходило на персидской границѣ, гдѣ каждый день приносилъ новыя и новыя осложненія. И вдругъ, 19-го іюля, по всему Кавказу молніей пронеслась вѣсть, что персидская армія, предводимая самимъ наслѣднымъ принцемъ Аббасъ-Мирзою, безъ объявленія войны вторглась въ наши предѣлы. Передовой отрядъ ея занялъ Елизаветполь, древнюю Ганжу, а главныя силы обложили Шушу въ Карабагѣ. Бомбакская и Шурагельская провинціи также наводнились конными полчищами эриванскаго сардаря. Застигнутые врасплохъ, слабые наблюдательные отряды наши, выставленные къ сторонѣ Эриванской границы, нигдѣ не могли задержать врага и отступали за высокій хребетъ Безобдала, прикрывая дорогу къ Тифлису. Оставшееся безъ защиты армянское населеніе или бѣжало, или гибло цѣлыми деревнями. Татарскія дистанціи намъ измѣнили. Часть Борчалы и Казаха, и почти весь Шамшадылъ открыто стали на сторону нашихъ враговъ, и все пространство отъ самой турецкой границы до отдаленныхъ береговъ Каспійскаго моря было охвачено пламенемъ бунта. Древняя Грузія, какъ въ давно забытыя времена, была окружена теперь плотною стѣною враждебныхъ мусульманскихъ земель.

Джарцы, притихшіе было послѣ экспедиціи Эристова, опять заволновались, и ихъ старшины, поспѣшно снарядившись въ путь, отправились привѣтствовать Шахъ-Заде подъ самыми стѣнами Шушинской крѣпости. Возвращеніе ихъ народъ привѣтствовалъ съ нескрываемой радостью. Шахъ-Заде извѣщалъ, что идетъ на Тифлисъ, что царевичъ Александръ находится при эриванскомъ сардарѣ и въ скоромъ времени будетъ съ войсками въ Кахетіи (4).

Создавалось положеніе въ высшей степени опасное. Но пока русскія силы не были сосредоточены, нечего было думать объ усмиреніи мѣстныхъ безпорядковъ, и Ермоловъ требовалъ только, чтобы войска, расположенныя въ Кахетіи, соединились вмѣстѣ «безъ потери времени и не дожидаясь, пока возмутятся джарцы» (5). «У многихъ военныхъ людей, и почти у всѣхъ грузинъ», писалъ онъ князю Эристову, «есть нелѣпая мысль, чтобы все защищать вдругъ, разбросать по частямъ всѣхъ людей, и нигдѣ не имѣть достаточной силы. Оттого и происходитъ, что,

гдѣ бы ни появился непріятель, мы слабы и успѣховъ его остановить не можемъ» (6).

Опорнымъ пунктомъ Кахетіи избраны были Царскіе Колодцы, но кромѣ постояннаго гарнизона — трехъ ротъ Ширванскаго полка, другихъ войскъ въ нихъ не было. Полковникъ Шабельскій уже получилъ приказаніе приготовить весь Нижегородскій полкъ къ походу (7), а изъ двухъ грузинскихъ батальоновъ одинъ ушелъ въ татарскія дистанціи, а другой занималъ посты по лезгинской линіи. Царскіе Колодцы между тѣмъ укрѣплялись. «Тебѣ нужно сколь возможно стѣснить твое квартирное расположеніе», писалъ Ермоловъ командиру Ширванскаго полка полковнику Ковалеву, «и превратить ее въ укрѣпленіе, дабы можно было защищаться съ малымъ числомъ. Съ твоими людьми соединятся остатки драгунскаго полка, ибо полкъ возьму я въ походъ. Имущество ваше должно быть вмѣстѣ; потолкуй съ Иваномъ Петровичемъ (Шабельскимъ) сколько у него останется людей въ запасномъ эскадронѣ, и не будетъ ли еще такихъ, у которыхъ нѣтъ лошадей. Они не мало усилятъ оборону, которая должна быть на столько обширна, на сколько потребуетъ того необходимость», «Нѣтъ сомнѣнія», писалъ дальше Ермоловъ, «что лезгины не придутъ атаковать вашихъ квартиръ, но укрѣпленіе оныхъ потому необходимо, чтобы не боялись ваши бабы, которыя въ такихъ случаяхъ производятъ величайшій безпорядокъ. Кромѣ того, защищаясь съ малыми силами, можно будетъ имѣть подвижной отрядъ въ помощь жителямъ и нашимъ передовымъ постамъ. У тебя изъ трехъ ротъ въ командировкѣ только 140 человѣкъ, слѣдовательно, съ драгунами соберется людей достаточно; не всѣ же и женатые должны быть неразлучны съ своими бабами»... (8).

Получивъ приказаніе готовиться къ походу, Нижегородскій полкъ перешелъ въ свой лѣтній лагерь и, мало по малу, перевезъ все полковое имущество въ Царскіе Колодцы. Караагачъ опустѣлъ. Онъ былъ брошенъ, и лезгины не замедлили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы выместить на немъ свою старинную злобу.

Въ глухую ночь, съ 2-го на 3-е августа, какъ стая хищныхъ волковъ, другъ за другомъ пробиралась къ Караагачу партія конныхъ лезгинъ. Она шла со стороны Муганлинской переправы по густому лѣсу, среди вѣковыхъ чинаръ и каштановъ, среди порослей молодяка, опутанныхъ, какъ сѣтью, вьющимися лозами дикаго виноградника. Предательски смотрѣла эта глухая чаща, за которою въ двухъ шагахъ нельзя было видѣть това-

рища,—и партія шла съ обычною осторожностью. Передовые останавливались, вслушивались, но кругомъ все было тихо, безмолвно. Жизнь точно замерла, покинула окрестности цвѣтущей штабъ-квартиры, и чуткое ухо лезгина не различало ни топота драгунскаго коня, ни шелеста притаившагося секрета. Какъ похороннымъ флеромъ, задернулся Караагачъ дымкой сѣдого, вставшаго съ Алазани тумана, и до шайки не долетало оттуда ни человѣческаго говора, ни лая собакъ, ни тѣхъ ночныхъ, смѣшанныхъ звуковъ, которые, точно застывши въ воздухѣ, стоятъ надъ жилымъ мѣстомъ даже тогда, когда все уже покоится глубокимъ полуночнымъ сномъ... Лѣсъ, наконецъ, окончился, начиналось поле. А вотъ и Караагачъ,—тотъ страшный, кипѣвшій когда-то жизнію, пріютъ Нижегородцевъ, о которомъ въ горахъ ходило такъ много разсказовъ. Теперь онъ недвижимъ, какъ мертвецъ, приготовленный къ погребенію. Лезгины подъѣхали къ его плетневой оградѣ—и вдругъ остановились: на площади мерцалъ огонекъ, тамъ были люди. Передніе попятились назадъ. Ужь не вернулись ли драгуны? Или это, можетъ быть, пикетъ, оставленный затѣмъ, чтобы поднять тревогу? Дѣло, однако, разъяснилось иначе. Посланные развѣдчики, ползкомъ пробравшіеся на площадь, ясно различили таборъ, возы съ наложенными мѣшками, а въ серединѣ маленькій костеръ и дремавшую вокругъ него группу солдатъ. Это была, дѣйствительно, небольшая команда драгунъ, высланная изъ лагеря, подъ командой унтеръ-офицера, забрать ячмень, и здѣсь остановившаяся на ночь. Къ счастію, драгуны догадались огородиться телѣгами, — иначе первый бѣшеный натискъ лезгинъ грозилъ бы имъ страшною катастрофою. Теперь они устояли. Но лезгины, не обращая вниманія на ихъ присутствіе, разсыпались по Караагачу грабить дома, а драгуны, слишкомъ слабые, чтобы сдѣлать вылазку, принялись стрѣлять по нимъ изъ своего вагенбурга. Выстрѣлы эти услыхали въ лагерѣ, откуда тотчасъ поскакали два эскадрона съ самимъ полковникомъ Шабельскимъ. Гулъ скачущей конницы во-время предупредилъ лезгинъ объ опасности — и Караагачъ на этотъ разъ уцѣлѣлъ: разграблено было только нѣсколько домовъ, да лезгины увезли четырехъ драгунъ, захваченныхъ ими въ первый моментъ нападенія въ самомъ Караагачѣ (9). Появленіе шайки въ такомъ близкомъ разстояніи отъ лагеря не оставляло больше сомнѣнія въ открытомъ возмущеніи джарцевъ, и Шабельскій счелъ даже нужнымъ задержать при себѣ роту егерей и два батарейныя орудія, слѣдовавшія въ Тифлисъ, чтобы сдѣлать поискъ

на лѣвый берегъ Алазани. Было это до извѣстной степени даже необходимо для успокоенія края, взволнованнаго слухомъ, что войска покидаютъ Кахетію и начинаютъ выступать изъ Царскихъ Колодцевъ. Слухи эти приводили народъ въ такое смущеніе, что Шабельскому стоило не мало труда успокоить его и заставить приняться за полевыя работы. «Примите только нѣкоторыя предосторожности», писалъ онъ въ одной изъ своихъ прокламацій, «а я стою у Царскихъ Колодцевъ и не допушу васъ до разграбленія».

Ермоловъ не одобрилъ, однако, распоряженій Шабельскаго и приказалъ тотчасъ отправить роту и орудія туда, куда они были назначены. «Не вижу большой опасности изъ того, что партія лезгинъ пріѣзжала на Караагачъ», писалъ онъ ему, «и не ожидаю, чтобы не только горные лезгины, но и самые джарцы, сильнѣйшіе изъ непріятелей, могли имѣть страшную конницу... Что же касается до того, что изъ вашей команды были захвачены люди, то это могло случиться не иначе, какъ по самой непростительной оплошности. Теперь не время помышлять о хозяйственномъ продовольствіи лошадей, а надо имѣть всѣхъ людей въ сборѣ и въ постоянной готовности» ([10]). Ермоловъ въ общемъ теченіи дѣлъ, очевидно, не придавалъ охранѣ Караагача никакого значенія. И Караагачъ, покинутый на произволъ судьбы, погибъ. Ночью 10-го августа въ него вошла новая шайка, зажгла всѣ строенія, и тотчасъ удалилась. Какъ только въ лагерѣ увидѣли пожаръ, Шабельскій опять поскакалъ туда съ двумя эскадронами, но спасать было уже нечего: дома догорали, и отъ прекрасной штабъ-квартиры Нижегородскаго полка осталось одно пепелище ([11]).

Гибель Караагача, можно сказать, на глазахъ русскихъ войскъ сама по себѣ не могла не поразить населеніе паникой, — а тутъ пошли еще слухи, что царевичъ Александръ съ двухъ-тысячной персидской конницей уже отдѣлился отъ эриванскаго сардаря и идетъ къ Алазани. Для Кахетіи настали тяжелые дни сомнѣній и колебаній. Народъ переживалъ ихъ трудно,—переживалъ между страхомъ персидскаго нашествія со всѣми его ужасами, и надеждой, что вотъ-вотъ появится наконецъ успокоительное извѣстіе, съ которымъ грозовая туча бѣдствій минуетъ Кахетію. И надеждамъ этимъ суждено было осуществиться скорѣе, чѣмъ можно было того ожидать. Горизонтъ прояснялся быстро. Послѣднія свѣдѣнія, пришедшія съ театра войны черезъ стоустную народную молву, передавали, что успѣхи персіянъ въ Карабагѣ окончательно парализованы геройскою защитою Шуши; а пока старая, полуразвалившаяся крѣпость, занятая

всего шестью егерскими ротами, держала подъ своими стѣнами сорокатысячную персидскую армію, — на пути къ Елизаветполю успѣлъ уже сформироваться довольно значительный отрядъ, имѣвшій назначеніемъ остановить врага, въ случаѣ движенія его къ Тифлису. Этотъ отрядъ, въ составѣ пяти батальоновъ пѣхоты, полка донскихъ казаковъ и конной грузинской милиціи, Ермоловъ поручилъ извѣстному на Кавказѣ своею храбростью генералъ-маіору князю Мадатову, имя котораго пользовалось широкою популярностью среди мусульманскаго населенія.

Пріѣздъ Мадатова произвелъ огромное вліяніе на умы колебавшихся татаръ, всегда готовыхъ стать на сторону сильнаго, и они цѣлыми толпами приходили въ лагерь, чтобы собственными глазами увидѣть князя, котораго любили и боялись въ одинаковой степени. Теперь мечты и фантазіи ихъ рушились. И если мятежъ не потухъ окончательно въ горахъ Шамшадыля, то въ Казахской дистанціи первѣйшіе агалары тотчасъ же составили конную дружину, которая явилась въ русскій лагерь и вѣрно служила подъ его знаменами противъ своихъ же единовѣрцевъ ([12]).

13 августа Мадатовъ занялъ Делижанское ущелье и, расположивъ свои войска на рѣчкѣ Акстафѣ, въ самомъ узлѣ дорогъ, разбѣгавшихся отсюда на Карабагъ, Елизаветполь, Эривань и Гумри, сталъ выжидать непріятеля. Первый появился передъ нимъ царевичъ Александръ, стремившійся прорваться въ Грузію съ двухъ-тысячнымъ персидскимъ отрядомъ. Мадатовъ пошелъ къ нему на встрѣчу, разыскалъ его въ Шамхорскихъ горахъ, и 23-го августа разбилъ, что называется, на голову. Персіяне кричали грузинамъ, чтобы тѣ не стрѣляли, что съ ними царевичъ, но старые картвельскіе князья отвѣчали, что они ничего не желаютъ больше, какъ сложить свои головы за русскаго императора—и рубили бѣгущихъ. Пораженіе было полное. Самъ царевичъ едва успѣлъ ускакать въ Эривань, а войска его, разбитыми, разстроенными толпами, бѣжали въ Елизаветполь, и распространили тамъ общую панику. Замѣчательно, что когда Мадатовъ возвратился въ лагерь, его встрѣтилъ курьеръ съ письмомъ отъ Ермолова, который предупреждалъ князя объ осторожности, такъ какъ царевичъ идетъ на Кахетію. Мадатовъ отвѣчалъ, что царевичъ болѣе не существуетъ ([13]). Это былъ первый проблескъ, первый свѣтлый лучъ солнца, прорѣзавшій висѣвшія кругомъ черныя тучи. Кахетія начала успокоиваться; нравственныя силы ея окрѣпли, а съ этими силами не страшны уже были ей никакіе замыслы джарцевъ.

Пораженіе царевича и страхъ, внесенный въ старую Ганжу бѣжавшими толпами персіянъ, дали Ермолову возможность перейти въ наступленіе. Мадатову было предписано отбросить персидскій авангардъ, занять Елизаветполь, и тѣмъ заставить Аббаса-Мирзу или снять осаду, или, по крайней мѣрѣ, ослабить блокаду Шушинской крѣпости. На помощь къ нему уже шли изъ Тифлиса шесть ротъ карабинернаго полка, рота егерей и двѣнадцать орудій, и сюда же, съ другой стороны, отъ Царскихъ Колодцевъ, должны были прибыть и наши Нижегородцы.

31 августа Шабельскій получилъ приказаніе выступить съ полкомъ въ 24 часа на соединеніе съ Мадатовымъ, а 1-го сентября полкъ, въ составѣ шести дѣйствующихъ эскадроновъ, уже шелъ къ Делижану кратчайшимъ путемъ черезъ знойную Караязскую степь ([14]). Онъ былъ въ 13-ти рядномъ составѣ, имѣя въ эскадронахъ только по шести конныхъ рядовъ. Полковой обозъ былъ также не большой и состоялъ изъ офицерскихъ вьюковъ, артельныхъ телѣгъ, патронныхъ ящиковъ и четырехъ повозокъ, съ палатками и провіантомъ, который везли на 16 дней, такъ какъ въ разоренной персіянами елизаветпольской провинціи его достать было негдѣ ([15]). Весело и бодро двигался полкъ, сознавая, что идетъ на защиту родной ему Грузіи. И памятникомъ такого настроенія въ войскахъ, осталась забытая нынѣ пѣсня, сложенная тогда въ отрядѣ Мадатова.

Буря брани зашумѣла,
Поскорѣй друзья къ ружью,
Въ чисто поле поспѣшайте
Защищать страну сію.
Мы не въ ней хотя родились,
Она наша—въ ней живемъ,
И равно, что за отчизну,
За нее, друзья, умремъ. ([16])

Но защищать Кахетію полку не пришлось. 4-го сентября, на послѣднемъ переходѣ, получено было извѣстіе, что наканунѣ, 3-го числа, Мадатовъ на голову разбилъ весь 10-тысячный персидскій авангардъ, встрѣтившій его подъ Шамхоромъ, и на плечахъ бѣгущихъ занялъ Елизаветполь. Нижегородскому полку не пришлось, такимъ образомъ, участвовать въ этой памятной битвѣ; но мы должны сказать о ней нѣсколько словъ, какъ по вліянію ея на весь послѣдующій ходъ кампаній, такъ и потому, что въ числѣ ея видныхъ дѣятелей былъ одинъ изъ нижегород-

скихъ офицеровъ, капитанъ Казасси, исполнявшій въ отрядѣ должность дежурнаго штабъ-офицера.

Какъ только Мадатовъ получилъ разрѣшеніе дѣйствовать наступательно, онъ оставилъ два батальона въ Шамшадильской дистанціи для прикрытія тыла, а съ остальными войсками, не ожидая уже подкрѣпленій, двинулся впередъ, и 2-го сентября подошелъ къ Дзигаму. Дзигамскій шпицъ,—какъ называютъ остроконечную гору, возвышающуюся надъ самымъ селеніемъ, былъ занятъ персидскою конницей, которая отступила при нашемъ приближеніи. Войска ночевали въ Дзигамѣ, и разъѣзды, ходившіе въ окрестности всю ночь, нигдѣ не встрѣтили ни одного персидскаго всадника.

Но между тѣмъ какъ Мадатовъ еще разсчитывалъ идти разыскивать непріятеля, послѣдній самъ шелъ прямо на него и былъ отъ Дзигама гораздо ближе, чѣмъ предполагали. Передъ свѣтомъ 3-го сентября неожиданно явились грузины, ходившіе въ дальній разъѣздъ, и привезли самыя точныя свѣдѣнія, что весь 10-тысячный непріятельскій корпусъ, оставивъ Елизаветполь, стоитъ уже подъ Шамхоромъ, и что войсками командуетъ самъ принцъ Мамедъ-мирза, а при немъ въ качествѣ ментора находится Амиръ - Ханъ - Сардарь, одинъ изъ лучшихъ полководцевъ Персіи. Мадатовъ тотчасъ приказалъ ударить подъемъ, и войска выступили изъ Дзигама уже въ полной боевой готовности. Прошли верстъ пять. Начиналась обширная плоскость, и на горизонтѣ, вдали, показался стоявшій передъ Шамхоромъ высокій, красивый столбъ, какъ вѣстникъ близости непріятеля.

При всѣхъ переворотахъ, колебавшихъ эту страну въ теченіе многихъ вѣковъ, одинъ этотъ гигантскій столбъ противостоялъ разрушенію и сохранился невредимо среди груды камней и развалинъ нѣкогда окружавшаго его большого города. Темныя преданія различно повѣствуютъ о сооруженіи этого столба; но есть основаніе думать, что онъ въ былые вѣка служилъ астрономической обсерваторіей, и что только уже въ позднѣйшіе годы, когда угасли въ краѣ науки и искусства, муллы обратили его въ минаретъ. Вотъ этому-то вѣковому памятнику, царившему надъ планиной, и предстояло теперь стать свидѣтелемъ битвы. Быстро приближался къ нему русскій отрядъ; въ авангардѣ завязалась уже перестрѣлка и разгоралась сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того какъ русскіе подвигались впередъ. Непріятель, занявшій боевую позицію на крутомъ берегу за

рѣчкою Шамхоркой, стоялъ полукружіемъ и встрѣтилъ наши войска перекрестнымъ огнемъ.

Твердо, подъ мѣрный грохотъ барабановъ, шли два батальона (Грузинцы и егеря), безъ выстрѣла, съ ружьемъ на перевѣсъ; за ними въ резервѣ двигались Херсонцы. Впереди колоннъ, верхомъ, на золотистомъ карабагскомъ конѣ, осыпаемый градомъ непріятельскихъ пуль, шагомъ ѣхалъ Мадатовъ, сопровождаемый только однимъ капитаномъ Казасси. Напрасно уговаривали Мадатова отъѣхать въ сторону.

— Васъ видятъ, въ васъ мѣтятъ! кричали ему изъ рядовъ офицеры.

— Тѣмъ лучше, что меня видятъ — скорѣе убѣгутъ! весело отвѣчалъ генералъ, и приказывалъ прибавить шагу.

Восемь орудій, опередивши пѣхоту, заняли между тѣмъ высоты на лѣвомъ берегу Шамхорки и открыли огонь черезъ рѣчку... Грузинская дружина завязала дѣло на правомъ флангѣ, но скоро, подавляемая превосходными силами, стала подаваться назадъ. Мадатовъ боялся этого момента. «Поѣзжай скорѣе къ татарамъ», сказалъ онъ Казасси, «прими надъ ними начальство и поддержи грузинъ». Казасси поскакалъ... А батальоны все идутъ и идутъ подъ мѣрный рокотъ своихъ барабановъ. Все такъ же спокойно ѣдетъ Мадатовъ впереди ихъ, не вынимая сабли. Но вотъ русскія колонны спустились къ рѣкѣ, перебрались въ бродъ и, мокрые, взбираются на крутыя высоты. Вдругъ въ рукѣ Мадатова сверкнула кривая полоса обнаженной сабли и, сдѣлавъ полуоборотъ на сѣдлѣ, онъ крикнулъ: «Ура!». Какъ электрическая искра пробѣжалъ вдохновенный крикъ по рядамъ,—и батальоны ринулись на непріятеля... Въ этотъ самый моментъ Казасси съ своими татарами, осадивъ персидскую конницу, ударилъ во флангъ сарбазамъ, — и персіяне дрогнули. Конница ихъ первая показала тылъ; за ней побѣжала пѣхота и увлекла за собой шахскую гвардію. Татары насѣли на бѣгущихъ. Преслѣдованіе было такъ горячо, что принцъ Мамедъ-Мирза, проскакавъ мимо своего лагеря, не успѣлъ вывести изъ него даже свою свиту молодыхъ и красивыхъ мальчиковъ, обыкновенно сопровождавшихъ въ походахъ знатныхъ азіятцевъ,—и они попали въ руки татаръ. Еще менѣе принца былъ счастливъ Амиръ-Ханъ-Сардарь, его знаменитый пѣстунъ. Покинутый своимъ татарскимъ конвоемъ, онъ мчался стороною одинъ на кровномъ текинскомъ жеребцѣ, но былъ настигнутъ и убитъ однимъ изъ нашихъ всадниковъ; его прекрасный конь съ великолѣпною сбруею изъ чистаго золота, и сѣдломъ,

украшеннымъ драгоцѣнными камнями, достался побѣдителю. Казасси за это дѣло произведенъ въ маіоры (17); потомъ онъ вернулся въ полкъ, командовалъ эскадрономъ, и въ турецкую войну заслужилъ георгіевскій крестъ.

Ужасъ, внушенный шамхорскою побѣдой, былъ такъ великъ, что персіяне, не останавливаясь, бѣжали мимо Елизаветполя, — и городъ въ ту же ночь былъ занятъ Мадатовымъ. «Такимъ образомъ, — отмѣчаетъ Ермоловъ въ дневникѣ съ своею обычною ироніею:—сынъ Аббасы-Мирзы на первыхъ военныхъ подвигахъ своихъ уподобился уже родителю, ибо началъ ихъ бѣгствомъ. Симъ же отличался родитель его въ прежнія войны противъ русскихъ, и, конечно, не съ меньшей противу него расторопностью» (18).

На другой день послѣ этой битвы, когда впечатлѣнія побѣды были еще слишкомъ свѣжи въ окрестномъ населеніи,—Нижегородцы пришли на Акстафу, и здѣсь остановились въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній (19). Впереди ихъ, въ шамшадильскихъ горахъ, на рѣчкѣ Гассанъ-су, стояли два батальона, оставленные Мадатовымъ, а позади, на переправѣ черезъ Храмъ, у бѣдной деревушки Муганло, собирались войска, высланныя изъ Тифлиса. Между тѣмъ слухи со стороны Карабага принимали все болѣе и болѣе опасный характеръ. Говорили, что Аббасъ-Мирза, встревоженный пораженіемъ своего авангарда, уже снялъ осаду Шуши и со всѣми силами идетъ къ Елизаветполю. Но въ тотъ моментъ, когда Мадатовъ, спѣшившій притянуть къ себѣ войска, стоявшія на сообщеніи его съ Грузіей, готовился уже къ кровавой развязкѣ войны, ему пришлось уступить свое мѣсто другому. На сценѣ персидской войны, въ первенствующей роли—является Паскевичъ.

Назначенный въ Грузію по высочайшему повелѣнію въ помощь Ермолову, Паскевичъ прибылъ въ Тифлисъ 29-го августа, и черезъ нѣсколько дней принялъ подъ свое начальство всѣ отряды, высланные на встрѣчу непріятеля. 8-го сентября онъ приказалъ войскамъ, собраннымъ у Муганло, двумъ батальонамъ, стоявшимъ на рѣчкѣ Гассанъ-су, и Нижегородскому полку соединиться въ Дзигамѣ, куда вслѣдъ за ними прибылъ и самъ (20). На походѣ онъ осмотрѣлъ Нижегородскій полкъ и нашелъ, что «у драгунъ плохо кормлены лошади» (21). Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ и государю. Нельзя, однако, не сказать въ защиту Нижегородцевъ, что тѣнь, наброшенная имъ на полкъ, была неосновательна. Шабельскій былъ безупреченъ во всемъ, что касалось полкового хозяй-

ства; да и полку, сидѣвшему «на дурно кормленныхъ лошадяхъ», Паскевичъ черезъ нѣсколько дней былъ обязанъ въ значительной степени успѣхомъ елизаветпольскаго сраженія. Онъ просто увидѣлъ передъ собою сухихъ, поджарыхъ степныхъ лошадей, какихъ никогда не видѣлъ во внутренней Россіи, гдѣ преобладалъ типъ кровный, заводскій, — и слишкомъ поторопился сдѣлать о нихъ свое заключеніе ([22]).

Изъ Дзигама войска двинулись впередъ уже форсированнымъ маршемъ и прошли черезъ шамхорское поле, гдѣ, на протяженіи почти 25-ти верстъ, видѣли разбросанныя тѣла непріятеля. Это была работа нашей конницы. По числу этихъ тѣлъ Паскевичъ безошибочно могъ опредѣлить степень пораженія непріятеля, — и дѣйствительно, онъ самъ свидѣтельствовалъ объ этомъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Ермолову. На пути встрѣтился курьеръ отъ Мадатова съ извѣстіемъ, что непріятель уже приближается къ городу. Паскевичъ оставилъ отрядъ, и въ сопровожденіи одного Нижегородскаго полка поспѣшилъ въ Елизаветполь, куда и прибылъ утромъ 10-го сентября. Къ вечеру подошла и пѣхота. Такимъ образомъ, здѣсь сосредоточилось семь съ половиною батальоновъ пѣхоты, весь Нижегородскій полкъ, два полка казаковъ, конная татарская милиція и 24 орудія. Отрядъ не превышалъ семи тысячъ человѣкъ, но за то здѣсь собранъ былъ отборный цвѣтъ боевого Кавказскаго корпуса. Совсѣмъ иными глазами взглянулъ на эти войска Паскевичъ, не привыкшій еще къ нѣсколько безпорядочному виду боевыхъ батальоновъ, не имѣвшихъ времени, среди постоянныхъ тревогъ и государственныхъ нуждъ, заботиться о внѣшности. Прежде всего его поразило неприглядное состояніе войскъ въ смыслѣ обмундированія; но парадъ, сдѣланный имъ шамхорскимъ побѣдителямъ, окончательно уронилъ ихъ въ мнѣніи генерала и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Утромъ 11-го сентября, войска, выведенныя изъ лагеря, учились на обширной елизаветпольской равнинѣ; они то свертывались въ каре, то снова развертывались въ линіи, или маршировали колоннами. «Нельзя представить себѣ до какой степени они мало выучены», писалъ Паскевичъ въ своемъ журналѣ наканунѣ Елизаветпольскаго сраженія: «многіе изъ нихъ не умѣютъ построить каре или колонну, а это все, что я отъ нихъ требую» ([23]). Но Паскевичъ требовалъ, конечно, построеній съ тою артистичностью, которою щеголяли въ Россіи, иначе трудно представить, чтобы войска, «незнавшія даже построеній для боя крайне необходимыхъ», въ одно ученье могли

бы выучить ихъ такъ твердо, что въ елизаветпольскомъ сраженіи они и каре строили, и линіи развертывали, и ходили колоннами—и все это подъ страшнымъ огнемъ непріятеля. Нижегородскій полкъ оказался на смотру не лучше другихъ, не умѣя построиться въ дивизіонныя колонны къ атакѣ, которыя въ полку введены не были, и долженъ былъ изучать это нехитрое построеніе на глазахъ самого Паскевича ([24]). Онъ его выучилъ. Но лучше ли отъ этого стали Нижегородцы—неизвѣстно. Нужно сказать только, что эта устарѣлая, тяжелая форма построенія давно исключена изъ устава, какъ лишнее бремя, и кавалерія, перешедшая опять къ тѣмъ маленькимъ эскадроннымъ колонкамъ, которыхъ держались Нижегородцы, ни разу не имѣла случая пожалѣть объ ея отсутствіи.

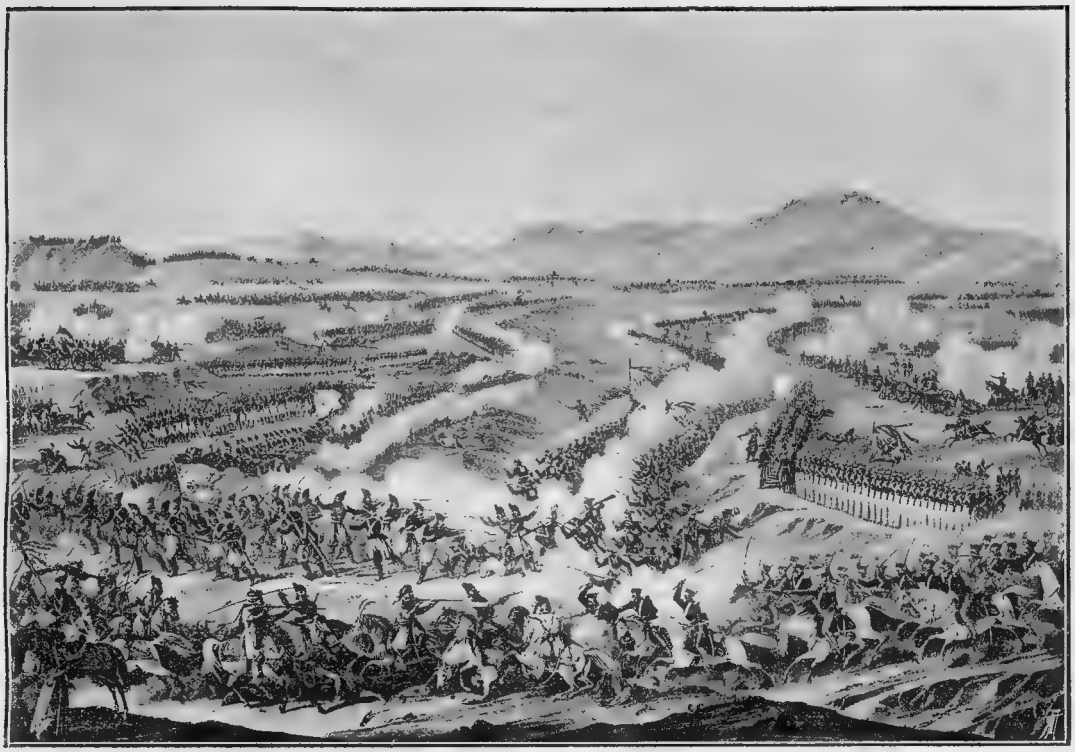
«Нижегородскій полкъ горитъ нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ, и никакое число враговъ не устрашитъ его». Такъ доносилъ Шабельскій, когда готовилъ свой полкъ къ походу въ Царскихъ Колодцахъ ([25]). Иначе выражался объ этомъ Паскевичъ: «Боже сохрани съ такими войсками быть въ первый разъ въ дѣлѣ... Не знаю, какъ я пойду съ этими первобытными» ([26])—отмѣчаетъ онъ въ своемъ журналѣ, готовясь вести горсть этихъ «первобытныхъ» на сорокатысячную армію. Таковы были два мнѣнія, двѣ оборотныя стороны одной и той же медали. Но елизаветпольскій бой близился, и долженъ былъ показать въ чемъ заключался секретъ богатырскихъ подвиговъ Кавказскаго корпуса.

Учебныя занятія, затѣянныя Паскевичемъ, не были, однакоже, доведены до конца. Въ самый разгаръ построеній передъ русскими постами показалась персидская конница. Войска встрепенулись, и 1-й эскадронъ Нижегородскаго полка вихремъ понесся на поддержку своихъ аванпостовъ. Дѣла, однакоже, на этотъ разъ не было. Персіяне скрылись, видимо ограничившись только легкою рекогносцировкою русскаго лагеря. На слѣдующій день войска опять учились. Нижегородцы опять строили колонны къ атакѣ; но опять показалась персидская конница, уже въ значительно большемъ числѣ,—и ученье окончилось. Постоявъ немного въ виду нашихъ войскъ, персіяне отошли назадъ, а Паскевичъ, распустивъ войска, оставилъ въ полѣ графа Симонича съ батальономъ пѣхоты и двумя эскадронами Нижегородскаго полка; они должны были составить резервъ для нашихъ аванпостовъ ([27]).

Теперь нужно было ожидать появленія самого Аббасъ-Мирзы, и, дѣйствительно, въ тотъ же день пришло извѣстіе, что вся персидская

армія стоитъ на Курякъ-Чаѣ, только въ одномъ переходѣ отъ Елизаветполя. Жители съ разными чувствами встрѣтили это извѣстіе. Армяне совершенно притихли; татары изъявили неистовую радость. Всю ночь въ городѣ слышалось пѣніе священныхъ гимновъ, и раздавались залпы изъ ружей въ честь будущихъ побѣдителей. На русскихъ никто не обращалъ вниманія. Татары были увѣрены, что многочисленныя, «какъ морской песокъ», персидскія полчища, предводимыя самимъ Аббасъ-Мирзою, разберутъ по рукамъ горсть несчастныхъ гяуровъ. Но велико было ихъ удивленіе, когда на слѣдующее утро, вмѣсто ожидаемаго съ часу на часъ отступленія, русскій корпусъ двинулся впередъ на встрѣчу непріятеля. Жребій былъ брошенъ. Паскевичъ, если онъ искренно считалъ отборные кавказскіе полки неготовыми къ бою, долженъ былъ съ сомнѣніемъ смотрѣть на судьбы предстоявшей битвы; но войска его были спокойны: они горѣли желаніемъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ вѣроломнымъ врагомъ, «и никакое число не могло устрашить ихъ».

Персидскій всадникъ.



Елизаветполь.

ПОПАШЕНО

Елизаветпольскій бой.

(1826).

День Елизаветпольской битвы.—Боевое расположеніе русскаго корпуса.—Появленіе передъ нимъ 40-тысячной персидской арміи.—Первыя тяжелыя минуты боя.—Стремительный ударъ 2-го и 3-го дивизіона Нижегородскаго полка.—Разгромъ драгунами лѣваго непріятельскаго фланга.—Персидское знамя.—Бой въ центрѣ.—Появленіе Нижегородцевъ и ихъ участіе въ общей атакѣ.—Успѣхи персіянъ на правомъ крылѣ.—Затруднительное положеніе 1-го дивизіона.—Шабельскій на правомъ флангѣ.—Блестящая атака князя Андроникова.—Заключительный актъ Елизаветпольской битвы.—Значеніе этого боя въ жизни Нижегородцевъ.—Потери полка.—Награды.—Лагерь на рѣкѣ Черекени и дѣйствія за Араксомъ.—Возвращеніе Нижегородцевъ въ Караагачъ, подъ командой князя Голицына.—Новое назначеніе Шабельскаго.—Полковой образъ.—Дѣйствія резервнаго эскадрона въ Кахетіи.—Участіе 1-го дивизіона въ экспедиціи противъ Джарцевъ.—Практическій пріемъ, вынесенный драгунами изъ этой экспедиціи.

Наступилъ знаменитый въ исторіи русскаго Закавказья — день елизаветпольской битвы. Съ разсвѣтомъ 13-го сентября русскій корпусъ

сталъ уже передъ городомъ въ боевомъ порядкѣ, готовый встрѣтить подходившаго врага. Батальонъ Ширванцевъ, и далѣе — батальонъ егерей образовали первую линію, а между ними въ центрѣ развернулись 12 орудій. За ними въ колоннахъ расположились: слѣва, за Ширванцами, батальонъ Грузинскаго полка; справа, за егерями, батальонъ карабинеровъ. По двѣ роты отъ тѣхъ же полковъ, Грузинскаго и Карабинернаго, выдвинулись уступами за первую линію и, свернувшись въ каре, прикрыли фланги отъ ударовъ непріятельской кавалеріи. За интервалами этой линіи, по дивизіонно, въ колоннахъ къ атакѣ, расположился весь Нижегородскій полкъ, имѣя на флангахъ иррегулярную конницу: направо—казаковъ, налѣво—татаръ. Затѣмъ полтора батальона херсонскихъ гренадеръ составили резервъ, а двѣ остальныя роты назначены въ прикрытіе къ обозу (1). Вотъ этой-то горсти людей, не превышавшей восьми тысячъ штыковъ и сабель, предстояло принять на себя ударъ 40-тысячной персидской арміи.

Около 10-ти часовъ утра обыкновенно молчаливая, широкая степь вдругъ наполнилась шумомъ и гамомъ огромной массы людей, крикомъ животныхъ, громыханьемъ орудій и повозокъ. То шелъ отъ Куракъ-чайской станціи непріятель, и всѣ движенія его по равнинѣ видны были съ занятыхъ нами высотъ, какъ на ладони. Впереди всѣхъ джигитовали татары-шамшадильцы, и небольшими шайками сворачивали съ большой дороги, пробираясь къ сторонѣ нашихъ обозовъ. А на окрестныхъ высотахъ стали между тѣмъ показываться вооруженные жители мѣстныхъ деревень, только ждавшіе окончанія дѣла, чтобы присоединиться къ побѣдителю и участвовать съ нимъ въ добычѣ. Въ русскомъ корпусѣ царствовала глубокая тишина.

Былъ уже полдень, когда персидская армія съ распущенными знаменами и барабаннымъ боемъ приблизилась наконецъ къ нашей позиціи. Она шла сплошною массой, которая, какъ туча, надвигалась на русскихъ. Но вотъ она остановилась и стала развертываться: толпы азіатской конницы появились на флангахъ, артиллерія стала выѣзжать на позицію, а вдали, за боевою линіею, виднѣлся длинный рядъ верблюдовъ съ навьюченными на нихъ фальконетами и горными орудіями; еще далѣе—стѣной стояли шахская гвардія и регулярная конница. Скоро началась канонада. Русскій корпусъ не трогался съ мѣста, выжидая врага въ грозной неподвижности (2).

Сраженіе при Елизаветполѣ.

(Съ картины Ф. Рубо).

Въ это самое время графъ Симоничъ подъѣхалъ къ Паскевичу съ словами: «Позвольте атаковать непріятеля; наши кавказскіе солдаты не привыкли обороняться—они нападаютъ».—Увѣрены ли вы въ побѣдѣ? спросилъ Паскевичъ. «Да, увѣренъ,—отвѣчалъ Симоничъ,—и вотъ мой товарищъ, Грековъ (командиръ Ширванскаго батальона), тоже отвѣчаетъ головой за успѣхъ».—Ну, такъ идите съ Богомъ ([3]).

Но еще не успѣли русскіе батальоны двинуться съ мѣста, какъ персидская конница обскакала нашъ лѣвый флангъ, и вдругъ цѣлая туча ея понеслась на двѣ роты Грузинскаго полка, стоявшія уступомъ. Грузинскіе стрѣлки отступили въ каре «съ нѣкоторою поспѣшностью», какъ выражается Симоничъ ([4]); татарская милиція была опрокинута и въ бѣгствѣ едва не смяла самого Паскевича ([5]). Къ счастію, на разстояніи менѣе ружейнаго выстрѣла отъ нашихъ ротъ оказался небольшой, но крутой бездорожный оврагъ, который издали не могъ быть замѣченъ. Это обстоятельство неожиданно получило важное вліяніе на весь послѣдующій ходъ сраженія. Разлетѣвшаяся во всю конскую прыть, толпа персіянъ вдругъ стала передъ оврагомъ и была осыпана ружейными залпами. Покружившись на мѣстѣ, конница ускакала назадъ, но за нею уже шла персидская пѣхота. Положеніе съ каждымъ мгновеніемъ становилось опаснѣе. Паскевичъ, слѣдившій за ходомъ боя съ высокаго холма, подозвалъ командира Нижегородскаго полка полковника Шабельскаго и, показавъ рукой на приближавшіеся батальоны, лаконически сказалъ: «Истребите ихъ!» Шабельскій молча приложилъ руку къ козырьку фуражки и поскакалъ къ полку ([6]). Задребезжала труба, и 3-й дивизіонъ, маіора Чеботкевича, подавшись правымъ плечомъ, сталъ развертывать фронтъ. Вотъ пронеслась команда,—и два эскадрона, имѣя впереди Шабельскаго, ринулись въ атаку. Оглушительнымъ залпомъ встрѣтили ихъ персіяне. Подъ Шабельскимъ была убита лошадь; командиръ 6-го эскадрона штабсъ-капитанъ Червонный упалъ съ коня съ раздробленною рукою. Но драгуны вломились въ непріятельскій строй, и его разбитыя, стоптанныя шеренги, одна за другой, стали ложиться подъ ударами сабель. Въ эту минуту персидская конница, оправившись отъ своей неудачи, кинулась помогать сарбазамъ,—и драгуны, охваченные съ двухъ сторонъ, очутились въ тискахъ. Отбрасываемые назадъ, разстроенные, но не побѣжденные, они съ быстротою, свойственной людямъ, привычнымъ къ одиночнымъ схваткамъ, собирались въ кучки, и уже безъ всякаго строя, тол-

пою, вновь и вновь возобновляли нападенія. Изъ фронта ихъ выбыло болѣе трети людей, силы начинали слабѣть (7)... Но вотъ, на помощь къ нимъ несется 2-й дивизіонъ, съ маіоромъ Аюкинымъ. Обогнувъ скалистый оврагъ, за которымъ стояли грузинцы, онъ ударилъ въ тылъ непріятельской конницѣ, которая, послѣ минутной схватки, разсѣялась по полю. Тогда оба дивизіона ринулись на пѣхоту. Разбившись на мелкія кучки, персіяне залегли въ канавахъ и густомъ кустарникѣ. Драгуны выбили ихъ изъ этихъ закрытій, и унтеръ-офицеръ Жилинъ, находившійся въ тотъ день ординарцемъ при полковникѣ Шабельскомъ, схватилъ непріятельское знамя. Пуля поразила его на-повалъ. Онъ упалъ, и вмѣстѣ съ нимъ упало и знамя, надъ которымъ тотчасъ же началась кровавая свалка. Здѣсь ранены штыками командиръ 3-го эскадрона штабсъ-капитанъ Шаншіевъ и прапорщикъ князь Язонъ Чавчавадзе, а поручикъ Заремба получилъ двѣ раны штыкомъ и саблей. Персіяне между тѣмъ подхватили знамя; но почти въ тотъ же моментъ прапорщикъ Боровитиновъ, вольноопредѣляющіеся братья Долинскіе и рядовой, изъ разжалованныхъ, Грачевъ, пробились до него вторично, и знамя, среди общей сумятицы, опять было взято драгунами,—но кѣмъ изъ нихъ именно, такъ и осталось невыясненнымъ (8). Это было большое красное знамя, съ изображеніемъ на немъ золотого льва, держащаго въ лапѣ обнаженный мечъ—эмблема силы и могущества Персіи; на знаменномъ же древкѣ, вмѣсто обычнаго копья, прибита была, отлитая изъ серебра, кисть правой руки съ распростертыми пальцами (9). Побѣдный трофей этотъ и понынѣ хранится среди Кремлевскихъ стѣнъ, въ Чудовомъ монастырѣ, у раки св. Алексѣя митрополита, какъ драгоцѣнный даръ императора Николая первопрестольной столицѣ въ память того, что первыя извѣстія о вторженіи персіянъ и первыя донесенія о ихъ пораженіи получены были въ Москвѣ, въ священные дни его коронаціи... Когда разнесся дымъ, и улеглась, поднятая шумною кавалерійскою битвою, пыль—сарбазовъ болѣе не существовало, и только на горизонтѣ виднѣлись остатки разбитой, уходившей съ поля сраженія, конницы. Подоспѣвшему сюда батальону Херсонцевъ уже не досталось участія въ бою, и начатомъ и конченномъ на лѣвомъ флангѣ одними Нижегородцами.

Приказавъ татарамъ преслѣдовать бѣгущихъ, Шабельскій быстро устроилъ свои эскадроны, и повелъ ихъ вправо на помощь къ нашему центру. Тамъ кипѣла страшная битва. Когда 18 персидскихъ батальоновъ

надвинулись на русскую позицію, Мадатовъ приказалъ сбросить ранцы и приготовиться къ удару въ штыки. Двумъ батальонамъ, составлявшимъ первую линію, предстояло сразиться съ восемнадцатью. Солдаты рванулись было впередъ, но Мадатовъ удержалъ ихъ словами: «Стой! Подпускай персіянина ближе—ему труднѣе будетъ уходить!» И вотъ, какъ только генералъ Вельяминовъ сосредоточилъ огонь двѣнадцати батарейныхъ орудій на наступавшихъ сарбазахъ, какъ только персидскіе батальоны, въ синихъ куртках и бѣлыхъ панталонахъ, осыпанные картечью, замедлили шагъ, Мадатовъ выхватилъ саблю и крикнулъ «ура!» Это послужило сигналомъ къ общему нападенію. Ширванцы и егеря первые кинулись впередъ; батальонъ грузинцевъ почти въ тотъ же моментъ сравнялся съ ними — и начался тяжелый рукопашный бой. Храбрый командиръ Ширванскаго батальона подполковникъ Грековъ былъ убитъ; командиръ Грузинскаго полка полковникъ Симоничъ раненъ. Солдаты, раздраженные потерей начальниковъ, напали на персіянъ со страшнымъ ожесточеніемъ ([10]).

Въ это-то мгновеніе появился на мѣстѣ боя Шабельскій съ своими драгунами. Быстрымъ натискомъ четыре эскадрона проложили себѣ путь въ самую середину разстроенныхъ персидскихъ батальоновъ, разбрасывая ихъ въ разныя стороны и опрокидывая все, что встрѣчалось имъ на пути. Офицеры подавали примѣръ солдатамъ и бились въ переднихъ рядахъ. Здѣсь былъ убитъ въ упоръ двумя пистолетными пулями Нижегородскаго полка прапорщикъ Волжинскій, въ тотъ моментъ, когда рука его уже коснулась непріятельскаго знамени; здѣсь же раненъ прапорщикъ Болдамусъ, у котораго плечо перебито прикладомъ, а подъ поручикомъ Горишневымъ и прапорщикомъ Масленниковымъ убиты лошади ([11]).

Соединенныя усилія пѣхоты и конницы скоро рѣшили судьбу сраженія и въ центрѣ. Регулярныя войска, оплотъ персидской монархіи, разбитыя и разсѣянныя, бѣжали въ безпорядкѣ. Персидская артиллерія поторопилась взять на передки и ускакала такъ быстро, что драгуны даже ея не видѣли. Преслѣдованіе продолжалось на разстояніи двѣнадцати верстъ до самой Курак-чайской станціи, гдѣ непріятель оставилъ свой лагерь. Въ ужасѣ постыднаго бѣгства персіяне миновали его, не успѣвъ ничего захватить, и палатки со всѣмъ имуществомъ достались въ добычу русской пѣхоты. Драгуны и татары, не останавливаясь въ лагерѣ, проскакали еще верстъ семь за Курак-чай, и несмотря на то, что ихъ было слишкомъ мало, и что при нихъ не было конной артиллеріи, они поспѣ-

вали вездѣ, и вездѣ наносили персіянамъ огромный уронъ. Плѣнныхъ, однако, не было, «ибо», какъ доносилъ Шабельскій, «драгуны были такъ раздражены, что ни одному персіянину не давали пощады» (12).

Въ то время какъ на лѣвомъ флангѣ и въ центрѣ русскіе уже одержали блестящую побѣду, дѣла на правомъ флангѣ складывались менѣе благопріятно. Правый флангъ былъ какъ бы забытъ, а между тѣмъ персіяне, опрокинувъ здѣсь два слабые казачьи полка, загнали ихъ подъ самую Ганжу и уже обходили русскую линію. Ближайшій къ правому флангу 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, подъ командой князя Андроникова, и двѣ роты Херсонцевъ, вызванныя изъ резерва, напрягали послѣднія силы, чтобы не пустить непріятеля въ тылъ нашей позиціи. Драгунскій офицеръ, посланный съ этимъ извѣстіемъ къ Шабельскому, долго ѣздилъ по полю, пока разыскалъ наконецъ своего командира далеко впереди, уже за Курак-чаемъ. Выслушавъ донесеніе, Шабельскій потребовалъ себѣ свѣжую лошадь; трубачъ, соскочивъ съ коня, подалъ своего, и Шабельскій, быстро сѣвъ въ солдатское сѣдло, поскакалъ на правый флангъ, сопровождаемый только однимъ ординарцемъ (13).

На пути онъ встрѣтилъ шесть ротъ Карабинернаго полка, шедшихъ за остальными войсками къ той же Курак-чайской станціи. Онъ ихъ остановилъ и приказалъ повернуть направо, чтобы выйти въ тылъ лѣвому непріятельскому флангу. Перемѣняя самовольно распоряженіе Паскевича, Шабельскій понималъ, что появленіе этихъ ротъ на правомъ крылѣ будетъ гораздо полезнѣе ненужнаго участія ихъ въ общемъ преслѣдованіи уже разбитаго врага—и принялъ все на личную отвѣтственность (14). Послѣдствія его оправдали вполнѣ. Персіяне, какъ только замѣтили этотъ опасный для себя маневръ, тотчасъ остановились, и стали подаваться назадъ. Херсонцы перешли въ наступленіе. Шабельскій между тѣмъ подскакалъ къ драгунамъ и, выразивъ увѣренность, что 1-й дивизіонъ поддержитъ славу, пріобрѣтенную уже Нижегородцами въ этотъ знаменательный день, приказалъ Андроникову ударить вмѣстѣ съ Херсонцами. Андрониковъ обскакалъ непріятеля справа и атаковалъ во флангъ. По словамъ очевидцевъ, это была одна изъ самыхъ стремительныхъ, бурныхъ атакъ,—и все, что попало подъ этотъ несущійся ураганъ, было смято и стоптано (15). Эскадроны врѣзались въ самую середину непріятельской линіи и произвели въ ней страшное опустошеніе. «Только гористая, изрытая оврагами, мѣстность — доносилъ Шабельскій — спасла непріятеля отъ

истребленія и не дозволила нанести ему такой вредъ, какой бѣгущая и разстроенная пѣхота должна была ожидать отъ кавалеріи» ([16]). Напрасно пытался онъ еще разъ обскакать персіянъ, чтобы замедлить ихъ бѣгство и подставить подъ ударъ нашей пѣхоты. Мѣстность была въ полномъ смыслѣ слова адская, и только на высокой и ровной площадкѣ, уже передъ самымъ Курак-чайскимъ ущельемъ, драгунамъ удалось наконецъ отрѣзать часть вражескихъ батальоновъ. Произошла рукопашная схватка. У драгунъ раненъ штыкомъ поручикъ Кадниковъ, подъ поручикомъ Фроловымъ штыкомъ же заколота лошадь, и выбыло изъ строя нѣсколько человѣкъ; но за то непріятель буквально завалилъ площадку своими тѣлами. И тѣмъ не менѣе два батальона, успѣвшіе избѣгнуть пораженія, кинулись на лѣсистый курганъ и стали окапываться.

Какъ разъ въ это время подошли карабинерныя роты и прибылъ сюда князь Мадатовъ, принявшій на себя дальнѣйшія распоряженія боемъ. Курганъ окружили со всѣхъ сторонъ. Между тѣмъ осенній день приближался къ концу, наступали сумерки. Чтобы скорѣе покончить дѣло, карабинеры кинулись на штурмъ, но были отбиты съ большою потерей. Тогда они послали за подмогой, а сами залегли подъ горой, чтобы не выпустить персіянъ изъ рукъ; драгуны стерегли ихъ съ другой стороны. Скоро появились Херсонцы съ двумя орудіями, которыя открыли картечный огонь—и персіяне бросили оружіе ([17]). Здѣсь взято было до тысячи плѣнныхъ, двѣ пушки и три знамени—всѣ бѣлыя, на которыхъ покоющійся левъ былъ освѣщенъ восходящимъ солнцемъ. Это была также эмблема, но эмблема уже могущества и просвѣщенія, выразившагося, между прочимъ, въ заведеніи Аббасъ-мирзою и регулярной, обученной европейскими офицерами, арміи.

Въ непрерывныхъ атакахъ Нижегородцы понесли чувствительную потерю, особенно въ офицерахъ. Афоризмъ извѣстнаго кавалерійскаго писателя: «Сабля офицера не тупѣе солдатской, конь—лучше, и честь должна указать ему мѣсто», былъ очевидно ближе ихъ сердцу, чѣмъ изреченіе писателей другой, позднѣйшей формаціи, сложившей фразу, что «офицеръ не мясникъ, и дѣло его не рубить, а смотрѣть за порядкомъ». Вся потеря русскаго корпуса состояла изъ 12 офицеровъ и 285 нижнихъ чиновъ,—и бо́льшая половина ея приходилась на долю нашихъ Нижегородцевъ. Изъ рядовъ ихъ выбыло въ этотъ день 7 офицеровъ, 137 нижнихъ чиновъ и болѣе двухсотъ лошадей. Въ числѣ убитыхъ находился и юнкеръ князь Димитрій Чавчавадзе, родной братъ Язона ([18]).

Паскевичъ былъ самъ свидѣтелемъ блестящихъ дѣйствій Нижегородскаго полка, и, впослѣдствіи, не могъ имъ нахвалиться. «Я очень доволенъ драгунами, которыхъ посылалъ на пѣхоту и кавалерію», писалъ онъ Дибичу, излагая ходъ елизаветпольскаго сраженія (19). Почти сорокъ три года провелъ передъ тѣмъ полкъ на Кавказѣ, и много пришлось ему испытать за это время кровавыхъ и безвѣстныхъ сѣчъ на берегахъ Кубани и Терека, въ горахъ Осетіи, Хевсуріи и Лезгистана, въ лѣсахъ Чечни, и въ долинахъ Грузіи. Но то были битвы иного рода. Теперь же людямъ, закаленнымъ въ малой войнѣ, въ одиночныхъ схваткахъ, впервые пришлось участвовать въ большомъ генеральномъ сраженіи,—и имъ было гдѣ показать себя. День елизаветпольской побѣды былъ днемъ, въ который яркимъ лучомъ загорѣлась слава Нижегородскаго полка,—и съ этого дня начинается блестящій періодъ его полковой исторіи.

Первая рѣшительная побѣда надъ персіянами торжественно праздновалась въ обѣихъ столицахъ, и отбитыя въ сраженіи знамена возились по улицамъ. Всѣмъ нижнимъ чинамъ, участвовавшимъ въ бою, императоръ Николай пожаловалъ отъ себя по чаркѣ водки, по фунту мяса и по рублю на человѣка (20). Офицеры также награждены были щедро. Въ Нижегородскомъ полку—командиръ его полковникъ Шабельскій получилъ орденъ св. Георгія 4 ст. и вслѣдъ за тѣмъ чинъ генералъ-маіора. *Золотую саблю*—прапорщикъ князь Язонъ Чавчавадзе. Орденъ св. Владиміра 4 степени—маіоры князь Андрониковъ, Казасси и штабсъ-капитанъ Заремскій. *Анну 2 ст.*—маіоръ Аюкинъ; *3 степени*—капитаны Сулхановъ, Марковъ, Луневскій и Гринфельдтъ, штабсъ-капитаны Червонный и Шаншіевъ, поручикъ Челяевъ и штабъ-лекарь Растороповскій; *Анну 4 степени*—поручики Горишневъ, Боровитиновъ и Кобылинскій, прапорщики: Масленниковъ, Завалишинъ и Шабельскій. Штабсъ-капитану Червонному, помимо ордена, пожаловано отъ монаршихъ щедротъ еще тысяча рублей для излѣченія раны (21).

Затѣмъ прапорщику Депрерадовичу, переведенному изъ гвардіи тѣмъ же чиномъ, уничтоженъ штрафъ; вольноопредѣляющіеся Антонъ и Тимофѣй Долинскіе произведены въ офицеры, а рядовому Грачеву возвращенъ прежній чинъ прапорщика. Въ числѣ награжденныхъ были также и два грузина, безотлучно находившіеся въ сраженіи при Шабельскомъ: это—прапорщикъ князь Сосія Андрониковъ, исполнявшій въ Караагачѣ 12 лѣтъ должность переводчика, и волонтеръ князь Константинъ Джандіеровъ.

Первому пожалованъ пожизненный пенсіонъ въ 200 рублей, а второй произведенъ въ офицеры. Нижнимъ чинамъ Паскевичъ назначилъ 30 знаковъ Отличія Военнаго ордена ([22]).

Съ какою разборчивостію давались эти знаки отличій, можно судить по тому, что въ числѣ награжденныхъ мы не встрѣчаемъ двухъ рядовыхъ, Павла Нефедьева и Ивана Федотова, обращавшихъ на себя общее вниманіе своими тяжкими ранами: первый лишился зрѣнія отъ сильной контузіи въ голову, второму пуля разбила обѣ челюсти, вышибла всѣ зубы и оторвала языкъ. Обоихъ ихъ уволили отъ службы и отправили въ Саратовскій батальонъ внутренней стражи на пожизненное инвалидное содержаніе ([23]). Кстати сказать, что родной братъ этого Нефедьева, Иванъ, захваченъ былъ лезгинами во время нападенія ихъ на Караагачъ 2-го августа, томился въ плѣну нѣсколько лѣтъ и возвратился въ полкъ уже по возвращеніи его изъ Турціи ([24]).

Дальнѣйшія событія кампаніи въ этомъ году не представляли собой уже особыхъ случаевъ къ отличіямъ. На другой день послѣ елизаветпольскаго сраженія, Мадатовъ, взявъ съ собою Нижегородскій полкъ, всю иррегулярную конницу и два батальона съ четырьмя орудіями, прошелъ форсированнымъ маршемъ еще 25 верстъ; но Аббасъ-Мирза подъ этимъ новымъ натискомъ до того ускорилъ свое бѣгство, что приказалъ пѣхотѣ сѣсть на лошадей вмѣстѣ съ кавалеристами,—и 15-го сентября уже былъ за Араксомъ. 17-го переправились за нимъ и послѣдніе остатки его разбитой арміи. Спустя пять дней послѣ сраженія, ни одного непріятельскаго воина не оставалось уже въ Карабагѣ; попадались по окольнымъ дорогамъ только отсталые, безоружные и голодные люди, которыхъ немилосердно убивали и грабили сами же карабагскіе татары. Таковы были результаты елизаветпольскаго боя, освободившаго Закавказскій край отъ нашествія персіянъ, и внесшаго одну изъ видныхъ страницъ въ военную исторію Россіи.

Отдохнувъ на рѣкѣ Теръ-Терѣ, гдѣ былъ непріятельскій лагерь, побѣдоносный корпусъ Паскевича 18-го сентября двинулся дальше, и 22-го расположился лагеремъ на рѣчкѣ Черекей, верстахъ въ 20 отъ Асландуза. Переходить границу было запрещено, и войскамъ пришлось простоять въ бездѣйствіи около мѣсяца. Въ началѣ октября стали ходить

слухи, что Аббасъ-Мирза собираетъ новыя силы, чтобы подойти къ Араксу, и даже указывали пунктъ, выбранный имъ для лагеря, верстахъ въ четырехъ отъ Худоперинскаго моста. Армяне и татары говорили о значительныхъ массахъ персидской пѣхоты и конницы. Чтобы удостовѣриться въ томъ, эскадронъ Нижегородскаго полка былъ посланъ на рекогносцировку, дошелъ до самаго Аракса, но лагеря никакого не видѣлъ. Можно было полагать, однако, что онъ существуетъ, и гдѣ-нибудь не далеко, такъ какъ драгуны видѣли пикетъ, ускакавшій при ихъ приближеніи ([25]). Догадка эта не замедлила подтвердиться. 18-го октября непріятельская конница вдругъ появилась на нашемъ берегу и угнала съ собою нѣсколько татарскихъ кочевій. На другой день повторилось то же. Нужно было оттѣснить непріятеля отъ нашихъ границъ, тѣмъ болѣе, что близость персіянъ вообще волновала мусульманскія провинціи и мѣшала войскамъ усмирить мятежъ въ Кубѣ и Ширвани. И вотъ, 24-го октября, не ожидая уже ничьихъ разрѣшеній, Паскевичъ поднялъ отрядъ и двинулъ его къ Мареліанской переправѣ. Араксъ нужно было переходить по глубокому броду; а такъ какъ въ окрестности нельзя было собрать ни лодокъ, ни паромовъ, то Паскевичъ приказалъ пѣхотѣ садиться на лошадей позади драгунъ, которымъ и пришлось такимъ образомъ совершить цѣлый рядъ рейсовъ, пока они успѣли перевести на тотъ берегъ нѣсколько батальоновъ. Но едва переправились—какъ узнали, что Аббасъ-Мирза отступилъ къ Ардебилю, оставивъ передъ нами въ горахъ только легкіе отряды кавалеріи. Шабельскій, посланный съ Нижегородскимъ полкомъ на перерѣзъ непріятеля, настигъ его арріергардъ 28-го октября, но послѣ жаркой перестрѣлки, персіяне, пользуясь густымъ туманомъ, успѣли скрыться, и въ рукахъ драгунъ остались только татарскія кочевья, угнанныя изъ Карабага. Гнаться за персіянами дальше Паскевичъ счелъ безполезнымъ и 29-го числа повернулъ назадъ. Нижегородцы пошли въ арріергардѣ. Въ тотъ же день, проходя одно длинное ущелье, они встрѣчены были залпомъ персидскаго отряда, устроившаго засаду, но, спѣшившись, быстро разсѣяли его, и 31-го октября, вслѣдъ за остальными войсками, перешли у Асландуза на русскую сторону ([26]). «Въ походѣ моемъ черезъ Араксъ и обратно», отмѣчаетъ Паскевичъ въ своемъ журналѣ, «ничего замѣчательнаго не случилось, выключая, что я замѣтилъ, что войска наши не привыкли драться въ горахъ» ([27]). Отзывъ нѣсколько странный по отношенію къ войскамъ, исходившимъ съ Ермоловымъ весь Дагестанъ.

Прошелъ еще почти мѣсяцъ бездѣйственной охраны нашихъ границъ. Лагерь все стоялъ на рѣкѣ Черекени, а между тѣмъ наступила зима, и горныя долины покрылись снѣгами. Переправа черезъ Араксъ съ каждымъ днемъ становилась затруднительнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ упрочивалась и безопасность нашихъ предѣловъ. Рѣшено было наконецъ распустить отрядъ, оставивъ въ Карабагѣ только часть войскъ, подъ командою Мадатова. Нижегородскому полку приказано также возвратиться въ Грузію. Но передъ самымъ отправленіемъ Паскевичъ произвелъ ему инспекторскій смотръ, и вотъ что писалъ онъ о немъ государю: «Нижніе чины въ Нижегородскомъ полку, хотя не получили годовыхъ вещей, но по хорошимъ распоряженіямъ командира полка генерала Шабельскаго, имѣютъ всего достаточное количество. Претензій не объявили. Изъ строевыхъ лошадей частію есть слабыя къ походу, но и то полагаю отъ бывшаго недостатка въ кормѣ; сѣдла новыя, попоны хорошія, мундштуки и всѣ сѣдельныя принадлежности въ довольно изрядномъ состояніи» ([28])... Это былъ послѣдній смотръ въ командованіе Шабельскаго. За отсутствіемъ Мадатова, Паскевичъ приказалъ ему принять Карабагскій отрядъ, а вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады 2-й уланской дивизіи, прибывшей въ то время изъ Россіи. Въ полкъ онъ болѣе уже не возвращался; но памятникомъ его командованія понынѣ остается образъ, сооруженный, какъ гласитъ на немъ надпись: «усердіемъ» полковника Шабельскаго 8 сентября 1825 года, въ честь Знаменія Божіей Матери,—день, въ который Нижегородцы изстари праздновали свой полковой праздникъ. Это и есть тотъ старый, потемнѣвшій отъ времени, образъ, который сопутствовалъ съ тѣхъ поръ полку во всѣхъ его боевыхъ походахъ.

На другой день послѣ смотра Паскевича, Нижегородскій полкъ выступилъ на зимовыя квартиры въ Караагачъ, подъ командою полковника князя Голицына, только что прибывшаго въ полкъ изъ отставки. Князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ былъ одинъ изъ выдающихся боевыхъ офицеровъ наполеоновскихъ войнъ. Онъ имѣлъ три раны пулями и четвертую саблей; съ раннихъ оберъ-офицерскихъ чиновъ носилъ онъ Георгіевскій крестъ, золотую саблю, и на шеѣ Анну съ брилліантами. Всѣ чины до ротмистра включительно онъ получилъ за отличія въ сраженіяхъ, и за отличіе же переведенъ былъ изъ Украинскаго казачьяго полка тѣмъ же чиномъ въ гвардію и назначенъ флигель-адъютантомъ. Въ 1825 году, въ послѣдній годъ царствованія императора Александра I-го, Голицынъ по-

лучилъ въ командованіе Тираспольскій конно-егерскій полкъ,—но тутъ и оканчивается его блестящая карьера. Формуляръ его говоритъ глухо, что въ томъ же, 1825 году, онъ исключенъ изъ службы. Немилость государя продолжалась, впрочемъ, не долго. Съ открытіемъ персидской войны императоръ Николай принялъ его опять на службу и опредѣлилъ въ Нижегородскій полкъ прежнимъ полковничьимъ чиномъ ([29]).

Въ Караагачѣ Нижегородскій полкъ опять соединился съ своимъ запаснымъ эскадрономъ, на долю котораго выпало также не мало тревогъ и заботъ по оборонѣ Кахетіи. Край, несмотря на пораженіе царевича, стоялъ въ огнѣ, и джарцы, ожидая съ минуты на минуту извѣстій о побѣдахъ персидской арміи, только усиливали смѣлость набѣговъ. Еще Нижегородцы не перешли за рубежъ Кахетіи, какъ лезгины въ ту же ночь, 1-го сентября, кинулись на оставленный ими лагерь и зажгли его со всѣхъ четырехъ сторонъ. Въ Царскихъ Колодцахъ узнали о появленіи непріятеля только тогда, когда запылали бараки, и багровое зловѣщее зарево пожара разлилось по темному небу. Запасный эскадронъ, подъ командой подполковника Нечволодова, поскакалъ на пожарище, но прекрасные Нижегородскіе лѣтники представляли уже груду угля, мусора, да обгорѣлыхъ тлѣющихъ бревенъ ([30]).

Дерзость лезгинъ и на этотъ разъ прошла безнаказанно, такъ какъ всѣ наступательныя дѣйствія съ нашей стороны были запрещены, а охранять край одною слабою грузинскаго милиціей, наскоро собранной изъ деревенскихъ жителей, было невозможно. Эристовъ болѣе всего сожалѣлъ объ отсутствіи Нижегородскаго полка, при которомъ лезгины, конечно, не осмѣлились бы хозяйничать въ Кахетіи, какъ дома. Сохранилось свѣдѣніе, что дѣлая небольшіе поиски и слыша о разбояхъ то въ той, то въ другой сторонѣ, онъ писалъ Нечволодову: «если у тебя нѣтъ свободныхъ драгунъ, то пришли по крайней мѣрѣ ихъ шаровары. Какъ только лезгины увидятъ красные лампасы, они убѣгутъ изъ Кахетіи» ([31]). Нечволодовъ помогалъ чѣмъ могъ, и 40 человѣкъ конныхъ драгунъ съ этихъ поръ постоянно находились при Эристовѣ.

Однажды, во время такой поѣздки по краю, Эристовъ получилъ извѣстіе, что какая-то разбойничья шайка только что прошла на Іору; тамъ были мельницы, гдѣ находилось десять Нижегородскихъ драгунъ, занятыхъ перемолкою хлѣба, и Эристова не могла не озабочивать ихъ участь. Къ счастію, драгуны стояли насторожѣ, и потому при появленіи лезгинъ,

отстрѣливаясь, успѣли благополучно отступить къ ближайшему посту. Эристовъ, между тѣмъ, съ своими сорока драгунами кинулся на перерѣзъ лезгинамъ, скакалъ всю ночь, и утромъ 9-го октября настигнулъ партію. Лезгины засѣли на горѣ и обложились огромными каменьями. Эристовъ спѣшилъ драгунъ и три часа велъ перестрѣлку, не давая непріятелю спуститься съ горы. Между тѣмъ подоспѣла пѣхота, и лезгины, атакованные съ двухъ сторонъ, понесли жестокое пораженіе.

Въ подобныхъ стычкахъ, вспыхивавшихъ въ краѣ, какъ молніи, прошла вся осень ([32]). Въ Кахетію вступили между тѣмъ три казачьи полка, дивизія уланъ и дивизія пѣхоты, прибывшія изъ Россіи. Ермоловъ пошелъ усмирять татарскія ханства. Вездѣ, куда достигалъ слухъ о елизаветпольскомъ погромѣ и бѣгствѣ персидскихъ полчищъ, картина края мгновенно перемѣнялась. Гуссейнъ-кули-ханъ, стоявшій передъ Баку, поспѣшно снялъ блокаду и бѣжалъ въ Талышинскія степи; Куба была освобождена, Ширвань и Нуха очищены отъ шаекъ. Грозное имя Ермолова повсюду водворяло нарушенный порядокъ, и теперь оставалось только покончить съ Джарцами, чтобы въ краѣ возстановилось полнѣйшее спокойствіе. Въ декабрѣ мѣсяцѣ пять полковъ 20-й дивизіи двинулись къ Закаталамъ со стороны Алазани, и туда же направился Ермоловъ изъ Шемахи. Нижегородскій полкъ, только что вернувшійся съ персидской границы, оставленъ былъ въ Караагачѣ, но одинъ дивизіонъ его Ермоловъ потребовалъ въ Нуху на присоединеніе съ своему отряду. Пошелъ 1-й, подъ командою маіора князя Андроникова ([33]).

Походъ этотъ не представлялъ ничего особеннаго, но въ немъ случилось одно обстоятельство, которое оставило послѣ себя глубокій слѣдъ въ походномъ быту Нижегородцевъ. Дивизіону пришлось переправляться черезъ Алазань, которая была въ разливѣ. Бродъ былъ чрезвычайно глубокъ, и чтобы не подмочить ружей, Андрониковъ приказалъ вынуть ихъ изъ бушматовъ и надѣть черезъ плечо, какъ дѣлали горцы. Этотъ способъ оказался настолько удобнымъ, и такъ полюбился драгунамъ, что они съ тѣхъ поръ иначе и не возили своихъ ружей во время дальнихъ походовъ ([34]). Такимъ образомъ, почти за восемь лѣтъ до приказа, узаконившаго такой способъ носки ружья для всѣхъ вообще драгунъ, Нижегородцы уже практиковали его, какъ обычай, получившій законную силу въ ихъ вѣчно походной жизни, гдѣ мало обращали вниманія на форму.

Военныхъ дѣйствій во время этой экспедиціи не было. Ермоловъ просто обложилъ Закаталы со всѣхъ сторонъ и угрозой голода принудилъ ихъ къ безусловной покорности. Зима въ Кахетіи прошла затѣмъ совершенно спокойно, и какъ только наступила весна, войска стали готовиться къ наступательной кампаніи противъ Персіи, чтобы внести русское оружіе уже въ самое сердце этой вѣроломной страны.

Образъ Шабельскаго.
въ честь Знаменія Божіей Матери, пожертвованный полку
8 сентября 1825 года.

Поручикъ Левковичъ съ персидскимъ знаменемъ послѣ Джеванбулаха.

III.

Нижегородцы подъ Джеванъ-Булахомъ.

(1827 г.).

Зима въ Караагачѣ.—Новый командиръ полка Николай Николаевичъ Раевскій.—Первые шаги его на военномъ поприщѣ, отмѣченные исторіею.—Приготовленіе имъ полка къ походу.—Русскіе подъ Эриванью.—Прибытіе туда же Нижегородскаго полка.—Трудный походъ къ Нахичевани.—Осада Аббасъ-Абада.—Нижегородцы въ Джеванбулахскомъ бою.—Поручикъ Левковичъ.—Награды за Джеванъ-Булахъ.—Особый элементъ въ составѣ Нижегородскаго полка.—Разжалованные и ссыльные.—Исторія маіора Чагина.—Вечеръ на Джеванбулахскомъ полѣ.—«Побѣдное» персидское знамя.

Зиму на 1827 годъ Нижегородскій полкъ провелъ въ сожженномъ Караагачѣ. Грустно было сидѣть на пепелищѣ родного, взлелѣяннаго имъ уголка, — но дѣлать было нечего: пришлось разбить палатки

и ютиться какъ попало, и кому съ кѣмъ пришлось, до новаго похода, который ожидали весною.

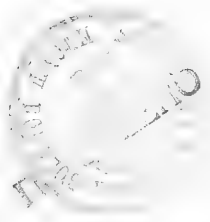
3-го января въ Караагачъ прибылъ новый полковой командиръ, назначенный на мѣсто Шабельскаго, полковникъ Николай Николаевичъ Раевскій (1). Это былъ сынъ знаменитаго героя народной войны 1812 года, и Нижегородцы, привѣтствуя его, вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминали лучшія времена своей старины, когда отецъ его командовалъ также Нижегородскимъ полкомъ, и также участвовалъ съ нимъ въ побѣдоносномъ персидскомъ походѣ.

Раевскому шелъ тогда только 27-й годъ отъ роду. Онъ поступилъ на службу одиннадцати-лѣтнимъ юношей въ Орловскій пѣхотный полкъ, и первое дѣло, въ которомъ онъ услышалъ свистъ непріятельскихъ пуль, было сраженіе подъ Дашковымъ. Когда, въ рѣшительный моментъ атаки, отецъ его—тогда уже командиръ 7-го пѣхотнаго корпуса—сталъ во главѣ Смоленскаго полка, онъ вывелъ съ собой и двухъ юныхъ своихъ сыновей. Меньшого, Николая, онъ велъ за руку, а Александръ, схвативъ знамя, лежавшее подлѣ убитаго подпрапорщика, понесъ его передъ войсками (2). Норовъ свидѣтельствуетъ, что объ этомъ патріотическомъ подвигѣ говорила тогда вся армія. «Вы, вѣроятно, слышали», писалъ и самъ Раевскій въ одномъ изъ своихъ писемъ (3), «о страшномъ дѣлѣ, бывшемъ у меня съ маршалами Даву и Лефебромъ. Мы дрались съ десятью тысячами противъ шестидесяти и успѣли выйти изъ дѣла съ честью... Сынъ мой Александръ показалъ себя молодцомъ, а Николай даже во время самаго сильнаго огня безпрестанно шутилъ; пуля порвала ему брюки... Оба они повышены чинами»... Бутеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что одинъ изъ сыновей Раевскаго получилъ легкую рану. Когда вернулись изъ дѣла, продолжаетъ тотъ же Бутеневъ, — толпа окружила своего любимаго командира, превозносила его геройство и въ особенности патріотическія чувства, заставлявшія его жертвовать своими сыновьями. Но онъ говорилъ мало, грустный и видимо огорченный неудачею дѣла (4). «Знаешь ли ты, Николай, — спросилъ онъ у младшаго сына,—зачѣмъ я водилъ тебя въ дѣло»?—Да, папа,—чтобы умереть вмѣстѣ, отвѣчалъ юноша (5). Таково было поколѣніе, таковъ былъ духъ двѣнадцатаго года! За дѣло подъ Дашковымъ оба молодые Раевскіе произведены были въ прапорщики.

Таково было начало военной карьеры новаго командира Нижегород-

Джеванбулахскій бой.

(Изъ альбома Машкова).



цевъ. Жуковскій въ своемъ «Пѣвцѣ во станѣ русскихъ воиновъ» увѣковѣчилъ память славнаго эпизода слѣдующею строфою:

Раевскій, слава нашихъ дней.
Хвала Передъ рядами
Онъ первый—грудь противъ мечей
Съ отважными сынами.

Наполеоновскія войны Раевскій окончилъ уже поручикомъ лейбъ-гусарскаго полка, съ владимірскимъ крестомъ въ петлицѣ, и былъ назначенъ адъютантомъ къ Васильчикову, командовавшему тогда гвардейскимъ корпусомъ. Потомъ онъ былъ адъютантомъ у Дибича, а въ 1823 году переведенъ въ Харьковскій драгунскій полкъ полковникомъ. Здѣсь постигъ его одинъ изъ тяжелыхъ опытовъ жизни: близкія сношенія его со многими декабристами, которые были друзьями его дѣтства, навлекли подозрѣнія на него самого, и онъ былъ арестованъ. Тяжелая туча повисла тогда надъ сѣдою головою стараго Раевскаго: сыновья его были въ крѣпости, зять, князь Волконскій, пошелъ въ рудники, а за нимъ добровольно отправилась въ ссылку и жена его, любимая дочь Раевскаго, такъ поэтически воспѣтая Некрасовымъ въ его «Русскихъ женщинахъ». Къ счастью, въ бумагахъ молодыхъ братьевъ не оказалось ничего подозрительнаго, и ихъ освободили. Спустя короткое время послѣ этой катастрофы, именно 16 сентября 1826 года, младшій изъ нихъ, Николай, и былъ назначенъ командиромъ Нижегородскаго полка.

Высокаго роста, массивнаго сложенія, съ красивымъ выразительнымъ лицомъ, всегда въ сюртукѣ на распашку (онъ не носилъ мундира, потому что грудь его была раздавлена зарядным ящикомъ) (6), Раевскій производилъ на всѣхъ чарующее впечатлѣніе. Полкъ и понынѣ высоко чтитъ имя и память своего командира, и годы не умаляютъ этого чувства: въ преданіяхъ полка съ именемъ Раевскаго неразлучно соединяется понятіе о блестящей и безграничной храбрости, о высокой рыцарской честности и неотразимой симпатичности.

Съ пріѣздомъ Раевскаго начались усиленныя приготовленія къ предстоящей кампаніи. Полкъ, насколько, разумѣется, допускали своеобразныя условія кавказской жизни, приходилъ въ порядокъ. Подошли рекрута, но лошадей все-таки недоставало крупной цифры 495-ти, а слѣдовательно полкъ могъ выступить въ походъ лишь въ половинномъ числѣ рядовъ. Да

и о тѣхъ лошадяхъ, которыя были налицо, приходилось приложить усиленныя заботы; онѣ были изнурены въ предшествовавшей кампаніи, а между тѣмъ сѣна не было, такъ какъ въ прошломъ году, по военнымъ обстоятельствамъ, его не косили, а купить было негдѣ. Раевскій нашелъ, впрочемъ, тотчасъ выходъ изъ этого затрудненія: онъ выдвинулъ лагерь верстъ на восемь впередъ отъ Караагача, и расположилъ его въ богатыхъ лугахъ на берегахъ Алазани. Лошади, благодаря этому, быстро поправились, такъ какъ для нихъ не жалѣли ни скошенной травы, ни ячменя, а деньги, отпущенныя на покупку сѣна, Раевскій цѣликомъ обратилъ на мясныя и винныя порціи, чтобы въ продолженіе усиленныхъ трудныхъ покосовъ предупредить развитіе среди солдатъ болѣзненности (7).

На этой стоянкѣ, въ прибрежныхъ Алазанскихъ долинахъ, Нижегородцы узнали объ отъѣздѣ съ Кавказа Алексѣя Петровича Ермолова, и о назначеніи на его постъ Паскевича.

Зима окончилась. На границахъ Персіи начались уже военныя дѣйствія, и русскій авангардъ, предводимый генералъ-адъютантомъ Бенкендорфомъ, перейдя снѣговой Безобдалъ, 13-го апрѣля занялъ первопрестольный армянскій монастырь Эчміадзинъ. Непріятель отошелъ на Абаранскую равнину, гдѣ была собрана вся персидская конница, и здѣсь-то, у селенія Айгланлы, произошло первое столкновеніе въ войну 1827 года. Дѣло это показало, между прочимъ, что донскіе казаки не въ силахъ бороться съ пылкими персидскими наѣздниками, и Бенкендорфъ, готовясь блокировать Эривань, требовалъ къ себѣ или Нижегородскій полкъ, или бригаду уланъ съ конной артиллеріей (8). Но Нижегородцы, какъ и уланы, стояли еще на зимнихъ квартирахъ и къ блокадѣ Эривани поспѣть не могли. Только въ маѣ мѣсяцѣ выступилъ, наконецъ, Нижегородскій полкъ изъ Царскихъ Колодцевъ и черезъ Тифлисъ прошелъ въ м. Шулаверы (9), гдѣ собирались войска дѣйствующаго корпуса. Къ тому времени полкъ успѣлъ уже получить ремонтъ, и явился въ шести-эскадронномъ составѣ, имѣя по 14-ти полныхъ рядовъ во взводахъ. Запасный эскадронъ, подъ командой маіора Чеботкевича, попрежнему остался въ Царскихъ Колодцахъ (10).

Въ Шулаверахъ Паскевичъ осмотрѣлъ полки, уже готовые къ походу, и кавалерія 15-го мая выступила черезъ Акзабіюкскій и Безобдальскій перевалы къ Эчміадзину. Дороги, однакоже, были такъ дурны, перевалы до того испорчены прошедшими впереди обозами и транспортами, что войска, слѣдовавшія эшелонами, сосредоточились въ Эчміадзинѣ едва къ 10-му іюня.

Здѣсь они простояли больше недѣли, прислушиваясь къ глухимъ раскатамъ пушечныхъ выстрѣловъ, доносившихся до нихъ изъ Эривани. Городъ уже два мѣсяца находился въ блокадѣ. Но одною блокадой нельзя было принудить къ сдачѣ крѣпость, отъ которой безъ успѣха отступили князь Цицiановъ и Гудовичъ, а осадныхъ средствъ подъ рукой не было. Тогда Паскевичъ, ближе познакомившись съ положеніемъ дѣлъ, рѣшилъ перенести военныя дѣйствія на Нижній Араксъ, чтобы оттуда вторгнуться въ Адербейджанъ со стороны Нахичеванскаго ханства, а подъ Эриванью оставить лишь наблюдательный отрядъ генерала Красовскаго, который только осенью, съ прибытіемъ къ нему тяжелой артиллеріи, долженъ былъ приступить уже къ правильной осадѣ этой сильной крѣпости.

Смѣнивъ блокадныя войска Бенкендорфа полками 20-й дивизіи, пришедшей изъ Россіи, Паскевичъ назначилъ къ походу съ собой только гвардейскій полкъ да старую кавказскую пѣхоту, которые и собрались 16-го іюня на Гарничаѣ, верстахъ въ сорока отъ Эривани. Кавалерію составляли Нижегородскій драгунскій полкъ и бригада уланъ—полки Борисоглѣбскій и Серпуховской, съ донской казачьей конно-артиллерійскою ротой, подъ общею командой генералъ-адъютанта Бенкендорфа, одного изъ замѣчательнѣйшихъ военныхъ дѣятелей Россіи первой четверти нынѣшняго вѣка.

Путь къ Нахичевани лежалъ низменной долиною Аракса, образующей песчаныя, знойно удушливыя степи, гдѣ войска испытывали жары, доходившія до 43 градусовъ. Кругомъ себя они видѣли только пустынныя, голыя, выжженныя солнцемъ пространства, такъ какъ жители этой долины покинули ее, чтобы лишить русскихъ возможности продовольствоваться средствами края. Отъ Гарничая до Нахичевани только 72 версты, но этотъ путь по мертвой, пустынной странѣ, подъ палящимъ солнцемъ и при совершенномъ отсутствіи воды и подножнаго корма, войска прошли едва въ шесть дней. Ужасный, непривычный климатъ отзывался не только на людяхъ, но и на животныхъ: волы едва передвигали ноги, а лошади прекрасной уланской дивизіи, воспитанныя въ конюшняхъ военныхъ поселеній, скоро пришли въ такое изнуреніе, что почти не годились для борьбы съ живою персидскою конницею. Глядя на эти полки, очевидцы невольно припоминали теперь насмѣшки и шутки, сыпавшіяся на нашихъ кавказскихъ драгунъ, когда красивые уланы впервые появились изъ Россіи на улицахъ Тифлиса, въ невиданной дотолѣ пестрой одеждѣ, на рослыхъ и гордыхъ коняхъ, сгибавшихъ шею въ кольцо. Какимъ ничтож-

нымъ и мизернымъ казался въ то время строй Нижегородцевъ, сидѣвшій на маленькихъ азіятскихъ коняхъ, круглый годъ ходившихъ на пастбищѣ по Алазани. Но то были добрые степные кони, способные выносить всѣ трудности походнаго быта,—и ихъ стремительнымъ атакамъ Паскевичъ былъ обязанъ впослѣдствіи славою Джеванбулахской побѣды (11).

Непріятель во все время похода нигдѣ не показывался, и только у самой уже Нахичевани встрѣтилъ насъ довольно значительный отрядъ персидской кавалеріи. Но едва Нижегородскій полкъ двинулся впередъ, а за нимъ вынеслась уланская бригада, шумя флюгерами своихъ пикъ,—персіяне отступили, и Нахичевань, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Арменіи, сдался безъ боя. Жители, христіане, встрѣтили русскихъ съ восторгомъ, какъ своихъ избавителей: но правитель города Керимъ-ханъ и почти всѣ городскія власти ушли съ персіянами, въ рукахъ которыхъ находились еще опорные пункты страны. Такъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, къ югу, лежала на Араксѣ значительная крѣпость Аббасъ-Абадъ, охранявшая сообщенія съ Хойскою провинціею, и пока она находилась въ рукахъ непріятеля, до тѣхъ поръ не могло быть и рѣчи о покоренiи Нахичеванской области. На эту крѣпость и направилъ теперь свои удары Паскевичъ.

Въ полдень 28-го іюня вся кавалерія, поддержанная карабинернымъ полкомъ, приблизилась къ крѣпости и стала отъ нея на пушечный выстрѣлъ. Персіяне открыли пушечный огонь, имъ отвѣчала рота конной артиллеріи—и канонада разгорѣлась.

Въ это время по ту сторону Аракса, со стороны Хойской провинціи, показалась персидская кавалерія. Бенкендорфъ послалъ на развѣдки двѣ сотни казаковъ, а вслѣдъ за ними двинулъ два полка кавалеріи. Нижегородцы и Серпуховскіе уланы отважно бросились въ воду и поплыли подъ огнемъ крѣпости. Конная артиллерія не хотѣла отстать отъ нихъ, и на плаву перетащила подъ водою свои четыре орудія (12). Пока шла переправа, непріятель скрылся, и наша конница вернулась на лѣвый берегъ рѣки.

Произведенная рекогносцировка опредѣлила направленіе осадныхъ работъ, и въ ночь на 2-е іюля заложена была первая параллель передъ крѣпостью. Но между тѣмъ какъ вниманіе непріятеля отвлечено было въ сторону русскихъ работъ, особая команда, въ полуверстѣ отъ крѣпости, плавила за Араксъ туры и фашины. Триста рабочихъ перешли на правый берегъ, а вмѣстѣ съ ними перешелъ и весь Нижегородскій полкъ,

подъ прикрытіемъ котораго саперы въ одну ночь возвели редутъ, какъ разъ на продолженіи фаса атакованнаго бастіона ([13]). Къ утру драгуны вернулись назадъ, а редутъ, вооруженный шестью конными орудіями, занятъ былъ ротою Грузинскаго полка.

Положеніе Аббасъ-абадскаго гарнизона, очутившагося теперь подъ перекрестнымъ огнемъ, становилось опаснымъ. Весь день гремѣла канонада. Русская артиллерія пробивала брешь, бросала гранаты внутрь крѣпости, анфилировала верки, сбивала орудія. Скоро крѣпостныя стѣны во многихъ мѣстахъ рухнули, и сквозь отверстія ихъ можно было различить уже крѣпостныя строенія; но на этомъ осада и должна была пріостановиться.

Въ полдень 4-го іюля казачій атаманъ Иловайскій, прикрывавшій осадный корпусъ со стороны Адербейджана, далъ знать, что за Араксомъ, по дорогѣ отъ Чорса, двигаются значительныя персидскія силы. Аббасъ-Мирза шелъ выручать осажденную крѣпость. Продолжать осаду подъ угрозою нападенія съ поля было невозможно, и Паскевичъ, оставивъ подъ Аббасъ-Абадомъ только три батальона для прикрытія осадныхъ работъ, рѣшилъ съ остальными войсками атаковать непріятеля. Но пока у насъ строили черезъ Араксъ пловучій мостъ, персіяне, на разсвѣтѣ 5-го іюля, сами атаковали наши передовые посты, переброшенные на ту сторону рѣки. Два полка донскихъ и два полка черноморскихъ казаковъ, подъ общею командой походнаго атамана Иловайскаго, поддержали свои пикеты и не дали имъ пошатнуться. Тогда многочисленныя толпы персидской конницы въ свою очередь атаковали казаковъ,—и стали тѣснить ихъ.

Пришлось двинуть впередъ весь кавалерійскій отрядъ Бенкендорфа съ конною артиллеріею, чтобы сдержать первый напоръ непріятеля до прибытія пѣхоты. Нижегородцы и уланы, разобравъ по рукамъ артиллерійскіе снаряды, вынутые изъ ящиковъ, пустились вплавь, а за ними пошли и конныя орудія, отъ которыхъ на поверхности воды виднѣлись одни только правила.

За Араксомъ передъ нашею кавалеріею открылась каменистая долина, съ трехъ сторонъ окаймленная сплошною цѣпью, изрѣзанныхъ ущельями, высотъ. На этихъ высотахъ виднѣлась масса персидской кавалеріи и нѣсколько орудій.

Появленіе конной артиллеріи скоро охладило пылъ непріятеля, насѣдавшаго на казаковъ; но за то изъ горныхъ ущелій, влѣво отъ дороги, по которой наступала наша кавалерія, появились новыя, конныя толпы, и весь

гребень запестрѣлъ ихъ наѣздниками. Артиллерія наша тотчасъ направила огонь въ ту сторону; но такъ какъ снаряды, благодаря неровной мѣстности, ложились мимо, то Раевскій выдвинулъ впередъ 3-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, находившійся подъ командой флигель-адъютанта полковника графа Толстова, и приказалъ ему сбить персіянъ. Дивизіонъ пошелъ въ атаку съ такою стремительностію, что непріятель, не выждавъ удара, бросился въ горы. 5-й эскадронъ, капитана Палена, и 6-й, штабсъ-капитана Гавронскаго, рубили бѣгущихъ; а тамъ, гдѣ мѣстность не позволяла дѣйствовать на коняхъ, Нижегородцы спѣшивались и сильнымъ огнемъ гнали непріятеля (14).

Среди этихъ схватокъ, по общимъ отзывамъ участниковъ боя, блистательнымъ примѣромъ для нижнихъ чиновъ служили рядовые Михаилъ Довгеръ и Николай Оржитскій—оба разжалованные: одинъ за дуэль, на которой убилъ своего противника, другой—по прикосновенности къ тайнымъ политическимъ обществамъ. Довгеръ, на глазахъ командира полка, врубился одинъ въ густую толпу непріятеля, а Оржитскій спасъ жизнь рядовому, окруженному персіянами (15). Непріятель, загнанный въ самыя горы, ушелъ за перевалъ, и въ этомъ пунктѣ болѣе уже не показывался.

Бенкендорфъ поставилъ между тѣмъ кавалерію въ боевой порядокъ. Атаманъ Иловайскій съ казаками образовалъ правый флангъ; въ центрѣ развернулась уланская бригада: желтый, Борисоглѣбскій полкъ, справа, синій, Серпуховской—слѣва. Еще лѣвѣе стали Нижегородцы съ конною артиллеріею. Непріятель уже весь былъ на виду. Центръ его, состоявшій изъ полковъ регулярной кавалеріи, предводимыхъ самимъ Аббасъ-Мирзою, занималъ крутую возвышенность, которая легко могла скрывать за собою многочисленную пѣхоту и артиллерію; лѣвое крыло, состоявшее изъ эриванской конницы, подавалось впередъ, по направленію къ Араксу, обходя казачьи полки Иловайскаго, а правое—пять тысячъ отборной шахской конницы, предводимой Аллаяръ-ханомъ, — стояло на гребнѣ утесистыхъ горъ противъ Нижегородцевъ, не дававшихъ ему выйти изъ горныхъ тѣснинъ на равнину.

Гулъ пушечныхъ выстрѣловъ, показывавшій, что кавалерія уже вступила въ дѣло, заставилъ между тѣмъ Паскевича поспѣшить съ переправой пѣхоты. Съ пѣснями перешла она мостъ и направилась прямо къ позиціи, занятой нашей кавалеріею. День былъ знойный, солнце пекло. Тѣмъ не менѣе пѣхота въ три часа и безъ приваловъ прошла около 15-ти

верстъ. Паскевичъ велъ главныя силы, направляясь прямо на центръ непріятельской позиціи; три же батальона, подъ командою князя Эристова, двигались въ нѣкоторомъ разстояніи позади, и получили приказаніе стать лѣвѣе Нижегородцевъ. При первомъ взглядѣ на дѣло Паскевичъ увидѣлъ, что конныя толпы персіянъ, обходившія Иловайскаго, могли ежеминутно ринуться въ тылъ русскимъ войскамъ, а потому тотчасъ приказалъ Бенкендорфу вести на помощь къ казакамъ Борисоглѣбскій уланскій полкъ съ двумя орудіями, а князю Эристову атаковать лѣвое крыло непріятеля.

Съ барабаннымъ боемъ повелъ Эристовъ три батальона,—и тѣснины, защищаемыя пяти-тысячною шахскою конницею, были взяты приступомъ. Въ эту минуту къ Нижегородскому полку подскакалъ молодой офицеръ лейбъ-гвардіи Московскаго полка подпоручикъ Багговутъ,—впослѣдствіи знаменитый кавалерійской генералъ, самъ предводительствовавшій Нижегородцами въ кровавыхъ бояхъ Башъ-Кадыкъ-Лара и Кюрюкъ-Дара. Онъ привезъ Раевскому приказаніе атаковать непріятеля, уже сбитаго княземъ Эристовымъ. Раевскій повелъ 1-й и 3-й дивизіоны ([16]). Бѣгущій непріятель разбросался по всѣмъ высотамъ, но главная часть его кинулась въ лощину, отдѣлявшую непріятельскій центръ отъ праваго крыла,—и здѣсь-то насѣли на нее Нижегородцы.

Впереди всѣхъ, ведя въ атаку первый дивизіонъ, скакалъ на лихомъ карабагскомъ конѣ отставной офицеръ съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ, съ Анною на шеѣ, и золотою саблей въ рукѣ ([17]). Это былъ отставной гусарскій маіоръ Чагинъ, старый, опытный боецъ, не утратившій съ годами прежняго пыла. Онъ присланъ былъ на Кавказъ волонтеромъ по особому высочайшему повелѣнію, и Паскевичъ назначилъ его командовать въ Нижегородскомъ полку дивизіономъ. Ему не уступалъ въ мужествѣ командиръ 1-го эскадрона капитанъ Марковъ, который выѣхалъ въ дѣло больной, и, несмотря на то, вмѣстѣ съ своимъ дивизіонеромъ, изъ первыхъ ворвался въ ряды персіянъ. Ихъ поддержалъ капитанъ Луневскій, командиръ 2-го эскадрона,—а тутъ подоспѣлъ и весь 3-й дивизіонъ, имѣя во главѣ графа Толстова ([18]). Бой пошелъ одиночный. Офицеры вездѣ показывали примѣръ святаго исполненія долга.

Вольноопредѣляющійся Левъ Пушкинъ, находившійся въ тотъ день при Раевскомъ, скакалъ подъ градомъ пуль отъ одного эскадрона къ другому, передавая приказанія.

Поручикъ князь Вахваховъ изрубилъ нѣсколько человѣкъ и самъ

былъ сброшенъ съ лошади сильнымъ ударомъ приклада въ голову. Багговутъ, поѣхавшій вмѣстѣ съ полкомъ, кинулся на непріятельское знамя и уже настигалъ его, когда подъ нимъ ранили лошадь, и она упала. Его опередилъ прапорщикъ князь Шаликовъ. Онъ выстрѣломъ изъ пистолета положилъ знаменщика на мѣстѣ, и знаменемъ тутъ же овладѣли драгуны 1-го дивизіона ([19]). Непріятель оказывалъ вездѣ упорное сопротивленіе, и Раевскому въ горячемъ преслѣдованіи не разъ приходилось спѣшивать то тотъ, то другой эскадронъ, сбивая непріятеля въ мѣстахъ, недоступныхъ для конницы. Бой былъ кровопролитенъ, и вся лощина покрылась изрубленными тѣлами непріятельскихъ всадниковъ.

Правое крыло непріятеля было теперь разбито, центръ обойденъ. Паскевичъ приказалъ ударить наступленіе, и русская пѣхота въ боевомъ порядкѣ стала подниматься на высоты, гдѣ были главныя непріятельскія силы. Въ то же время 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, еще не принимавшій участія въ битвѣ, поскакалъ впередъ, чтобы освѣтить лежавшую за ними мѣстность. Предводимый княземъ Андрониковымъ, онъ опрокинулъ встрѣтившіе его непріятельскіе разъѣзды, и въ погонѣ за ними окончательно выяснилъ, что пѣхоты въ персидскомъ отрядѣ не было ([20]). Аббасъ-Мирза между тѣмъ отступалъ уже по всему протяженію боевого поля. Но это отступленіе еще не было бѣгствомъ, и принцъ, отошедшій версты четыре, занялъ новую крѣпкую позицію, пытаясь задержать наступленіе русскихъ. Пѣхота Паскевича была еще далеко, а непріятель между тѣмъ, видя передъ собою только горсть кавалеріи, готовился смять ее рѣшительнымъ натискомъ. Тогда конная артиллерія наша выѣхала впередъ и открыла учащенный огонь гранатами. Въ то же время лѣвѣе батареи вынеслась голубая линія Серпуховскихъ уланъ, и два эскадрона пошли въ атаку. Съ ними былъ и Нижегородскаго полка рядовой Дороховъ. Онъ состоялъ въ тотъ день ординарцемъ при начальникѣ уланской дивизіи баронѣ Розенѣ и, на его глазахъ опередивъ уланъ, первый врубился въ толпу персидской конницы, опрокинулъ двухъ наѣздниковъ вмѣстѣ съ лошадьми и, обезоруживъ, привелъ обоихъ плѣнными ([21]). Подъ стремительной атакою уланъ правое крыло непріятеля подалось назадъ; но за то центръ перешелъ въ наступленіе. Паскевичъ слалъ гонца за гонцомъ къ Раевскому съ приказаніемъ атаковать непріятеля. Раевскій отвѣчалъ, что два дивизіона его измучены до такой степени продолжительною скачкой, что нуждаются хотя въ кратковременномъ отдыхѣ, Паскевичъ ничего не

хотѣлъ слышать; Суворовъ (впослѣдствіи генералъ-адъютантъ), а за нимъ Ермоловъ (потомъ Тифлисскій губернаторъ) привезли категорическое приказаніе атаковать во что́ бы то ни стало. Тогда князь Андрониковъ подъѣхалъ къ Раевскому и сказалъ ему: «Мой дивизіонъ еще не былъ въ атакѣ. Онъ совершенно свѣжъ. Позвольте мнѣ итти одному,—ручаюсь, что мы не уронимъ старинной славы полка». — Я пойду вмѣстѣ съ вами! отвѣчалъ Раевскій,—и приказалъ 1-му и 2-му дивизіонамъ подаваться впередъ, чтобы поддержать 2-й въ случаѣ неудачи ([22]). Но неудачи не было. Предводимые двумя храбрѣйшими штабъ-офицерами, Раевскимъ и княземъ Андрониковымъ, 3-й эскадронъ, капитана Семичева, и 4-й, штабсъ-капитана Эссена, сразу опрокинули огромную конную массу, спускавшуюся съ горы, и, пробившись черезъ ряды ея, кинулись прямо туда, гдѣ развѣвалось знамя наслѣднаго принца. У подножія высокаго холма, занятаго его блестящею свитой, драгуны на мгновеніе пріостановились,— и вдругъ, кто на коняхъ, а кто пѣшкомъ, ринулись на каменистую гору. Поручикъ Левковичъ (Александръ), подъ которымъ была убита лошадь, самъ изрубилъ байрактара и вырвалъ изъ рукъ его знамя, на которомъ красовалась надпись «Побѣдное». Все это произошло такъ неожиданно и быстро, что Аббасъ-Мирза, очутившись лицомъ къ лицу съ драгунами, едва не былъ захваченъ въ плѣнъ; онъ почти въ упоръ выстрѣлилъ изъ своего ружья, и едва-едва успѣлъ ускакать; но ружье, еще дымившееся выстрѣломъ, оруженосецъ, возившій его за наслѣдникомъ, и шесть знатнѣйшихъ персидскихъ вельможъ были взяты драгунами. Одинъ изъ этихъ сановниковъ, нѣкто Неджефъ-Али-Султанъ, обороняясь, ранилъ князя Андроникова; но Андрониковъ сбилъ его съ сѣдла и самъ обезоружилъ ([23]).

Пѣхота, успѣвшая подойти къ этому времени, тотчасъ заняла по слѣдамъ драгунъ центральный холмъ, господствовавшій надъ всѣмъ пространствомъ боевого поля, и поставила на немъ сильную батарею. Но сражаться было уже не съ кѣмъ: непріятель былъ въ полномъ бѣгствѣ, и наши войска, подвинувшись впередъ еще на нѣсколько верстъ, остановились у ручья Джеванъ-Булахъ, по имени котораго и названа была самая битва. Нижегородскій полкъ, уланы, казаки и татары, несмотря на палящій зной, проскакали еще верстъ десять за Хумлары, и остановились только тогда, когда преслѣдовать было уже не кого.

Впослѣдствіи Паскевичъ узналъ, что подъ начальствомъ Аббаса-Мирзы находилось 16 тысячъ конницы, а что пѣхота его оставалась вер-

стахъ въ 28, въ Каразіадинѣ, на дорогѣ къ Чорсу. Туда-то по безводнымъ путямъ, изрѣзаннымъ оврагами, и думалъ Аббасъ-Мирза завлечь наши войска, совсѣмъ не разсчитывая вступать съ ними въ рѣшительное дѣло на берегахъ Аракса. Быстрое прибытіе нашей кавалеріи втянуло его въ бой и разрушило всѣ его расчеты ([24]). Персіяне потеряли въ этотъ день два знамени—оба взятыя Нижегородцами, болѣе 400 убитыми и до двухсотъ плѣнными. Джеванбулахская побѣда вселила въ азіятскихъ всадникахъ должное уваженіе къ русскимъ коннымъ полкамъ, которымъ принадлежало въ сраженіи почти исключительное участіе. Особенно отличились Нижегородцы, и изъ ихъ числа полковникъ Раевскій и поручикъ Александръ Левковичъ 2-й—одни изъ цѣлаго корпуса, получили георгіевскіе кресты 4-й степени.

Затѣмъ Монаршее благоволеніе объявлено подполковнику Нечволодову. Капитаны Марковъ и фонъ-деръ-Паленъ произведены въ маіоры, а прапорщикъ Акимовъ въ поручики. Ордена получили: *Владиміра 3 ст.* полковникъ флигель-адъютантъ графъ Толстой; *4-ю степень*: капитанъ Луневскій, штабсъ-капитанъ Челяевъ и поручикъ Горешневъ; *Анну 2 ст.* маіоръ князь Андрониковъ; *3-ю степень*: штабсъ-капитаны Эссенъ и Гавронскій, поручики князь Вахваховъ и Левковичъ 1-й, и прапорщики: князь Язонъ Чавчавадзе, Шабельскій и князь Шаликовъ; *4-ю степень*: поручики Фроловъ и Яковлевъ. Нижнимъ чинамъ назначено 30 знаковъ отличія Военнаго ордена и, кромѣ того, именные кресты пожалованы: юнкерамъ Грозмани, Бутовичу, Цынамзгварову и унтеръ-офицерамъ Сербиновичу, Радичу и князю Спиридону Чавчавадзе 2-му. Вольноопредѣляющіеся унтеръ-офицеры: князь Романъ Чавчавадзе 3-й и Левъ Пушкинъ (братъ поэта Александра Сергѣевича) произведены въ офицеры ([25]).

Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ опредѣлился въ полкъ изъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ вѣроисповѣданій, почти одновременно съ назначеніемъ Раевскаго, съ которымъ связывала его тѣсная дружба. Пріятный собесѣдникъ въ обществѣ, но оригиналъ и чудакъ въ жизни, онъ сдѣлалъ весь походъ съ одною кожаной подушкой, кутаясь въ какую-то старую, пеструю шаль, съ которой никогда не разставался. Онъ такъ любилъ кахетинское вино, что возилъ на сѣдлѣ почтенныхъ размѣровъ баклажку, собиравшую вокругъ него всегда веселую компанію, да и самъ онъ признавался, что никогда не пилъ не только воды, но даже не пробовалъ супу, чаю и кофе, потому что въ нихъ входила эта ненавистная ему влага. Среди опасностей

военнаго похода, всегда у стремени своего начальника, Пушкинъ, въ первомъ же Джеванбулахскомъ бою, выказалъ то замѣчательное хладнокровіе, которое позже удивляло всѣхъ, служившихъ съ нимъ въ Турціи и на берегахъ Чернаго моря ([26]). Его-то мы и видѣли безстрашно скачущимъ по боевому полю съ приказаніями отъ одного эскадрона къ другому.

Были въ полку и другія лица, отличившіяся особыми подвигами, служившія примѣромъ доблестнаго и безтрепетнаго исполненія долга, даже руководившія дѣйствіями своихъ товарищей,—и тѣмъ не менѣе не попавшія въ эти наградные списки, какъ люди, надъ которыми тяготѣла справедливая кара закона. Надо сказать, что еще въ то время, когда Нижегородскій полкъ готовился на Алазанской долинѣ къ предстоявшей кампаніи, въ немъ появилось нѣсколько человѣкъ съ именами извѣстными, принадлежавшими къ почетнымъ русскимъ фамиліямъ, на которыхъ нельзя было не остановить вниманія. То были декабристы—Семичевъ и Оржитскій. Оржитскій, разжалованный изъ отставныхъ штабсъ-ротмистровъ Ахтырскаго гусарскаго полка за знаніе о тайныхъ обществахъ, сосланъ былъ рядовымъ въ Кизлярскій гарнизонный батальонъ, откуда, только съ открытіемъ персидской войны, императоръ Николай разрѣшилъ перевесть его въ Нижегородскій полкъ, чтобы дать средство возвратить потерянное честною боевою службою. Семичевъ былъ также ахтырскій гусаръ и командовалъ въ полку эскадрономъ. Онъ также зналъ о тайныхъ обществахъ, и также не донесъ о нихъ. Его выдержали шесть мѣсяцевъ подъ арестомъ и перевели капитаномъ въ Нижегородскій полкъ съ нѣкоторыми ограниченіями по службѣ ([27]).

Къ этой же категоріи принадлежали гвардейскіе офицеры, выписанные въ армію тѣми же чинами: Кавалергардскаго полка корнетъ Депрерадовичъ и лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона прапорщикъ Молчановъ. Первый изъ нихъ замѣшанъ былъ въ дѣло декабристовъ; второго постигла кара за распространеніе стиховъ, на которыхъ цензура поставила свое veto. Это было извѣстное стихотвореніе Пушкина «Изъ Андрея Шенье», напечатанное съ пропускомъ одного мѣста, касавшагося французской революціи. Въ обществѣ стихотвореніе это, разумѣется, ходило по рукамъ безъ пропусковъ, и одинъ изъ такихъ экземпляровъ былъ найденъ въ Москвѣ у студента, который показалъ, что получилъ его отъ прапорщика Молчанова. А такъ какъ начальство усмотрѣло въ этихъ стихахъ намеки на событія 14-го декабря, то Молчановъ былъ арестованъ и выписанъ изъ гвардіи въ Нижегородскій полкъ ([28]).

Въ другомъ родѣ была личность рядового Руфима Ивановича Дорохова, стоявшаго по своимъ связямъ въ близкихъ отношеніяхъ ко многимъ декабристамъ, но никогда не участвовавшаго въ ихъ замыслахъ. Это былъ единственный сынъ извѣстнаго генерала отечественной войны Ивана Семеновича Дорохова, могила котораго въ городѣ Верещ и понынѣ служитъ предметомъ народнаго почитанія. Молодой Руфимъ получилъ солидное классическое образованіе, зналъ много языковъ, но не могъ перевоспитать своей неугомонной натуры, и отличался безпокойнымъ, даже нѣсколько буйнымъ характеромъ. Въ двѣнадцатомъ году, когда отецъ его, командуя Изюмскими гусарами, стяжалъ себѣ въ исторіи безсмертное имя, Руфимъ, поступившій на службу въ Карабинерный полкъ, жилъ въ Петербургѣ и проводилъ время въ шумныхъ пиршествахъ и оргіяхъ, не рѣдко вызывавшихъ вмѣшательство полиціи. Одинъ изъ такихъ кутежей, окончившійся крупною дуэлью, и повелъ за собою разжалованіе его въ солдаты. Семь лѣтъ протянулъ онъ лямку въ пѣхотѣ, и только съ началомъ персидской войны его перевели въ Нижегородскій полкъ, гдѣ кампанія 1827 года открыла ему широкій путь къ отличіямъ ([29]).

Почти одновременно съ Дороховымъ поступило въ полкъ еще нѣсколько человѣкъ изъ образованныхъ классовъ, приведенныхъ сюда разными случайностями жизни. Таковы были: Дуровъ—братъ извѣстной дѣвицы-кавалериста, Довгеръ, Макаровъ, Квартано и, наконецъ, Чагинъ. Дуровъ служилъ въ одномъ изъ уланскихъ полковъ юнкеромъ, ушелъ съ гауптвахты изъ-подъ ареста, досталъ какимъ-то путемъ подорожный бланкъ, и въ офицерскомъ мундирѣ, даже съ анненскимъ крестомъ въ петлицѣ, уѣхалъ куда-то въ гости. Поступку этому придали, однако, такое серьезное значеніе, что Дурова судили за побѣгъ и самозванство, и сослали на Кавказъ рядовымъ. Довгеръ разжалованъ былъ изъ корнетовъ Ольвіопольскаго гусарскаго полка за дуэль, на которой убилъ эскадроннаго командира маіора Шамшева. Макаровъ попалъ сюда изъ отставки за самовольную поѣздку за границу, а Квартано добровольно поступилъ рядовымъ изъ подпоручиковъ, отставленныхъ отъ службы безъ объясненія причинъ ([30]).

Особый интересъ представляетъ собою жизнь Петра Николаевича Чагина, принадлежавшаго къ зажиточнымъ помѣщикамъ Костромской и Ярославской губерній. Онъ началъ службу въ гвардіи, въ Семеновскомъ полку, потомъ вышелъ въ отставку и былъ городничимъ въ Юрьевцѣ и Кинешмѣ; потомъ перебрался онъ опять въ Петербургъ столоначальникомъ въ инспектор-

скій департаментъ Военнаго министерства и, наконецъ, попалъ въ ополченіе. Ему уже было за тридцать лѣтъ, когда графъ Витгенштейнъ, во время отечественной войны, перевелъ его въ Бѣлорусскій гусарскій полкъ штабсъ-ротмистромъ и взялъ къ себѣ въ адъютанты. Боевая служба оказалась его настоящимъ призваніемъ. Онъ принадлежалъ къ категоріи тѣхъ военныхъ людей, которые пословицу «ни отъ чего не отказываться, и ни на что не напрашиваться»—считаютъ пословицей жалкой посредственности, а слѣдуютъ какъ разъ противному правилу: «ни отъ чего не отказываться и на все напрашиваться». Напрашивался на многое и Чагинъ. И въ результатѣ его трехъ-лѣтней военной дѣятельности были—33 сраженія, двѣ тяжкія раны, въ голову и руку, а затѣмъ—Георгіевскій крестъ, золотая сабля, Владиміръ въ петлицѣ, Анна на шеѣ, прусскій Pour le mérite, и переводъ тѣмъ же чиномъ лейбъ-гвардіи въ гусарскій полкъ. Жилъ онъ всегда открыто, держалъ верховыхъ лошадей, за которыхъ платилъ по восьми тысячъ рублей, и, вообще, никогда не стѣснялся деньгами. Его считали лихимъ, отважнымъ гусаромъ ([31]).

Прекращеніе войны и тяжелыя раны заставили его покинуть строевую службу, и въ 1814 году онъ былъ зачисленъ маіоромъ по арміи. Съ этихъ поръ начинается служба его по министерству финансовъ. По врожденному ли юмору, или по какимъ-нибудь непріятнымъ отношеніямъ, только онъ напечаталъ въ «Вѣстникѣ Европы» стихотвореніе, озаглавленное: «Выборъ Любезностей», въ которомъ жестоко осмѣялъ амурныя похожденія тогдашняго министра финансовъ графа Гурьева и начальника своего отдѣленія Вязметнева ([32]). Стихи произвели впечатлѣніе; принялись разузнавать подъ рукой имя автора, и Чагинъ долженъ былъ уйти изъ министерства. Его перевели въ коммиссаріатскій штатъ чиновникомъ 7-го класса. Но уходя, Чагинъ отомстилъ Вязметневу слѣдующимъ, совсѣмъ уже непозволительнымъ образомъ. Встрѣтивъ въ министерствѣ какую-то просительницу, старуху, пріѣхавшую Богъ вѣсть изъ какой глуши, онъ объяснилъ ей, что дѣло ея находится въ рукахъ Вязметнева, но что для его окончанія нужно заплатить 500 руб. асс. У старухи такихъ денегъ не было, и она предложила часть, а остальныя по окончаніи дѣла. Чагинъ денегъ не взялъ, сказавъ, что она должна отдать ихъ въ руки самого Вязметнева. Подъ видомъ послѣдняго онъ представилъ ей какого-то чиновника, который весьма искусно и разыгралъ роль начальника отдѣленія. Прошелъ годъ, и дѣло это выплыло наружу. Старуха, не получая никакого

рѣшенія, прислала Вязметневу язвительное письмо, въ которомъ упрекала его въ полученіи денегъ. Ничего не подозрѣвавшій, Вязметневъ обратился съ жалобой къ министру, тотъ доложилъ государю — и началось большое слѣдственное дѣло. Добрались и до Чагина. Тогда еще не было категорическаго вердикта присяжныхъ «виновенъ» или «не виновенъ»—и судъ затруднился въ произнесеніи приговора. Нельзя было сказать, что Чагинъ виноватъ въ вымогательствѣ, но выходило такъ, что какъ будто онъ былъ и виноватъ. Судъ оставилъ его «въ подозрѣніи», а въ результатѣ этой полумѣры было исключеніе его изъ службы и ссылка на житье Тверской губерніи въ городъ Зубцовъ, подъ надзоръ полиціи. Случилось это въ концѣ 1824 года, а въ 26-мъ Чагинъ подалъ прошеніе новому императору, въ которомъ, отвергая въ своемъ поступкѣ всякое корыстное побужденіе, просилъ принять его на службу въ Нижегородскій полкъ, чтобы участвовать съ нимъ въ персидской кампаніи. «Пошли меня въ первый огонь», писалъ онъ государю:— «и я клянусь Тебѣ честью русскаго офицера, что или лягу мертвымъ на полѣ сраженія, или заслужу Твою великую милость». Государь принялъ прошеніе, и приказалъ послать его волонтеромъ съ тѣмъ, чтобы онъ опредѣленъ былъ на дѣйствительную службу въ Нижегородскій полкъ только тогда, когда боевыми отличіями заслужитъ прежній проступокъ. Въ началѣ іюня 1827 года Чагинъ прибылъ въ полкъ, находившійся уже въ походѣ. Въ то же время военный министръ сообщилъ, что ему разрѣшено носить отставную форму — сюртукъ безъ эполетъ, и чтобы его употреблять на службу за оберъ-офицера, какъ бывшаго штабсъ-ротмистра. Чагинъ подалъ рапортъ Паскевичу, что онъ кончилъ службу не штабсъ-ротмистромъ, а маіоромъ, и просилъ соотвѣтствующаго назначенія. Кстати въ Нижегородскомъ полку мало было штабъ-офицеровъ: Нечволодовъ находился тогда при главной квартирѣ, Чеботкевичъ остался въ Царскихъ Колодцахъ съ запаснымъ эскадрономъ, Аюкинъ уѣхалъ за ремонтомъ, и во фронтъ выѣзжалъ одинъ князь Андрониковъ. Паскевичъ, имѣя это въ виду, назначилъ Чагина командующимъ 1-мъ дивизіономъ ([33]), и Чагинъ не замедлилъ оправдать это довѣріе блистательнымъ участіемъ въ Джеванбулахскомъ бою.

Но не одинъ Чагинъ, всѣ разжалованные и сосланные сражались въ передовыхъ рядахъ, и, искупая кровью свои заблужденія, не мало содѣйствовали блеску побѣды. Паскевичъ понималъ это и, не имѣя права награждать ихъ самъ, представилъ подвиги Чагина, Семичева, Депрера-

довича, Макарова, Оржитскаго, Дорохова и Довгера на высочайшее благоусмотрѣніе. Но изъ числа ихъ только одному Депрерадовичу, какъ уже участвовавшему раньше въ Елизаветпольскомъ сраженіи, пожалованъ былъ орденъ св. Анны 4-й степени ([34]). Не вышелъ переводъ и Чагину. Напротивъ, надъ нимъ разразилась новая гроза, навѣки похоронившая его военную карьеру. Вернувшись изъ персидской кампаніи, онъ остался въ Тифлисѣ, и здѣсь навлекъ на себя новое подозрѣніе въ вымогательствѣ у одного французскаго подданнаго цѣлаго милліона рублей подъ разными непозволительными предлогами. Паскевичъ довелъ объ этомъ до высочайшаго свѣдѣнія, и изъ Петербурга послѣдовало распоряженіе—выслать Чагина изъ Грузіи на жительство Саратовской губерніи въ г. Царицынъ ([35]). Какъ быстро появился, такъ быстро и исчезъ съ кавказскаго горизонта этотъ странный человѣкъ, во всякомъ случаѣ не лишенный ума, энергіи и военныхъ дарованій.

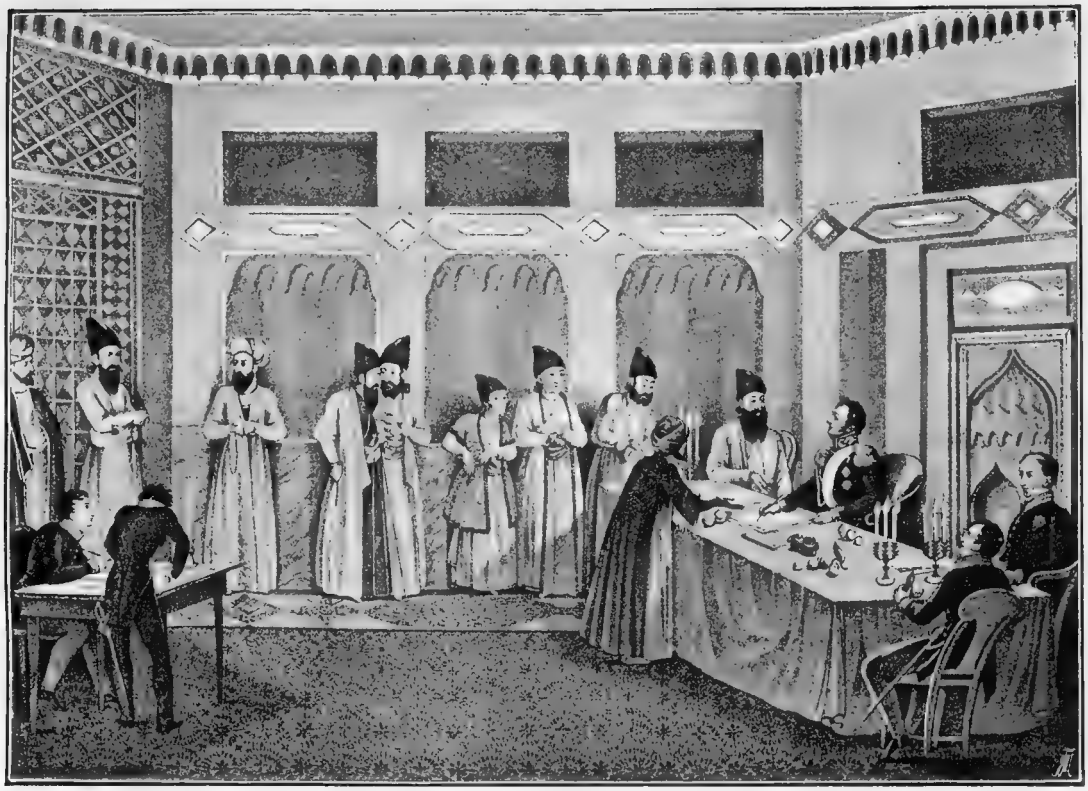
Чудный вечеръ спустился на Джеванбулахское поле. Послѣдніе выстрѣлы орудій глухо прокатились по окрестнымъ полямъ и замерли въ воздухѣ. Пороховой дымъ разсѣялся. Паскевичъ, окруженный свитой, пѣшкомъ поднялся на высокій, утесистый холмъ, усѣянный огромными глыбами камней, и здѣсь остановился. Погруженный въ думы, молча и долго смотрѣлъ онъ въ синюю даль, замкнутую на горизонтѣ невысокою цѣпью сумрачныхъ горъ. За эти горы бѣжали персіяне. Кругомъ, по лощинамъ, двигались еще колонны пѣхоты, скакали драгуны, мчались уланы, какъ макъ пестрѣя цвѣтными флюгерами пикъ. Это были послѣднія минуты замиравшаго сраженія. Но вотъ Паскевичъ что-то сказалъ ординарцамъ, и они, спустившись съ холма, понеслись къ войскамъ. Скоро по всему протяженію боевого поля барабаны забили отбой, и звучной, мелодичною трелью вторили имъ кавалерійскія трубы. «Славный оконченъ бой, трубачъ труби отбой»,—казалось, говорили ихъ звуки. Преслѣдованіе окончилось.

Паскевичу между тѣмъ раскинули шинель; онъ сѣлъ на камень и сталъ принимать плѣнныхъ персидскихъ сановниковъ, съ восточнымъ подобострастіемъ подходившихъ къ грозному побѣдителю. А въ сторонѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, тихо колыхалось «побѣдное» персидское знамя, которое держалъ поручикъ Левковичъ, и тутъ же стояло другое, нѣсколько меньшихъ размѣровъ. Огромная свита, конные и пѣшіе драгуны, окружали эту прекрасную группу. Картина могла вдохновить поэта-художника — и художникъ именно этотъ моментъ изобразилъ своею дивною кистью.

Побѣдное знамя въ ряду другихъ трофеевъ долго хранилось въ Москвѣ, но теперь оно украшаетъ собой кавказскій Военно-историческій музей—этотъ «Храмъ Славы», созданный въ Тифлисѣ, чтобы собрать и сохранить на память потомству все, что еще уцѣлѣло отъ славныхъ минувшихъ временъ кавказской войны.

ВЪ ПАМЯТЬ
Елизаветпольскаго сраженія и взятія крѣпости Эривани.

Сдача Аббасъ-Абада.



Заключеніе мира съ Персіею.

ГЛАВА IV.

Въ сердцѣ Персіи.

(1827—1828 г.).

Послѣдствія Джеванбулахскаго сраженія. — Сдача Аббасъ-Абада. — Переходъ въ горную полосу Нахичеванской области. — Стоянка у Кара-бабы. — Экспедиція подъ Аланчу.—Тяжелыя климатическія условія.—Тревожныя вѣсти изъ Эривани.—Походъ на выручку Красовскаго.—Сардарь-Абадъ. Нижегородцы въ ночномъ бою подъ Сардарь-Абадомъ.—Взятіе Эривани.—Въ Тавризѣ.—Встрѣча съ Аббасъ-Мирзою.—У Кафланъ-Куха.—Окончаніе войны.—Награды полку.—Памятники Персидской войны.

Джеванбулахская побѣда, разрушившая всѣ предположенія наслѣднаго персидскаго принца и лишившая осажденный Аббасъ-Абадъ надежды

на всякую помощь извнѣ, должна была повести,—и дѣйствительно повела за собою паденіе крѣпости. Еще недавно грозною твердыней стоялъ Аббасъ-Абадъ передъ малочисленнымъ русскимъ корпусомъ, ожидая съ часу на часъ прибытія на выручку къ себѣ огромной арміи Аббасъ-Мирзы. Но теперь ждать ему было некого. Крѣпость доживала свои послѣдніе дни.

Какъ только русскія войска вернулись съ Джеванбулахскаго поля, Паскевичъ приказалъ выставить на главной батареѣ отнятыя у непріятеля знамена, которыя и были водружены на брустверѣ при залпѣ всей русской артиллеріи. Въ то же время одинъ изъ плѣнныхъ, взятыхъ подъ Джеванъ-Булахомъ, отправленъ въ крѣпость съ извѣстіемъ о пораженіи Аббасъ-Мирзы и съ требованіемъ отъ коменданта безусловной сдачи. Въ гарнизонѣ водворилось уныніе. Весь день продолжалась слабая стрѣльба изъ орудій, а вечеромъ, едва въ русскомъ лагерѣ пробили зорю, изъ Аббасъ-Абада явились парламентеры, и, послѣ недолгихъ переговоровъ, капитуляція была подписана.

На другой день, 7-го іюля, въ семь часовъ утра, Паскевичъ, окруженный штабомъ, прибылъ на главную батарею, гдѣ уже ожидалъ его комендантъ крѣпости Сардарь-Махметъ-Эминъ-ханъ, одинъ изъ важнѣйшихъ сановниковъ Персіи, женатый на родной сестрѣ наслѣднаго принца. Онъ поднесъ Паскевичу городскіе ключи, и тутъ же офицеры гарнизона вручили ему знамена своихъ батальоновъ. Въ Аббасъ-Абадѣ, между тѣмъ, очистили заваленныя камнями ворота, и гарнизонъ, въ числѣ 2.700 человѣкъ, выступивши на гласисъ, положилъ оружіе. Какъ только церемонія сдачи окончилась, лейбъ-гвардіи сводный полкъ съ музыкой вошелъ въ крѣпостныя ворота и занялъ караулы. Вслѣдъ за нимъ въѣхалъ Паскевичъ, привѣтствуемый духовенствомъ и почетнѣйшими жителями города. Пока онъ обходилъ крѣпостныя стѣны и осматривалъ пробитыя въ нихъ бреши, въ крѣпость подходили русскія войска и, группируясь на площади, выстраивались вокругъ аналоя, передъ которымъ стоялъ уже русскій священникъ въ полномъ облаченіи. Въ 10 часовъ утра къ мѣсту готовившагося служенія подъѣхалъ Паскевичъ. Священникъ началъ молебствіе, и при пѣніи «Тебѣ Бога хвалимъ», грянулъ пушечный залпъ, привѣтствуя русское знамя, развившееся въ этотъ моментъ надъ башнею персидской цитадели, какъ символъ, что Нахичеванская область навсегда присоединяется къ Русской Имперіи.

Это была торжественная минута, вознаграждавшая войска за всѣ

неисчислимые труды, лишенія и опасности. Паскевичъ и самъ былъ глубоко растроганъ. «Я не могу и не въ силахъ высказать всѣ мои чувства въ эти минуты,—писалъ онъ государю:—Этотъ день былъ въ полномъ смыслѣ слова прекрасенъ» (1).

Съ паденіемъ Аббасъ-Абада русскіе твердою ногою стали въ Нахичеванской области, и та же судьба грозила теперь Эривани. И Сардарь-Абадъ и Эривань, съ прибытіемъ къ Красовскому осадной артиллеріи, которая была уже на пути, конечно, не могли бы продержаться долго, а между тѣмъ Паскевичъ съ главными силами готовился итти на Тавризъ. Но этимъ предположеніямъ не суждено было осуществиться: палящій, удушливый зной и вообще мѣстныя климатическія условія, невыносимыя для сѣверянъ, развили въ войскахъ такую болѣзненность, что всѣ военныя операціи пришлось пріостановить до осени. Даже главный лагерь Паскевичъ рѣшилъ передвинуть изъ-подъ Аббасъ-Абада въ горную полосу Нахичеванской области, гдѣ сравнительная прохлада обѣщала оказать на здоровье солдатъ самое благотворное вліяніе. «Кратковременное прекращеніе военныхъ дѣйствій», доносилъ Паскевичъ государю, «не отвлечетъ нашего вниманія отъ непріятельскихъ движеній и дастъ мнѣ способы открыть осеннюю кампанію еще съ большимъ блескомъ» (2).

23 іюля войска снялись съ своей старой позиціи и потянулись въ горы къ селенію Кара-бабѣ, прославленному кровавымъ боемъ, который здѣсь выдержалъ генералъ Небольсинъ въ 1808 году. Кара-баба—одинъ изъ тѣхъ уголковъ Кавказа, гдѣ русскій солдатъ вписалъ своею кровью въ лѣтопись войны знаменательный урокъ неустрашимости и самоотверженія,—урокъ, тогда еще свѣжій, переходившій къ молодому поколѣнію въ разсказахъ стариковъ, свидѣтелей и очевидцевъ страшнаго боя.

Русскій корпусъ еще былъ на маршѣ, когда пришло извѣстіе, что вся персидская армія выступила изъ Хоя и идетъ отбивать отъ насъ Нахичеванское ханство. Паскевичъ не придалъ, однако, серьезнаго значенія этому извѣстію. «Если это правда», отмѣчаетъ онъ въ своемъ журналѣ, «то я дамъ персіянамъ время обложить Аббасъ-Абадъ, и тогда спущусь съ горъ и разобью ихъ». На всякій случай, однако, «для перваго сюрприза Аббасъ-Мирзѣ», какъ выражается онъ въ томъ же журналѣ,—Нижегородскій драгунскій и Борисоглѣбскій уланскій полки съ конною артиллеріею оставлены были подъ Аббасъ-Абадомъ и скрытно расположены въ холмистой мѣстности, чтобы дать первый отпоръ непріятелю (3). Но не-

пріятель нигдѣ не показывался. «Это былъ одинъ изъ тѣхъ многихъ замысловъ, говоритъ Паскевичъ, которые персіяне дѣлаютъ, но не смѣютъ исполнить» (4). И Нижегородцы, простоявъ нѣсколько дней въ напрасномъ ожиданіи врага, отступили въ горы, и стали лагеремъ за Кара-бабой, въ долинѣ рѣчки Айдары.

Стоянка эта въ смыслѣ климатическихъ условій обманула, однако, общія ожиданія, и войска въ Кара-бабѣ изнурялись не менѣе чѣмъ подъ Аббасъ-Абадомъ. Не благорастворенный горною прохладою воздухъ, а тотъ же удушливый зной, еще усиливавшійся въ каменныхъ разсѣлинахъ ущелій, встрѣтили здѣсь наши солдаты, и болѣзненность между ними не уменьшилась, а увеличилась (5). Въ Нижегородскомъ полку цыфра больныхъ доходила въ то время до 168 человѣкъ, и Раевскій жаловался, что заведныя лошади, остававшіяся безъ всадниковъ, отнимаютъ для присмотра за собою значительное число людей изъ фронта. Паскевичъ приказалъ всѣхъ такихъ лошадей собрать въ отдѣльную команду и отправить въ Карабагъ, въ Гирюсы, откуда онѣ должны были возвращаться въ полкъ не иначе, какъ вмѣстѣ съ выздоравливающими нижними чинами (6). Къ этому надо прибавить, что провіантъ доставлялся весьма неаккуратно, и войска терпѣли во всемъ большой недостатокъ. Одинъ участникъ похода разсказываетъ, что Паскевичу приходилось платить по сто руб. асс. за пудъ сахару, а офицеры давно уже не видѣли ни чаю, ни водки (7).

Не оправдались, между тѣмъ, надежды Паскевича и на спокойствіе края, такъ какъ жители лѣваго берега Аракса то и дѣло подвергались разоренію со стороны хищныхъ курдовъ и карапапаховъ. Во главѣ этихъ разбойничьихъ шаекъ стоялъ тогда извѣстный Керимъ-ханъ, послѣдній персидскій правитель города Нахичевани, одинъ изъ именитыхъ и вліятельнѣйшихъ людей стараго ханства. Послѣ сдачи Аббасъ-Абада, онъ одновременно предложилъ свои услуги Паскевичу и Аббасъ-Мирзѣ, выжидая, кто больше заплатитъ. Но такъ какъ ни та, ни другая сторона не спѣшила удовлетворить его чрезмѣрныхъ требованій, то онъ сдѣлалъ своею спеціальностью набѣги на мирныхъ жителей, — ремесло, доставившее ему барыши, далеко превосходившіе и русское и персидское жалованье въ сложности. Онъ-то и сдѣлался главнѣйшею причиною всѣхъ безпокойствъ и тревогъ для русскаго войска. Надо сказать, что верстахъ въ тридцати отъ Кара-бабы, по направленію къ Джульфинской переправѣ, въ горахъ стояла небольшая персидская крѣпостца, Аланча, на которую сначала ни-

кто не обращалъ вниманія. Малочисленный, и притомъ совершенно изолированный гарнизонъ ея представлялъ слишкомъ ничтожную силу, чтобы отважиться на какое-нибудь самостоятельное предпріятіе, и покореніе крѣпостцы предоставлено было времени. А между тѣмъ именно этотъ-то забытый уголокъ Керимъ и избралъ теперь центромъ для своихъ операцій. Когда подъ стѣнами Аланчинскаго замка появилась конница смѣлаго разбойника, когда конница эта въ одинъ переходъ могла нагрянуть оттуда на Кечеры, гдѣ ходили на пастьбѣ кавалерійскіе табуны, порціонный скотъ и транспортные волы, когда всему этому стала грозить ежеминутная опасность, Паскевичъ встревожился,—и ничтожная крѣпостца вдругъ выросла до значенія сильнаго опорнаго пункта, который оставлять въ рукахъ непріятеля было уже невозможно.

Въ Кечерахъ стояла всего одна рота, слишкомъ слабая, чтобы бороться съ Керимомъ, а потому Паскевичъ отправилъ туда 16-го августа три роты пѣхоты, сборный дивизіонъ Нижегородскаго полка и двѣ сотни казаковъ, подъ начальствомъ полковника Муравьева, которому приказано было прогнать Керима за Араксъ, а Аланчу блокировать и принудить къ сдачѣ. Отъ лазутчиковъ Паскевичъ имѣлъ свѣдѣніе, что Аланча построена на высокой скалѣ, и что гарнизонъ ея можетъ быть легко отрѣзанъ отъ воды, которую добываютъ съ большимъ трудомъ изъ небольшой рѣчки, протекающей у самой подошвы утеса.

18-го августа Муравьевъ подошелъ къ Аланчѣ, но не засталъ уже здѣсь ни Керима, ни другихъ шаекъ, которыя, вдругъ поднявшись съ этихъ насиженныхъ мѣстъ, ушли къ Эривани. Самая Аланча оказалась крѣпостцой неприступной, овладѣть которою можно было только въ случаѣ оплошности ея гарнизона, а блокировать и совсѣмъ безполезно, такъ какъ въ крѣпости находились три родника, обильные водою, и были собраны большіе запасы хлѣба. Очевидно, что подъ Аланчей дѣлать было нечего, и Муравьевъ поспѣшилъ возвратиться назадъ, тѣмъ болѣе, что исчезновеніе Керима казалось загадочнымъ.

Въ лагерѣ, дѣйствительно, застали общую тревогу. Пришло извѣстіе, что Аббасъ-Мирза съ значительными силами переправился черезъ Араксъ у Сардарь-Абада и вторгся въ Эриванское ханство. Красовскій, поспѣшившій къ нему на встрѣчу съ двухъ-тысячнымъ отрядомъ, былъ окруженъ персидскою арміей подъ Аштаракомъ, и 17-го августа понесъ большія потери. Остатки его войскъ пробились въ Эчміадзинъ, но, обезсиленные,

заперлись въ монастырѣ и готовились выдержать блокаду. Терять время Паскевичу очевидно было нельзя, и 27-го августа три полка пѣхоты, Карабинерный, Грузинскій и Ширванскій, уже выступили въ походъ изъ Кара-бабы къ Эчміадзину. Кавалерія, стоявшая на травѣ въ двухъ переходахъ, не успѣла собраться, задержанная обозомъ, котораго ждала изъ Гирюсъ, и на цѣлые два дня замедлила выступленіе самого Паскевича. Нижегородскій полкъ явился въ полномъ составѣ, но изъ уланской бригады, разстроенной болѣзнями и смертностью, пришлось образовать одинъ сводный, четырехъ-эскадронный полкъ, а остальныхъ людей и лошадей отправить на отдыхъ. Эта бригада, вмѣстѣ со своднымъ гвардейскимъ полкомъ, образовала второй эшелонъ, выступившій изъ Кара-бабы 29-го августа, подъ личною командою Паскевича ([8]). На пути присоединились къ нему еще Чугуевскій уланскій полкъ и казаки Карпова, шедшіе изъ Карабага.

Быстрое прибытіе къ Эчміадзину главныхъ силъ Паскевича заставило Аббасъ-Мирзу поспѣшно отступить за Араксъ, и Эривань снова стояла передъ нами одна, предоставленная собственнымъ силамъ. Но прежде чѣмъ приступить къ осадѣ ея, Паскевичу предстояло овладѣть Сардарь-Абадомъ, какъ пунктомъ чрезвычайно важнымъ по своему фланговому положенію на пути къ той же Эривани. Обнесенная двойными высокими стѣнами, съ огромными воротами и башнями, крѣпость эта смотрѣла внушительно. Но главная сила ея обороны заключалась не въ этихъ стѣнахъ, а въ лицѣ ея коменданта, стараго Гассанъ-хана, уже разъ отразившаго Гудовича отъ стѣнъ Эривани. И напоминаніемъ объ этой дѣйствительно блестящей защитѣ Гассанъ-ханъ съумѣлъ довести сардарь-абадскій гарнизонъ до фанатическаго одушевленія.

9-го сентября, дождавшись осадной артиллеріи, русскій корпусъ выступилъ наконецъ изъ Эчміадзина. На походѣ отдѣлилась отъ него вся кавалерія подъ начальствомъ молодого, только что прибывшаго изъ Петербурга, генералъ-адъютанта графа Сухтелена, и вмѣстѣ съ нѣсколькими ротами пѣхоты, переправилась черезъ Араксъ. Скрытно и быстро двигалась она среди густыхъ камышей и зарослей праваго берега рѣки. Стало уже смеркаться, вдали показались горы, обозначавшія турецкую границу, а войска все еще не знали куда и зачѣмъ ихъ ведутъ. Но вотъ подошли къ селенію Кульпи, извѣстному своими соляными копями, и здѣсь остановились. Жители, вышедшіе на встрѣчу отряду, тотчасъ показали ему

турецкіе магазины, и кавалерія, забравъ на вьюки огромное количество хлѣба и кульпинской соли, отправилась назадъ, ведя въ поводу своихъ лошадей. Пѣхота прикрывала движеніе. За отрядомъ тянулись громадные обозы армянъ, переселявшихся въ наши предѣлы. Персидская армія, стоявшая всего въ сорока верстахъ, не сдѣлала ни малѣйшей попытки остановить этотъ набѣгъ, и только слабые разъѣзды ея издали наблюдали за движеніями нашего отряда (9).

По возвращеніи кавалеріи, Паскевичъ съ цѣлымъ корпусомъ подошелъ къ Сардарь-Абаду—и крѣпость была обложена. Началось бомбардированіе города. Между тѣмъ, ночью 15-го сентября, трое рядовыхъ (всѣ изъ разжалованныхъ), Пущинъ, Коновницынъ и Нижегородскаго полка Руфимъ Ивановичъ Дороховъ, отправились еще разъ осмотрѣть крѣпостные верки и выбрать мѣсто для брешь-батареи. Погода стояла сырая, туманная, съ мелкимъ дождемъ. Пользуясь ею, они пробрались сквозь сторожевую персидскую цѣпь, прошли сады и очутились подъ самыми стѣнами крѣпости; здѣсь они изучили мѣстность и даже сами трассировали батарею для ночныхъ работъ. Къ свѣту, совершенно измокшіе, они возвратились къ Паскевичу и въ его палаткѣ начертили планъ осмотрѣнной мѣстности. «Паскевичъ, чтобы отогрѣть насъ,—разсказываетъ въ своихъ запискахъ Пущинъ,—приказалъ подать шампанскаго, и съ нами, тремя солдатами, роспилъ двѣ бутылки» (10).

Брешь-батарея, дѣйствительно, была заложена по ихъ указанію, и съ разсвѣтомъ 18-го сентября загрохотала наша осадная артиллерія. Персіяне услыхали впервые залпы этихъ громадныхъ чудовищъ, отъ рева которыхъ тряслась земля, сыпались верхушки башенъ въ глубокій ровъ, и крѣпость представлялась окутанною дымомъ. Непрочныя азіятскія строенія рушились съ шумомъ, хороня подъ развалинами своими несчастныхъ жителей, искавшихъ въ нихъ убѣжища. Особенное впечатлѣніе производила бомбардировка ночью, когда на темномъ небѣ зловѣщими огненными точками вспыхивали гранаты и бомбы, вносившія смерть и опустошеніе въ самые дома обывателей.

Два дня продолжалась осада, не вызывая въ ней участія кавалеріи, а вечеромъ 19-го числа, когда въ войскахъ пробили уже зорю, съ крѣпостной стѣны вдругъ кто-то крикнулъ: «Солдатъ иди! Сардарь бѣжалъ!» Поднялась суматоха. Карабинерная рота, стоявшая въ траншеяхъ, кинулась въ городъ—и не нашла тамъ уже ни одного персіянина: весь гар-

низонъ, вмѣстѣ съ Гассанъ-ханомъ, бѣжалъ черезъ Эриванскія ворота. Въ лагерѣ ударили тревогу, и вся конница поскакала въ обходъ, чтобы захватить въ свои руки дороги къ Эривани, къ Тавризу и къ турецкой границѣ. Ночь стояла такая темная, что въ двухъ шагахъ ничего не было видно. Тѣмъ не менѣе, Нижегородцы, съ полковникомъ Раевскимъ, первые настигли бѣгущаго непріятеля, а къ нимъ подоспѣли казаки и Чугуевскіе уланы. Что происходило тутъ среди глубокаго мрака, когда противники, сталкиваясь грудь съ грудью и не отличая своихъ отъ чужихъ, рубились наобумъ, описать невозможно. Съ разсвѣтомъ, возвращаясь назадъ, наши кавалеристы насчитали на мѣстѣ ночного боя до пятисотъ непріятельскихъ тѣлъ, и привели въ лагерь 250 плѣнныхъ. Гассанъ-ханъ бѣжалъ, и, впослѣдствіи, пробравшись въ Эривань, принялъ начальство надъ ея гарнизономъ.

Въ осадѣ Эривани Нижегородскому полку не пришлось принять дѣятельнаго участія, такъ какъ онъ, вмѣстѣ съ двумя казачьими полками и четырьмя орудіями, отправленъ былъ на правый берегъ Занги, чтобы предупредить попытки гарнизона прорваться, какъ это случилось подъ Сардарь-Абадомъ (11). Но изъ Эривани уходить было некуда, - войска стояли кругомъ и вырваться изъ этого желѣзнаго кольца было невозможно. Эривань гибла подъ страшнымъ разрушительнымъ огнемъ русской осадной артиллеріи, отъ котораго не спасали ни плоскія крыши домовъ, ни блиндажи, ни куполы мечетей. Въ городѣ происходило страшное смятеніе. И вотъ, 1-го октября, когда осадныя работы дошли до самаго гласиса, жители вскочили на крѣпостныя стѣны и стали кричать, что они сдаются. Шесть ротъ гвардейскаго полка, стоявшія въ траншеяхъ, воспользовались этой минутой и, кинувшись на валъ, заняли юго-восточную башню. Нѣсколько сотъ сарбазовъ бросились сбивать ихъ,—но было поздно. Гвардейцы ударили въ штыки и, преслѣдуя персіянъ, ворвались внутрь крѣпости, куда въ то же время черезъ сѣверныя ворота вступили войска Красовскаго и Лаптева. Эривань сдалась, и гарнизонъ ея положилъ оружіе.

На слѣдующій день, 2-го октября, Паскевичъ назначилъ парадъ. Осенній день былъ прекрасенъ, и солнце, какъ бы привѣтствуя побѣдителей, сіяло во всемъ своемъ блескѣ на голубомъ безоблачномъ небѣ. Пороховыя тучи, окутывавшія Эривань въ послѣдніе пять дней, разсѣялись, и грозныя стѣны, еще недавно уставленныя пушками, теперь

были унизаны толпами любопытныхъ зрителей. Пришли на этотъ парадъ и наши Нижегородцы изъ-за Занги. Войска построились передъ южными воротами крѣпости и, составивъ огромное каре, слушали благодарственное молебствіе. Потомъ былъ церемоніальный маршъ. Зрители восторгались бодрымъ, молодецкимъ видомъ пѣхоты и конницы; но царицею военнаго празднества являлась на этотъ разъ артиллерія, особенно тѣ, чудовищныхъ размѣровъ, осадныя орудія, передъ которыми такъ быстро сокрушилась персидская твердыня, и которыя теперь медленно, съ ихъ длинною запряжкою, проходили мимо Паскевича. «Съ побѣдой поздравляю, ребята!» привѣтствовалъ главнокомандующій каждую проходившую часть. Солдаты кричали «ура» (12).

Паскевичъ далъ войскамъ въ Эривани только кратковременный отдыхъ, и двинулся дальше, къ Тавризу. Нижегородцы пошли въ авангардѣ, и 16-го октября заняли Маранду. Здѣсь встрѣтилъ ихъ курьеръ съ извѣстіемъ, что Тавризъ уже взятъ княземъ Эристовымъ, и что Аббасъ-Мирза прислалъ одного изъ своихъ сановниковъ для мирныхъ переговоровъ. Въ отвѣтъ на это Паскевичъ приказалъ ускорить маршъ, и войска, бросивъ осадную артиллерію, теперь уже не нужную, пошли впередъ двумя эшелонами. Осень во всемъ Адербейджанѣ стояла ненастная, и дороги такъ испортились, что отрядъ могъ двигаться только небольшими переходами. Тогда Паскевичъ, оставивъ пѣхоту, поспѣшилъ въ Тавризъ только въ сопровожденіи Нижегородскаго и Чугуевскаго полковъ. Отъ кавалеріи не отставала, впрочемъ, и часть пѣхоты (Карабинерный полкъ и батальонъ егерей), которая вмѣстѣ съ ней и прибыла къ столицѣ Адербейджана.

Встрѣча Паскевичу приготовлена была торжественная. Все духовенство, христіанское и магометанское, старшины города, почетные беки и толпы народа въ праздничныхъ одеждахъ привѣтствовали русскаго вождя на городской чертѣ, усыпали ему дорогу цвѣтами и, по обычаю Востока, поливали ее горячею кровью быковъ, закалываемыхъ въ честь побѣдителя. На гласисѣ крѣпости стоялъ подъ ружьемъ весь отрядъ князя Эристова, встрѣтившій главнокомандующаго барабаннымъ боемъ, преклоненіемъ знаменъ и крикомъ ура. Едва Паскевичъ, сопровождаемый своею кавалеріей, въѣхалъ на подъемный мостъ, какъ началась пальба изъ орудій, разставленныхъ по стѣнамъ цитадели и крѣпости. Для главнокомандующаго была приготовлена квартира во дворцѣ Аббасъ-Мирзы, и здѣсь князь Эристовъ поднесъ ему городскіе ключи.

Торжество встрѣчи завершилось общимъ парадомъ, который Паскевичъ устроилъ 24-го октября. Войска одѣты были по походному: офицеры въ сюртукахъ, солдаты въ шинеляхъ. Это была мелочь, но мелочь, подѣйствовавшая чрезвычайно хорошо на духъ кавказскаго солдата. «Да это чисто по-ермоловски», говорили они между собою. Церемоніальнымъ маршемъ войска проходили колоннами, и Паскевичъ горячо благодарилъ ихъ за славную кампанію. Тутъ же, въ свитѣ его, находился англійскій посланникъ Макдональдъ, со всѣми членами англійскаго посольства, и, впослѣдствіи, въ лондонскихъ газетахъ появилась статья, въ которой говорилось, что «солдаты, несмотря на продолжительность похода, шли бодро и весело, и что кавказскія войска хотя не красиво одѣты, но своимъ видомъ умѣютъ внушить къ себѣ уваженіе» (13).

За рядомъ празднествъ наступило, наконецъ, время открытія переговоровъ, и Паскевичъ перенесъ свою главную квартиру въ м. Дей-Караганъ, куда ожидали прибытія наслѣднаго принца. Для встрѣчи его отправленъ былъ 3-й дивизіонъ Нижегородскаго полка съ двумя конными орудіями, подъ командой флигель-адъютанта графа Толстого. Верстахъ въ семи за Чевестеромъ драгуны увидѣли приближавшійся поѣздъ, – и стали вдоль по дорогѣ развернутымъ строемъ. Замѣтивъ ихъ, Аббасъ-Мирза остановилъ конвой, и въ сопровожденіи только пяти человѣкъ подъѣхалъ къ фронту. Драгуны отдали честь. Князь Долгоруковъ, исполнявшій обязанности посла, и командиръ Нижегородскаго полка полковникъ Раевскій привѣтствовали его отъ имени главнокомандующаго. Аббасъ-Мирза благодарилъ за почетный эскортъ, и узнавъ, что его составляютъ Нижегородскіе драгуны, выразилъ желаніе познакомиться съ ними поближе. По его словамъ, украшеннымъ цвѣтами восточнаго краснорѣчія, онъ ихъ считалъ за существа сверхъестественныя и не могъ примириться съ мыслію, что они принадлежали къ категоріи обыкновенныхъ смертныхъ. «Такое впечатлѣніе оставили во мнѣ», сказалъ онъ, «атаки ихъ подъ Елизаветполемъ и Джеванъ-Булахомъ, и та быстрота, съ которою они спѣшивались и снова садились на коней» (14).

Съ этимъ почетнымъ эскортомъ, смѣнившимъ персидскій конвой, Аббасъ-Мирза тронулся дальше и, подходя къ Чевестеру, встрѣтилъ отряды Бенкендорфа и Лаптева, шедшіе занимать Хой и Солмазъ. Бенкендорфъ также остановилъ войска на обширной равнинѣ близъ озера Урміи и встрѣтилъ принца пушечнымъ салютомъ. «Аббасъ-Мирза», говоритъ онъ

въ своихъ запискахъ, «произвелъ на всѣхъ насъ неожиданно пріятное впечатлѣніе. Черты лица его отличаются замѣчательною красотою и правильностью. Подобныя лица могутъ встрѣчаться только въ Азіи или въ классическомъ Римѣ. Онъ прибылъ одинъ, безъ свиты, въ сопровожденіи лишь зятя своего Фехтъ-Али-хана и двухъ англійскихъ офицеровъ въ красныхъ мундирахъ. Самъ принцъ былъ одѣтъ чрезвычайно просто, и только одинъ кинжалъ его весь унизанъ былъ драгоцѣнными каменьями»... «Лошадь подъ нимъ была лучшая, какую я когда-либо видѣлъ въ жизни» — прибавляетъ Бенкендорфъ, — и дѣйствительно, это былъ знаменитый во всемъ Адербейджанѣ бѣлый иноходецъ, украшенный массивною золотою сбруею... Проѣзжая по фронту, принцъ здоровался съ солдатами по-русски, и любовался ихъ бодрымъ видомъ. По его желанію Кабардинскій полкъ и дивизіонъ Нижегородцевъ съ конной артиллеріею прошли передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ. Онъ благодарилъ войска и, улыбаясь, сказалъ Бенкендорфу: «Имѣя такихъ противниковъ, не стыдно проиграть кампанію» (15).

Аббасъ-Мирза ночевалъ въ этотъ день въ Чевестерѣ, гдѣ для него приготовлена была роскошная палатка, — и при ней почетный караулъ: по одну сторону 20 Нижегородскихъ драгунъ, по другую — 30 персидскихъ курдовъ. Картина была достойна кисти художника.

Отъ Чевестера драгуны сопровождали принца до самаго Дей-Карагана, и были оставлены Паскевичемъ при главной квартирѣ. Другіе два дивизіона, стоявшіе въ Тавризѣ, назначены были въ составъ авангарда, который, на случай продолженія военныхъ дѣйствій, былъ выдвинутъ на тегеранскую дорогу и занялъ замокъ Уджанъ, что значитъ «Царская роза». Замокъ этотъ былъ построенъ Аббасъ-Мирзою въ честь царственнаго своего отца и обошелся ему свыше 30 тысячъ червонцевъ. Со стороны Паскевича приняты были всѣ мѣры, чтобы сохранить замокъ во всей его неприкосновенности, «дабы», какъ говорилось въ одномъ изъ его распоряженій, «онъ могъ послужить впослѣдствіи историческимъ памятникомъ кротости и великодушія русскихъ къ побѣжденнымъ врагамъ».

Переговоры, начатые между тѣмъ въ Дей-Караганѣ, не привели, какъ извѣстно, къ желаемымъ результатамъ: шахъ не согласился на условія, предъявленныя Паскевичемъ,—и война возобновилась.

Стояла суровая, холодная зима съ глубокими снѣгами и совершеннымъ бездорожьемъ, когда Паскевичъ 8-го января 1828 года выѣхалъ изъ

Дей-Карагана, торопясь въ Тавризъ, чтобы скорѣе начать военныя дѣйствія. На этомъ сравнительно небольшомъ переѣздѣ, Паскевичъ лично могъ убѣдиться, какія страшныя препятствія ожидали войска въ зимнемъ походѣ. Ужасная вьюга, захватившая его въ дорогѣ, стояла цѣлыя сутки и была такъ сильна, что за массою крутившагося снѣга невозможно было добраться ни до какого жилья. Многіе, изъ бывшихъ даже въ самомъ поѣздѣ Паскевича, отбились отъ него и блуждали по степи; два писаря корпуснаго штаба и нѣсколько конныхъ татаръ, занесенные сугробами, погибли буквально на глазахъ товарищей, которые, будучи и сами полузамерзшими, не могли оказать имъ помощи.

И несмотря на все это, откладывать военныхъ дѣйствій было не возможно уже потому, чтобы не дать время шаху и Аббасъ-Мирзѣ собраться съ новыми силами. И вотъ, въ январѣ 1828 года, русскій авангардъ, въ составѣ котораго находились и два Нижегородскіе дивизіона, покинулъ Уджанъ и передвинулся на самую границу Адербейджана. Здѣсь, въ ожиданіи главныхъ силъ, онъ остановился у подошвы перевала черезъ Кафланъ-Кухъ, близъ города Міане и, несмотря на страшныя вьюги, сталъ бивуакомъ. Начальникъ авангарда генералъ-маіоръ баронъ Розенъ не рѣшался размѣстить войска въ окрестныхъ селеніяхъ, опасаясь ядовитыхъ міанскихъ клоповъ, укушеніе которыхъ для пришельцевъ бываетъ безусловно смертельнымъ ([16]).

Одновременно съ авангардомъ двинулись остальные русскіе отряды. И между тѣмъ какъ самъ Паскевичъ съ главными силами еще только шелъ изъ Тавриза на соединеніе съ Розеномъ, со всѣхъ сторонъ уже стали приходить извѣстія объ успѣхахъ русскаго оружія.

Такъ, 15-го января генералъ Панкратьевъ съ Дей-Караганскимъ отрядомъ, въ составѣ котораго былъ и 3-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, вступилъ въ Марагу, Лаптевъ занялъ Урмію, а передъ графомъ Сухтеленомъ палъ Ардебиль, въ которомъ изстари короновались персидскіе государи. Быстрое наступленіе русскихъ войскъ охватило паникой цѣлую Персію, сопротивленіе стало невозможнымъ, и на встрѣчу къ Паскевичу выѣхалъ самъ англійскій посланникъ при персидскомъ дворѣ съ извѣстіемъ, что шахъ принимаетъ всѣ условія мира. Конференція состоялась въ Туркменчаѣ, и здѣсь, 10-го февраля 1828 года, миръ заключенъ былъ окончательно. Персія уступила Россіи Эриванское и Нахичеванское ханства и обязалась уплатить 20 милліоновъ рублей контрибуціи.

Только тогда, когда трактатъ былъ подписанъ, и черезъ Кафланъ-Кухъ потянулись первые транспорты съ персидскимъ золотомъ, русскій авангардъ, все еще стоявшій у Міане, отошелъ къ Тавризу, гдѣ къ Нижегородскому полку присоединился и 3-й дивизіонъ его, вернувшійся изъ Мараги.

Персидская война окончилась. Въ память ея императоръ Николай установилъ особую серебряную медаль на соединенной лентѣ орденовъ св. Георгія и св. Владиміра. «Да послужитъ знакъ сей», сказано было въ высочайшемъ приказѣ, «памятникомъ мужества и кроткаго поведенія вашего. Да будетъ онъ новымъ залогомъ вѣрной службы русскаго войска и Моей къ вамъ признательности». Всѣмъ офицерамъ пожалованъ годовой окладъ жалованья, а нижнимъ чинамъ по 5 руб. асс. Паскевичъ, кромѣ владимірской ленты и Георгія 2-го класса, возведенъ въ графское достоинство съ титуломъ Эриванскаго, и получилъ милліонъ рублей изъ персидской контрибуціи. «Вамъ я обязанъ и славою личною, и милостями ко мнѣ государя», писалъ онъ въ приказѣ по войскамъ Кавказскаго корпуса: «Съ разстроганною душою благодарю васъ, храбрые друзья и сослуживцы» (17).

Стали выходить затѣмъ награды и остальнымъ участникамъ персидскаго похода. За дѣло подъ Сардарь-Абадомъ и труды, перенесенные во время кампаніи, Раевскій получилъ орденъ св. Анны 2-й степени, князь Андрониковъ произведенъ въ подполковники, маіоры князь Баратовъ, Паленъ и Марковъ, штабсъ-капитанъ Гавронскій и поручикъ Левковичъ—Владиміра 4-й степени; штабсъ-капитанъ Челяевъ—золотую саблю; штабсъ-капитанъ Боровитиновъ, поручики: Казначеевъ, баронъ Шиллингъ, Кобылинскій, Фроловъ, Депрерадовичъ и Болдамусъ — ордена св. Анны 3-й степени; прапорщикъ Долинскій — тотъ же орденъ 4-й степени; а полковой священникъ Семіонъ Лещинскій, подвергавшій себя въ бояхъ равной опасности со всѣми строевыми чинами — золотой наперсный крестъ на георгіевской лентѣ. Затѣмъ рядовой Дороховъ, раненный подъ Сардарь-Абадомъ осколкомъ гранаты въ грудь, произведенъ, наконецъ, въ прапорщики, а рядовой Довгеръ въ унтеръ-офицеры. Нижнимъ чинамъ назначено 18 знаковъ отличія военнаго ордена (18).

Нижегородскому полку, — всѣмъ тремъ его дивизіонамъ, пожалованы были георгіевскіе штандарты съ надписью: «За отличіе, оказанное въ Персидскую войну 1826, 1827 и 1828 годовъ» (19).

Персидская война, случившаяся въ одинъ изъ трудныхъ моментовъ жизни Россіи и сопряженная съ неимовѣрными трудностями, оставила глубокое впечатлѣніе въ Русской землѣ, и ближайшіе современники отмѣтили ее цѣлымъ рядомъ памятниковъ. Изъ числа ихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ медали извѣстнаго скульптора графа Толстого, и богатое собраніе литографированныхъ картинъ художника Машкова, изобразившаго главнѣйшія событія войны *). Солдаты съ своей стороны также увѣковѣчили эту войну простой, безъискусственной пѣсней, полной въ одно и то же время и неподдѣльнаго энтузіазма и какого-то чисто русскаго добродушнаго юмора. Вотъ эта пѣсня, которая пѣвалась и старыми Нижегородцами:

Не туманъ изъ-за моря
Тучей поднялся,—
Не туманъ, не дождичекъ,
Нѣтъ, орелъ взвился...

Бѣлый, какъ лебедушка,
Зоркій, какъ соколъ,
Онъ полки россійскіе
Въ Персію повелъ.

Первый подвернулся намъ
Самъ Аббасъ-Мирза;
Мы Мирзѣ съ мирзятами
Плюнули въ глаза.

И въ глаза имъ плюнувши
Громовымъ огнемъ,
Къ Эриванской крѣпости
Шли минуту съ днемъ.

А пришедши, начали,
Видя вражью мочь,
Шанцы, батареюшки
Строить день и ночь.

А построивъ, въ нехристя,
Прежде чѣмъ палить,
Пушечки, мортирочки
Стали наводить.

*) Картины эти изданы были особымъ альбомомъ, составляющимъ нынѣ библіографическую рѣдкость. Воспроизведеніемъ этихъ картинъ въ настоящемъ изданіи мы обязаны просвѣщенному вниманію свѣтлѣйшаго князя Федора Ивановича Паскевича.

А потомъ, ребятушки,
Какъ пришла пора,
Крикнули по-нашему
Русское ура.

Крикнули, ударили,
Понеслись на брань,—
И въ секунду съ четвертью
Взяли Эривань.

Графъ же Иванъ Федоровичъ—
Наша голова—
Тотчасъ въ ней отпраздновалъ
Праздникъ Покрова.

И Мирзѣ Мирзовичу
Снова давъ трезвонъ,
Царство бусурманское
Захватилъ въ полонъ.

Заключеніе мира праздновалось въ обѣихъ столицахъ съ особенною торжественностью и пышностью. Грузія собиралась построить въ Тифлисѣ тріумфальныя ворота, съ особымъ зданіемъ для помѣщенія отставныхъ ветерановъ. Сводчатыя ворота предполагалось сложить изъ дикаго камня, а всѣ барельефы и украшенія, представляющіе виды взятыхъ крѣпостей, отлить изъ чугуна, «дабы время не истребило ихъ, и потомство запечатлѣло бы въ памяти своей блистательные успѣхи россійскаго оружія». На лицевой сторонѣ воротъ проектировался бюстъ императора Николая съ надписью: «Признательная Грузія побѣдоносному россійскому воинству»; на другой—гербъ древней Иверіи; подъ нимъ—въ лавровомъ вѣнкѣ названія покоренныхъ крѣпостей, а еще ниже, на мраморныхъ доскахъ, имена генераловъ и полковъ, участвовавшихъ въ кампаніи. Къ сожалѣнію, эта высокая патріотическая мысль почему-то не осуществилась, хотя собраны были значительныя суммы, и самый проектъ удостоился высочайшаго утвержденія ([20]).

Въ самомъ началѣ марта русскія войска оставили, наконецъ, Тавризъ и потянулись обратно въ родныя границы. Еще стояла зима, а лежавшая на пути гористая часть Персіи была совершенно безлюдна, и войскамъ пришлось перенести неимовѣрныя трудности. Такъ дошли до Аракса. На томъ берегу его, въ Карабагѣ, была уже весна: ласковѣе

свѣтило солнце, привѣтливѣе смотрѣло ясное небо. Нижегородцы на походѣ отпраздновали раннюю Пасху, и въ началѣ апрѣля пришли въ родной Караагачъ, — пришли для того, чтобы менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ снова покинуть его, и итти на новую войну, на новые труды, страданія и подвиги. Персидская война окончилась—начиналась турецкая.

Медали въ память занятія Тавриза и заключенія мира съ Персіею (лицевая и оборотная стороны).

Видъ Карса.

ПОГАШЕНО

V.

Подъ Карсомъ.

(1828 г.).

Выступленіе въ походъ изъ Царскихъ Колодцевъ въ Гумри.—Нижегородцы подъ Карсомъ.—Ночная демонстрація.—Штурмъ крѣпости.—Чума въ русскомъ лагерѣ.—Взятіе Ахалкалакъ и Хертвиса.—Походъ къ Ахалцыху.

Еще не замолкли громы персидской войны, еще въ Петербургѣ не знали о мирѣ, заключенномъ съ Персіей, а въ Закавказскій край скакалъ уже курьеръ съ секретными депешами о разрывѣ съ Турціей.

Былъ апрѣль 1828 года. Нижегородскій полкъ, только что вернувшійся изъ Персіи, стоялъ около Царскихъ Колодцевъ въ палаткахъ. Походъ на турецкую границу уже былъ объявленъ, и полкъ наскоро готовился къ выступленію. Въ рядахъ его недоставало четырехсотъ чело-

вѣкъ, и такъ какъ убыль эта не могла пополниться скоро, то въ походъ назначены были только первые два дивизіона, а третій, вмѣстѣ съ запаснымъ эскадрономъ, долженъ былъ остаться въ Кахетіи (1).

Войскъ у Паскевича было еще менѣе, чѣмъ передъ открытіемъ послѣдней персидской кампаніи, такъ какъ вся 2-я уланская дивизія ушла обратно въ Россію, оставивъ на Кавказѣ только одинъ сводный четырехъ-эскадронный полкъ, образовавшій вмѣстѣ съ Нижегородскимъ — сводную кавалерійскую бригаду. Такимъ образомъ, вмѣсто прежнихъ тридцати эскадроновъ, къ границамъ Азіятской Турціи могли быть направлены теперь только восемь.

Въ концѣ мая 1828 года полки тронулись съ своихъ квартиръ, направляясь по разнымъ дорогамъ къ селенію Гумри, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ дѣйствующаго корпуса. Шли туда же и наши Нижегородцы. Вопросъ о движеніи на Карсъ былъ рѣшенъ уже окончательно, и Паскевичъ ожидалъ только прибытія послѣднихъ запоздавшихъ частей, чтобы открыть военныя дѣйствія. И вотъ, 14-го іюня, съ восходомъ солнца, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Александропольская крѣпость, выстроился весь немногочисленный русскій корпусъ. Въ 8 часовъ утра пріѣхалъ Паскевичъ, и войска, послѣ напутственнаго молебствія, перешли Арпачай. Война началась.

Нижегородскій полкъ вступилъ на турецкую землю, въ числѣ 460-ти всадниковъ, подъ командой подполковника князя Андроникова, такъ какъ Раевскій на время похода назначенъ былъ командиромъ Сводной бригады (2).

Пройдя черезъ Тихнисъ, прославленный побѣдою Гудовича, и знаменитое впослѣдствіи Кюрюкъ-даринское поле, русскій корпусъ 18-го іюня двинулся влѣво, обходною дорогой, чтобы начать атаку Карса не со стороны Карадагскихъ высотъ, а стать на его сообщеніяхъ съ Арзерумомъ.

Уже вечерѣло, когда войска подошли наконецъ къ селенію Азаткеву. Въ трехъ верстахъ отсюда лежало крѣпостное предмѣстье, и, въ неясныхъ очертаніяхъ сгущавшихся сумерокъ, виднѣлись грозныя твердыни Карсской цитадели. На слѣдующій день Паскевичъ произвелъ рекогносцировку. Турки сдѣлали сильную вылазку, и намъ пришлось ввести въ дѣло почти всю свою кавалерію. Два донскіе казачьи полка (Сергѣева и Леонова), поддержанные Нижегородскимъ полкомъ, развернулись на правомъ, а три (бригада Побѣднова и казачій полкъ Карпова)— на лѣвомъ флангѣ боевого порядка. Сводный уланскій полкъ остался въ резервѣ.

Масса развернувшейся русской кавалеріи озадачила турокъ—но не надолго. Большая часть конницы ихъ потянулась вправо, т. е. къ нашему лѣвому флангу, а меньшая—стремительно понеслась прямо на бригаду Сергѣева, стараясь охватить ее съ тылу.

Паскевичъ приказалъ подаваться назадъ, чтобы заставить турокъ какъ можно дальше отойти отъ Карса, а между тѣмъ велѣлъ барону Остенъ-Сакену взять изъ резерва сводный уланскій полкъ и отрѣзать непріятелю всякій путь къ отступленію. Уланы только что размундштучили своихъ лошадей, готовясь навѣсить имъ торбы, какъ прискакалъ ординарецъ съ приказаніемъ итти на рысяхъ передъ боевую линію. Мундштучить снова было нѣкогда—и полкъ поскакалъ на трензелькахъ. Турки замѣтили опасность и повернули назадъ,—но было уже поздно... Стройно, какъ на ученьи, развернувъ свои эскадроны, несся уланскій полкъ, наклонивъ свои пики, и, подъ огнемъ крѣпостныхъ орудій, ударилъ во флангъ непріятелю; казаки Сергѣева рубили его съ тылу; линейцы и грузины, прискакавшіе сюда съ лѣваго фланга, отрѣзали его отъ Карса. Вся непріятельская линія, сбитая съ своего направленія, кинулась вправо, наткнулась на батальонъ пѣхоты и, не имѣя другого выхода, поскакала вдоль фронта, преслѣдуемая конницей, поражаемая градомъ пуль и картечей. Преслѣдованіе продолжалось почти до самыхъ стѣнъ городского предмѣстья. «Размундштученныя лошади уланъ—разсказываетъ Сакенъ—не слушали трензелей, и полкъ разсыпался. Я приказалъ трубить сборъ; но уланы не скоро справились съ своими лошадьми, и блистательный ударъ могъ бы обратиться во вредъ нашъ, если бы турки не потеряли голову».

Сражаясь на глазахъ цѣлаго корпуса, русская конница покрыла себя въ этотъ день славою; въ подвижности она не уступала турецкой, а въ рѣшимости къ удару холоднымъ орудіемъ превосходила ее. Сводный уланскій полкъ, въ первый разъ бывшій въ дѣлѣ, дрался съ замѣчательною храбростью. Успѣхъ поднялъ духъ полка, и во все время войны полкъ этотъ сражался уже всегда съ блестящимъ успѣхомъ. Не участвовали въ этомъ бою одни Нижегородскіе драгуны,—гроза персидскихъ наѣздниковъ. Паскевичъ берегъ ихъ для рѣшительной минуты, и они до самаго вечера простояли въ резервѣ. Тѣмъ не менѣе, въ полку нѣсколько лошадей было убито и ранено турецкими ядрами (3).

Рекогносцировка показала, что вся оборона Карса заключалась въ

гое цитадели и крѣпостныхъ стѣнахъ, къ которымъ съ трехъ сторонъ примыкали три большіе форштадта. На западѣ, противъ Шорахскихъ высотъ, по лѣвому берегу Карсъ-чая, лежало Армянское предмѣстье; на югѣ, къ сторонѣ русскаго лагеря, расположившагося у Кичикъ-Кея, по правую сторону рѣчки, предмѣстье называлось Орта-Кепи, а на западѣ— Бейрамъ-паша. Послѣднее предмѣстье тянулось почти до самой горы Карадагъ, увѣнчанной сильнымъ редутомъ, который обстрѣливалъ подступы къ крѣпости. На сѣверной сторонѣ—никакого форштадта не было, но за то на утесистыхъ горахъ, гдѣ впослѣдствіи возникъ грозный фортъ Лекъ и протянулись, такъ называемыя, англійскія линіи, устроены были каменные шанцы. Несмотря на отсутствіе внѣшнихъ фортовъ, всѣ эти укрѣпленія, въ ихъ общей связи, представляли для нападающихъ неимовѣрныя трудности, такъ какъ множество выдающихся башенъ обстрѣливали дальнимъ огнемъ всю лежавшую впереди ихъ мѣстность (4).

Осаду только и можно было вести съ юго-запада, съ Шорахскихъ высотъ, которыя командовали городомъ. А между тѣмъ непріятель, сознавая слабую сторону своей обороны, поставилъ на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, впереди Армянскаго предмѣстья, тамъ, гдѣ въ наши дни былъ знаменитый фортъ Чимъ-Табія, свой укрѣпленный лагерь. Тѣмъ не менѣе, Паскевичъ рѣшилъ въ ночь съ 22-го на 23-е іюня заложить первую параллель именно противъ этого лагеря, а чтобы отвлечь вниманіе турокъ отъ нашихъ работъ, приказалъ кавалерійской бригадѣ Раевскаго произвесть фальшивую атаку на Карадагскія высоты.

Какъ только стемнѣло, оба полка съ конною батареею тихо выступили изъ главнаго лагеря и потянулись въ обходъ южныхъ укрѣпленій Карса. Скоро пушечный выстрѣлъ, грянувшій съ Карадага, далъ понять, что непріятель замѣтилъ Раевскаго. Въ то же время турецкій разъѣздъ, прискакавшій въ крѣпость, поднялъ тревогу извѣстіемъ, что и въ тылу цитадели показывается тоже какая-то пѣхота. То былъ Ширванскій батальонъ, назначенный для демонстраціи съ сѣвера. Не успѣли турки поставить гарнизонъ подъ ружье, какъ съ двухъ сторонъ загремѣли русскіе барабаны, зазвучали трубы, заиграла музыка, и отовсюду раздалось «ура», скоро потонувшее въ гулѣ пушечнаго и ружейнаго залпа. Черезъ минуту все смолкло. Тогда загремѣлъ Карадагъ, и пушечная пальба, направлявшаяся преимущественно на звукъ кавалерійскихъ трубъ, не прекращалась до самаго утра.

Той грозной линіи укрѣпленій, которая впослѣдствіи, начинаясь у Зіарета, оканчивалась съ одной стороны Арабъ-Табіей, упиравшейся въ крутой обрывъ Карсъ-чая, а съ другой соединяла Карадагъ съ самою крѣпостью,—тогда еще не было. Отъ Карадагскаго редута тянулась по направленію къ обрыву лишь небольшая стѣна, сложенная изъ деревянныхъ срубовъ, набитыхъ землею, и противъ этой-то стѣнки Раевскій, спѣшивъ весь Нижегородскій полкъ, упорно поддерживалъ перестрѣлку до самаго утра (5). Наступилъ наконецъ разсвѣтъ—и турки неожиданно увидѣли четыре русскія батареи, выросшія за ночь совсѣмъ въ противоположной сторонѣ отъ Карадага: три изъ нихъ стояли на лѣвомъ берегу Карсъ-чая противъ турецкаго лагеря, а четвертая, на правомъ,—противъ укрѣпленій Орта-кепи.

Такъ наступилъ день 23-го іюня 1828 года,—день, когда передъ малочисленной восьми-тысячной арміей, почти не руководимой опредѣленными указаніями вождя, но ведомой исключительно только нравственной силой своего духа, пала первоклассная крѣпость, ни разу не видавшая въ своихъ стѣнахъ завоевателей.

Вотъ какъ случилось это невѣроятное, славное дѣло паденія Карса.

Къ утру 23-го іюня русскія войска стояли подъ крѣпостью на слѣдующихъ позиціяхъ.

Съ сѣвера, противъ цитадели, батальонъ Ширванцевъ.

Съ запада, на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, на 1-й батареѣ—батальонъ 39-го егерскаго полка, на 2-й—Крымскій пѣхотный полкъ, на 3-й—42-й егерскій. Всѣ эти войска находились подъ общею командой генералъ-лейтенанта князя Вадбольскаго.

На правомъ берегу Карсъ-чая, подъ начальствомъ генералъ-маіора Муравьева, Эриванскій полкъ занималъ главную батарею, а за нимъ въ резервѣ расположенъ былъ Грузинскій гренадерскій. Сводная кавалерійская бригада стояла противъ Карадага. Всѣ остальныя войска—четыре батальона—въ видѣ общаго резерва, оставались у Кичикъ-Кея (6).

Штурмъ начался для всѣхъ неожиданно. Ничтожная перестрѣлка, завязавшаяся въ траншеяхъ противъ 1-й батареи, вызвала стремительную атаку егерской роты поручика Лабинцева, которая и овладѣла старымъ кладбищемъ, лежавшимъ на полугорѣ. Турки тройными силами напали на Лабинцева. Его поддержали три роты егерей 42-го полка съ подполковникомъ Миклашевскимъ и, отбросивъ турокъ, на ихъ плечахъ

ворвалась въ укрѣпленный лагерь. Такимъ образомъ занятіе высотъ,—то, чего едва надѣялись достигнуть въ теченіе лишь нѣсколькихъ дней, неожиданно осуществилось въ два-три часа времени.

Но успѣхъ еще былъ сомнителенъ. Одинъ русскій батальонъ дрался теперь почти съ цѣлою турецкою арміею, и, чтобы его выручить, пришлось двинуть въ бой ближайшія части пѣхоты. Сраженіе такимъ образомъ разгорѣлось и перешло въ общій штурмъ.

Въ это время на главную батарею прискакалъ Паскевичъ, встревоженный сильною канонадой и боемъ, начавшимся безъ предварительныхъ распоряженій. Остановившись на лѣвомъ флангѣ батареи, на самомъ открытомъ мѣстѣ, онъ ясно видѣлъ все, что дѣлалось за рѣкою: и массы нападающихъ турокъ, и опрокинутый отрядъ Миклашевскаго, и отчаянный бой, шедшій на скалахъ у егерей 42-го полка—всю эту поразительную картину безпощадной борьбы на жизнь и на смерть. Непріятельскіе снаряды осыпали главнокомандующаго; многіе изъ свиты его были убиты или ранены. Паскевичъ ни на что не обращалъ вниманія; онъ сошелъ съ коня, и нѣкоторое время, какъ говоритъ Муравьевъ, оставался въ положеніи человѣка, изумленнаго нечаянностью. Наконецъ онъ подозвалъ къ себѣ командира Грузинскаго полка графа Симонича, и приказалъ ему вести три роты на помощь сражавшимся (7).

Бой происходилъ всего въ какихъ-нибудь двухъ или трехъ стахъ саженяхъ отъ батареи, за которой стояли Грузинцы; но егеря были отдѣлены непроходимою въ этомъ мѣстѣ рѣкою, и Симоничъ, не найдя переправы, долженъ былъ повернуть на мостъ, чтобы выйти къ зарѣчному форштадту окольною дорогой. Гренадеры пошли форсированнымъ маршемъ. Между тѣмъ обстоятельства на самомъ мѣстѣ сраженія быстро измѣнились уже на глазахъ самого Паскевича.

Князь Вадбольскій ввелъ въ дѣло послѣдніе резервы, и тогда на высотахъ, занятыхъ укрѣпленнымъ лагеремъ, произошла отчаянная схватка. Турки и русскіе смѣшались въ одну общую массу. Камни, ружейный и пистолетный огонь, штыки, кинжалы и сабли—все было пущено въ ходъ для взаимнаго пораженія. Кровавая рѣзня длилась съ четверть часа. Наконецъ, необычайное мужество русскихъ восторжествовало надъ дикимъ фанатизмомъ непріятеля,—и турки бросились бѣжать по направленію къ форштадту. Кучи набросанныхъ на дорогѣ камней, новый рядъ шанцевъ, новое кладбище, затѣмъ начинавшіяся строенія—все, на каж-

домъ шагу, представляло возможность обороняться,—но имъ не давали времени опомниться. И Вадбольскій на ихъ плечахъ ворвался въ Армянское предмѣстье.

Полковникъ Бурцевъ съ ротою 39-го полка тотчасъ кинулся влѣво, къ башнѣ Темиръ-паша, которой принадлежала важнѣйшая роль въ оборонѣ зарѣчнаго форштадта. Онъ взялъ ее штурмомъ. Наградные списки—эта длинная лѣтопись прекрасныхъ воинскихъ подвиговъ, разсказываютъ что во главѣ штурмующихъ егерей первымъ ворвался въ башню, и затѣмъ установилъ на ней орудія, Нижегородскаго полка прапорщикъ Дороховъ, исполнявшій въ тотъ день при князѣ Вадбольскомъ обязанности сапернаго офицера ([8]).

Въ Армянскомъ предмѣстьѣ продолжалась между тѣмъ кровавая битва. Егеря, поддерживаемые съ высокой башни огнемъ батареи, тѣснили непріятеля изъ дома въ домъ, изъ улицы въ улицу; и турки заняли, наконецъ, послѣдній отдаленнѣйшій кварталъ предмѣстья, примыкавшій уже къ самой рѣкѣ. Егеря, истощенные боемъ, опасавшіеся встрѣтить здѣсь отчаянный, быть можетъ, гибельный для себя отпоръ,—остановились. Князь Вадбольскій понялъ, что сдѣлать болѣе того, что сдѣлали въ этотъ день люди, невозможно—имъ нуженъ былъ хотя кратковременный отдыхъ. Но съ другой стороны этимъ отдыхомъ могли воспользоваться турки, чтобы подвести резервы,—и тогда перемѣнчивый жребій войны, пожалуй, могъ бы опять перейти на ихъ сторону.

Къ счастію, какъ разъ въ эту критическую минуту подоспѣли свѣжія силы.

Почти одновременно со взятіемъ Темиръ-паши, Ширванскій батальонъ, стоявшій противъ цитадели, атаковалъ каменные шанцы, выбилъ изъ нихъ турокъ, и, спустившись прямо съ крутого утеса, вошелъ въ Армянское предмѣстье съ сѣвера. Въ то же время съ юга вступили въ него три грузинскія роты, которыя привелъ графъ Симоничъ. Два свѣжіе батальона, смѣнивъ усталыхъ егерей, пошли на штурмъ и смѣлымъ натискомъ очистили послѣднюю часть зарѣчнаго форштадта. Теперь только одна глубокая трещина, на днѣ которой шумѣлъ Карсъ-чай, отдѣляла войска отъ непріятельскаго города. Къ счастію, турки не успѣли уничтожить за собой прочный каменный мостъ, и Ширванцы первые перебѣжали по немъ черезъ рѣчку. Вслѣдъ за ними переправились осталь-

ные полки—и вся западная часть крѣпостной стѣны была плотно обложена русскими войсками.

Внезапный оборотъ сраженія на лѣвомъ флангѣ, блистательные успѣхи Вадбольскаго, громъ батарей, поселявшихъ смятеніе въ городѣ, наконецъ мужество, какимъ проникнуты были войска, одушевили самого Паскевича. Минута вызывала къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ—и батальонъ Эриванскаго полка, съ двумя грузинскими ротами, подъ начальствомъ барона Остенъ-Сакена, двинулся, чтобы атаковать южное предмѣстье Орта-Кепи. Подъ картечнымъ огнемъ колонна эта дошла до форштадта, и бурнымъ потокомъ разлилась по улицамъ предмѣстья. Подоспѣвшему сюда на помощь другому батальону Эриванскаго полка дѣлать уже было нечего, и генералъ Муравьевъ устремился съ нимъ къ Карадагу.

Послѣднее, юго-восточное предмѣстье Байрамъ-паша уже было покинуто турками, и войска, миновавъ его, стали подыматься прямо на высокую, скалистую гору. Они шли съ барабаннымъ боемъ и грознымъ «ура». Градъ непріятельскихъ снарядовъ и пуль летѣлъ на нихъ и съ Карадагскаго редута, и съ ближнихъ шанцевъ, и съ крѣпостныхъ бастіоновъ. Но это были уже послѣдніе отголоски замиравшаго штурма. Смѣлое наступленіе Муравьева до того поразило турокъ, что грозная позиція на Карадагѣ была оставлена ими безъ боя. Такимъ образомъ всѣ передовыя укрѣпленія Карса теперь были взяты, и русскія батареи сосредоточили свой огонь на городѣ.

Наступила рѣшительная минута.

Единодушно, какъ бы по данному сигналу, войска, не видѣвшія другъ друга за большимъ разстояніемъ, безъ всякаго приказанія, разомъ пошли на крѣпость. Скоро всѣ ближайшіе бастіоны и башни, какъ со стороны Орта-Кепи, такъ и со стороны Армянскаго предмѣстья, были взяты, и городъ перешелъ въ наши руки. Гарнизонъ заперся въ цитадели. Но, обложенный со всѣхъ сторонъ, онъ не могъ уже продолжать борьбы, и на зарѣ 24-го іюня положилъ оружіе.

«Взгляните, храбрые товарищи», говорилъ Паскевичъ въ приказѣ по корпусу: «на тотъ утесъ, гдѣ нынѣ развѣвается знамя Имперіи, на то мѣсто, отъ котораго сильное воинство Шахъ-Надира, послѣ долговременной осады, отступило; вспомните о числѣ своемъ, и вознесите теплую молитву къ Господу Силъ за дарованную вамъ знаменитую побѣду» (9).

Нижегородскому полку не довелось принять участія въ этомъ досто-

памятномъ дѣлѣ. Штурмъ засталъ его стоящимъ противъ Карадага. Тамъ онъ и оставался до конца боя въ полной готовности кинуться на турокъ, если бы они вышли изъ крѣпости. Но изъ крѣпости уходили только одиночные всадники или мелкія партіи, за которыми гоняться не было цѣли.

Но торжество побѣды скоро смѣнилось неотразимымъ бѣдствіемъ, равно ужаснымъ какъ въ мирныхъ хижинахъ, такъ и въ ратномъ станѣ: въ русскомъ лагерѣ появилась чума. Для борьбы съ нею потребовался цѣлый мѣсяцъ, въ теченіе котораго военныя дѣйствія по необходимости должны были пріостановиться. Учреждены были карантины, лагерь передвинули на другое, болѣе удобное мѣсто, каждую часть поставили отдѣльно и окружили особой цѣпью часовыхъ. Всѣ сообщенія полковъ, какъ между собою, такъ и съ покоренною крѣпостью, были прекращены. Строгія карантинныя мѣры не дали распространиться болѣзни, и черезъ подвижной карантинъ прошло за все это время не болѣе 293 человѣкъ (10). Въ половинѣ іюля чума наконецъ прекратилась, и войскамъ приказано было готовиться къ дальнѣйшему походу.

На очереди стояло покореніе Ахалцыха.

Отъ Карса вели къ нему двѣ дороги,—и на каждой изъ нихъ стояла сильная крѣпость: на одной Ардаганъ, на другой — Ахалкалаки. Паскевичъ избралъ послѣдній путь, какъ болѣе близкій къ русской границѣ, и 21-го іюля, преодолѣвъ неимовѣрныя трудности горнаго похода, войска поднялись на вершину Гекъ-Дага. Это была высочайшая точка Чалдырскаго хребта, гдѣ еще царила зима, и солдатамъ пришлось ночевать въ обледенѣлыхъ палаткахъ. Густой туманъ, волнами ходившій по каменистымъ скатамъ безлѣсныхъ горъ, скрывалъ отъ глазъ даже ближайшія окрестности. Костровъ не разводили, и солдаты, кутаясь въ истертыя походомъ шинели, дрожали отъ холода (11).

Наконецъ прошла эта тяжелая ночь, взошло солнце, и съ вершины Гекъ-Дага, въ туманной дали обширной равнины, передъ войсками забѣлѣли стѣны Ахалкалакской крѣпости. Это были тѣ самые Ахалкалаки, съ которыми у каждаго, служившаго въ то время на Кавказѣ, соединялось такъ много боевыхъ воспоминаній. Невольно возставали картины минувшихъ дней: и страшный штурмъ Гудовича, безплодно положившаго на этихъ сѣрыхъ стѣнахъ большую часть своего корпуса, и блистательный разгромъ персидскихъ полчищъ отважнымъ Лисаневичемъ—товарищемъ и другомъ Котляревскаго, и взятіе Ахалкалакъ самимъ Котляревъ-

скимъ, съ двумя батальонами Грузинскаго полка,— георгіевскія знамена которыхъ, какъ памятники славнаго боя, теперь, по прошествіи 17 лѣтъ, опять развѣвались передъ тѣми же самыми башнями.

Ахалкалаки заняты были небольшимъ гарнизономъ, который на предложеніе сдачи прислалъ, однако, слѣдующій характерный отвѣтъ: «Мы не эриванцы и не карсскіе жители—мы ахалцыхцы. Съ нами нѣтъ ни женъ, ни имущества: мы умремъ на стѣнахъ, но не сдадимъ крѣпости. Изстари ведется пословица, что одинъ карсскій житель бьетъ двухъ эриванскихъ, а двое карсскихъ не стоятъ одного ахалцыхца» (12).

Не желая рисковать напрасными потерями, Паскевичъ рѣшилъ покорить крѣпость не штурмомъ, а правильной осадой, и приказалъ заложить батареи. Въ то же время, на случай вылазки, отряженъ былъ на правый берегъ Гендеръ-су 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, съ сотней линейныхъ казаковъ и двумя орудіями; а другой дивизіонъ, также съ двумя орудіями, поставленъ на дорогѣ, ведущей въ Ардаганъ, откуда могъ показаться вспомогательный непріятельскій корпусъ (13).

Съ разсвѣтомъ 24-го іюля восемнадцать орудій открыли по Ахалкалакамъ жестокій огонь. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что храбрые ахалкалакскіе турки съумѣли бы умереть въ открытомъ бою на стѣнахъ своей крѣпости, но выдержать адскаго огня артиллеріи они не могли. Гарнизономъ овладѣла паника. Пользуясь смятеніемъ, Ширванскій батальонъ ворвался въ крѣпость и овладѣлъ цитаделью. Гарнизонъ защищался отчаянно; только 300 человѣкъ положили оружіе, остальные погибли или бѣжали въ горы. Послѣдніе настигнуты были, однакоже, 2-мъ дивизіономъ Нижегородскаго полка въ глубокихъ тѣснинахъ рѣчки Ахалкалакъ-чай и понесли полное пораженіе. Здѣсь взято четыре знамени и изрублено до четырехсотъ турокъ (14).

Въ то время какъ бой еще продолжался, со стороны Ардагана вдругъ показалось двѣ тысячи лазовъ, спѣшившихъ на помощь къ Ахалкалакамъ. Паскевичъ двинулъ противъ нихъ 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка; но лазы, замѣтивъ, что крѣпость уже взята, поспѣшно отступили въ горы.

Теперь дорога къ Ахалцыху была открыта. Но на пути къ нему стояла еще одна крѣпостца,—не большая, но чрезвычайно важная по тому положенію, какое она занимала почти въ неприступныхъ горахъ, гдѣ сходились дороги изъ Ахалкалакъ, Ахалцыха и Ардагана. Эта крѣпостца была Хертвисъ. Она лежала въ глубокомъ ущельѣ Куры, разсѣкавшей

здѣсь высокую горную цѣпь Цихеджваре, и была доступна только съ одной стороны, да и то по тропамъ, на которыхъ едва умѣщалось конское копыто. Для покоренія Хертвиса Паскевичъ назначилъ гренадерскую бригаду, 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, два эскадрона уланъ и 200 человѣкъ конныхъ татаръ, подъ начальствомъ барона Остенъ-Сакена.

Пока пѣхота поднималась на горы, вся кавалерія съ однимъ казачьимъ орудіемъ, подъ командой полковника Раевскаго, прошла впередъ и 26-го іюля вступила въ ущелье. Скоро передъ нею показался и Хертвисъ, весь окруженный густою зеленью садовъ. Тамъ уже знали о печальной судьбѣ Ахалкалакъ, и жители, не полагаясь больше на неприступность своей цитадели, толпами бѣжали въ горы. Раевскій съ татарскою конницей пустился за бѣгущими и, пробираясь въ извилинахъ ущелья, вдругъ на одномъ крутомъ поворотѣ очутился подъ самыми стѣнами крѣпости. Съ нимъ было только 20 татаръ. Не раздумывая долго, онъ поднялъ бѣлый платокъ и потребовалъ сдачи. Гарнизонъ отворилъ ворота и положилъ оружіе. Когда подоспѣли Нижегородцы, Раевскій съ своими 20-ю татарами уже былъ въ цитадели.

Но легкость покоренія Хертвиса, однако, не умалила въ глазахъ Паскевича подвига нашей кавалеріи, которая, вступая въ ущелье, не знала въ какихъ именно силахъ найдетъ непріятеля, но знала, что по всѣмъ человѣческимъ расчетамъ гарнизонъ, имѣвшій ближайшую опору въ Ахалцыхѣ, будетъ обороняться и долго, и упорно (15).

По взятіи Хертвиса русскія войска двинулись къ Ахалцыху уже кратчайшимъ путемъ черезъ хребетъ Цихеджваре, — одинъ изъ самыхъ недоступныхъ отроговъ Малаго Кавказа. Такихъ горъ нѣтъ ни въ Арменіи, ни въ Грузіи; въ тѣхъ горахъ, не исключая даже заоблачныхъ, существуютъ хотя какія-нибудь арбяныя дороги, а здѣсь не было даже вьючныхъ. Чтобы отважиться на такой походъ, нужно было имѣть глубокую вѣру въ мощную натуру кавказскаго солдата. И въ военной исторіи не много найдется примѣровъ, гдѣ бы усилія человѣка до такой степени торжествовали надъ преградами, воздвигаемыми ему природой. Безъ пути и дорогъ шелъ русскій корпусъ черезъ горы и дремучіе, вѣками не тронутые лѣса, гдѣ каждый шагъ добывался тяжелыми усиліями (16).

Цѣлая гренадерская бригада, высланная впередъ изъ Хертвиса, раз-

рабатывала дорогу, а кавалерія Раевскаго прикрывала рабочихъ и высылала разъѣзды къ сторонѣ Ахалцыха и Ардагана. Какъ ни труденъ былъ путь, какъ ни часто приходилось перетаскивать на рукахъ обозы и пушки, войска, однакоже, прошли въ три дня болѣе 60 верстъ, и 3-го августа, въ лучахъ уже заходившаго солнца, передъ нами открылся Ахалцыхъ. Съ той высоты, на которой ночевали войска, онъ имъ казался орлинымъ гнѣздомъ, висѣвшимъ на неприступныхъ утесахъ.

Курды

Видъ Ахалцыха.

VI.

Ахалцыхъ.

(1828 г.)

Нижегородскій полкъ подъ Ахалцыхомъ.—Кавалерійскій бой 5-го августа.—Отзывы о немъ Паскевича.—Впечатлѣніе, произведенное имъ на турокъ.—Награды.—Поручикъ Левковичъ обращаетъ на себя вниманіе императора Николая.—Разгромъ турецкаго вспомогательнаго корпуса 9-го августа.—Нижегородцы на ардаганской дорогѣ.—Штурмъ Ахалцыха.—Участіе въ немъ Нижегородцевъ.—Награды.—Памятникъ убитымъ.

Вечеромъ 4-го августа русскія войска спустились съ горъ и стали на правомъ берегу Куры бивуакомъ. Невесело, кровавой полосой, захватывавшей собою полъ-горизонта, спускалось солнце за угрюмыя вершины окрестныхъ горъ. Утомленные солдаты, въ ожиданіи ужина, дремали; не слышно было ни пѣсенъ, ни музыки, и только съ глухимъ рокотаньемъ, будившимъ сонное эхо, падали горные ручьи на дно глубо-

кихъ овраговъ, да на вершинахъ горъ, тихо качаясь, шумѣлъ сосновый вѣковѣчный лѣсъ. А изъ-за лѣса плавно поднималась молодая луна и кидала робкій свѣтъ на тихій лагерь кавказскаго корпуса. Всѣ были озабочены. Лазутчики принесли извѣстіе, что вспомогательный 30-тысячный турецкій корпусъ Кіосъ-Магометъ-паши, стоявшій за Саганлугскими горами, прошелъ кратчайшею дорогой черезъ Ардаганъ и прибылъ уже въ Ахалцыхъ. Отдаленные залпы крѣпостныхъ орудій, съ утра салютовавшіе прибывшимъ вождямъ, подтверждали это извѣстіе. Было ясно, что турки предупредили насъ, и что силы и средства ихъ теперь учетверились.

Во всю эту ночь обозы и пушки тянулись еще черезъ горы, и послѣднія арбы вмѣстѣ съ арьергардомъ прибыли на позицію только утромъ 5-го августа. Въ полдень Паскевичъ объявилъ наступленіе. Оставивъ вагенбургъ на мѣстѣ, войска перешли Куру налегкѣ и двинулись къ Ахалцыху. Они шли впередъ подъ прикрытіемъ огня 16-ти батарейныхъ орудій, и мало-по-малу оттѣсняли турецкіе батальоны, стоявшіе въ полѣ. Пока Нижегородскій полкъ и уланы, высланные съ конной артиллеріей, преслѣдовали отступавшихъ, пѣхота заняла высокій холмъ Таушанъ-тапа, и позади его, на лѣвомъ берегу Ахалцыхъ-чая, въ двухъ или трехъ верстахъ отъ города, раскинула свой лагерь. Вагенбургу послано было приказаніе переправляться черезъ Куру и слѣдовать сюда же (1).

Прикрытый со стороны Ахалцыха сильнымъ редутомъ, поставленнымъ на высотѣ Таушанъ-тапа, русскій лагерь не былъ, однако, обезпеченъ съ лѣваго фланга. Мѣстность противоположнаго берега рѣки, изрытая оврагами, позволяла туркамъ дѣлать засады и незамѣтно подкрадываться почти къ самымъ палаткамъ. Чтобы избѣжать этого неудобства, Паскевичъ двинулъ на правый берегъ батальонъ егерей съ подполковникомъ Миклашевскимъ, приказавъ ему заложить новый редутъ къ сторонѣ небольшой подгородной деревни Марда. Туда же, на правый берегъ, для прикрытія нашихъ работъ, отправленъ былъ и сводный кавалерійскій полкъ—изъ дивизіона драгунъ и дивизіона уланъ—подъ общею командою полковника Раевскаго.

Было шесть часовъ вечера. Непріятельская конница держалась на высотахъ, прилегающихъ къ городскимъ палисадамъ, и пряталась въ оврагахъ. Но едва переправа и движеніе русскихъ обозовъ обозначились ясно, какъ вся эта конная масса тронулась впередъ, и по обѣ стороны

Ахалцыхъ-чая понеслась къ вагенбургу. На лѣвомъ берегу рѣки Эриванскій полкъ съ пѣшею батареею успѣлъ, однако, преградить ей дорогу, и турки, принятые картечнымъ и батальнымъ огнемъ, круто повернули влѣво, чтобы проскакать лощиной. Здѣсь они наткнулись на батальонъ Грузинцевъ, стоявшій также съ пѣшей батареей на самой оконечности нашего праваго фланга. Тогда они взяли еще лѣвѣе—и встрѣтились со 2-мъ дивизіономъ Нижегородскаго полка, скакавшимъ на тревогу, подъ командой капитана Семичева. Нижегородцы стремительно ударили на турокъ, а тутъ подоспѣли еще два казачьи полка,—и непріятель загнанъ былъ подъ самыя стѣны крѣпости (²).

Такъ окончилось дѣло на правомъ флангѣ; но на лѣвомъ—оно неожиданно приняло характеръ чрезвычайно кровавый. Егеря Миклашевскаго, застигнутые турецкою атакой какъ разъ на постройкѣ редута, едва успѣли взяться за ружья, какъ были окружены со всѣхъ сторонъ непріятелемъ. Егеря отбили нѣсколько атакъ; но, въ концѣ концовъ, они рисковали быть раздавленными, если бы на помощь къ нимъ не подоспѣлъ батальонъ Эриванскаго полка, бѣгомъ направленный Паскевичемъ съ праваго фланга. Замѣтивъ его приближеніе, непріятель отхлынулъ отъ егерей,—и всею массою обрушился на подходившіе сюда эскадроны Раевскаго. Завязалось жаркое дѣло.

Отправленный изъ лагеря при самомъ началѣ боя, Раевскій двинулся рысью, имѣя впереди 2-й эскадронъ Нижегородскаго полка и Серпуховскихъ уланъ; за ними, во второй линіи, шли Борисоглѣбцы и 1-й эскадронъ Нижегородцевъ. Неровная мѣстность, овраги, крутые подъемы и спуски замедлили, однако, движеніе конницы, и едва головныя части ея стали вытягиваться изъ глубокаго, длиннаго оврага, какъ турки понеслись къ ней на встрѣчу. Раевскій съ своей стороны пустилъ въ атаку первую линію. Турки дали тылъ. Въ горячемъ преслѣдованіи эскадроны разъединились, и Нижегородцы съ маіоромъ Казасси, занесшись слишкомъ далеко, были моментально окружены тысячными толпами турокъ. Храброму эскадрону приходилось разсчитываться за свое увлеченіе. Видя, что въ конномъ строю устоять не возможно, драгуны, не теряя мужества, спѣшились, сомкнулись въ кружокъ, и въ такомъ положеніи держались нѣсколько времени. Но ряды ихъ быстро рѣдѣли, убитые кони разстраивали кругъ, оборона слабѣла, и эскадронъ, держа въ поводу лошадей, медленно сталъ отодвигаться назадъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ непрія-

телемъ. Одна минута колебанія—и гибель его была неизбѣжна. Но колебанія не было. Казасси отступалъ, какъ левъ,—а между тѣмъ на помощь къ нему во весь опоръ скакалъ весь 1-й эскадронъ Нижегородскаго полка, и съ нимъ два донскія орудія.

Еще при самомъ началѣ атаки командиръ Нижегородскаго дивизіона подполковникъ Андрониковъ поднялся на высокій холмъ и оттуда увидѣлъ, какъ масса турокъ охватила Казасси. Первыя минуты, послѣдовавшія за этимъ зрѣлищемъ, были для него ужасны. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ, что эскадронъ не устоитъ, Андрониковъ одинъ помчался впередъ; но эскадронъ уже оправился, а между тѣмъ, самъ Андрониковъ былъ окруженъ турками и едва не попался въ плѣнъ. Прискакавъ назадъ, онъ подхватилъ 1-й эскадронъ поручика Левковича съ двумя орудіями—и понесся на выручку (3). Съ его появленіемъ картина боя мгновенно перемѣнилась. Едва донскія пушки въ упоръ ударили картечью, какъ освобожденный отъ натиска 2-й эскадронъ вскочилъ на коней и, вмѣстѣ съ первымъ, ударилъ на турокъ. Не дологъ, но упоренъ былъ этотъ горячій кавалерійскій бой. Все перемѣшалось въ одну общую кучу. Не было счета геройскимъ подвигамъ одиночныхъ драгунъ, съ рѣдкимъ самоотверженіемъ выручавшихъ другъ друга. Прапорщикъ Пушкинъ (Левъ), посланный княземъ Адрониковымъ съ приказаніемъ къ Казасси, былъ окруженъ на пути цѣлою толпою турокъ, но прорубился и выполнилъ приказаніе. Поручикъ князь Язонъ Чавчавадзе и прапорщикъ Петренко, вмѣстѣ со штандартнымъ унтеръ-офицеромъ, пробились почти до самыхъ турецкихъ знаменъ. Лошадь подъ Чавчавадзе была изранена, но перемѣнить ее было некогда,—и онъ рубился на ослабѣвшемъ, покрытомъ кровью, конѣ, рискуя ежеминутно, что не выдержитъ добрый карабагскій конь и рухнетъ вмѣстѣ съ нимъ на земь подъ конскія копыта... Подъ княземъ Шаликовымъ одна за другою убиты двѣ лошади; юнкеръ князь Аваловъ также очутился пѣшкомъ. Вотъ толпа конныхъ турокъ навалилась на прапорщика Буткевича, и издали видно только, какъ, сверкая на солнцѣ, поднимаются и опускаются надъ нимъ вражескія сабли; рядовой Макаровъ (изъ разжалованныхъ) бросился къ нему на помощь, но не могъ спасти офицера, и вынесъ только его изрубленное тѣло. Въ другомъ мѣстѣ какой-то отчаянный турокъ, врѣзавшись въ ряды эскадрона, крушитъ все, что попадаетъ подъ руку: онъ уже изрубилъ двухъ драгунъ и насѣлъ на третьяго, какъ прапорщикъ Папковъ ударомъ

сабли повергъ его на землю. Здѣсь какой-то драгунъ схватился одинъ съ цѣлымъ десяткомъ курдовъ; на помощь къ нему летитъ прапорщикъ князь Чавчавадзе (Спиридонъ): онъ разгоняетъ курдовъ и вырываетъ изъ ихъ рукъ драгуна, уже раненнаго тремя ударами пикъ. Подъ другимъ Чавчавадзе (Романомъ) убита лошадь, и онъ, пѣшій, надъ трупомъ ея отбивается одинъ отъ цѣлой кучи враговъ; его выручаетъ юнкеръ Родичъ. Тамъ офицеръ спасаетъ солдата, здѣсь солдатъ умираетъ за своего офицера (4).

Среди борцовъ, въ пылу рукопашной свалки, мелькаетъ и полувоенная форма полкового штабъ-лекаря Лещинскаго, безотлучно находившагося при эскадронахъ: лошадь подъ нимъ ранена, сюртукъ прострѣленъ пулею, но онъ не обращаетъ вниманія на личную опасность, и, сопровождаемый двумя своими фельдшерами, даетъ помощь, перевязываетъ раненыхъ и облегчаетъ страданія тутъ же, посреди общей сумятицы (5).

Не выдержали турки боя съ этими сказочными бойцами, и тысячи ихъ, объятыя страхомъ, бѣжали передъ двумя эскадронами. Въ рукахъ Нижегородцевъ остались два турецкія знамени (6).

Густыя сумерки уже спускались на землю, когда утомленные и разстроенные погоней эскадроны наши вдругъ атакованы были новыми, еще бо́льшими толпами турокъ. На этотъ разъ гибель ихъ казалась неизбѣжною. Но тутъ-то и проявилась вся мощь полкового духа. Увидѣвъ опасность, оба эскадрона быстро спѣшились, сбатовали коней, и окружили ихъ своими стрѣлками съ трехъ сторонъ, а четвертой, т. е. тыломъ, прислонились къ горѣ. Въ такомъ положеніи они выдержали цѣлый рядъ атакъ, длившихся безъ перерыва болѣе часа. Были случаи, что турецкіе наѣздники врывались въ ряды ихъ, но не было случая, чтобы кто-нибудь изъ этихъ наѣздниковъ возвращался назадъ—всѣ гибли подъ ударами драгунскихъ штыковъ или сабель. Все поле кругомъ, насколько могъ видѣть глазъ, было завалено трупами. Но вотъ на помощь къ драгунамъ бѣжитъ батальонъ Миклашевскаго. Турки поворачиваютъ назадъ, и драгуны опять преслѣдуютъ ихъ подъ самыя стѣны крѣпости (7).

Нижегородцы вернулись въ лагерь уже ночью на взмыленныхъ и измученныхъ коняхъ. Потери были большія. Въ офиціальной реляціи Паскевича значится, что нашъ уронъ «не превышалъ вообще 44 человѣкъ, выбывшихъ преимущественно изъ эскадрона Казасси». Но совсѣмъ

не то говоритъ въ своихъ запискахъ Андрониковъ: «Въ одномъ моемъ эскадронѣ—пишетъ онъ—убито 16 нижнихъ чиновъ и ранено 41; у Казасси же, кромѣ офицера, убито около 50 драгунъ, а перераненъ почти весь эскадронъ».

Здѣсь кстати сказать, что не только реляціи, но даже Исторія войны въ Азіатской Турціи, составленная Ушаковымъ, ничего не говорятъ о разныхъ перипетіяхъ этого горячаго кавалерійскаго боя, и мы заимствовали подробности его изъ наградныхъ списковъ, да изъ разсказовъ того же князя Андроникова, человѣка, извѣстнаго своею правдивостью. Въ началѣ своихъ записокъ онъ говоритъ: «я описываю подвиги просто и безъискусственно; они разнятся съ реляціями того времени, но взамѣнъ повѣствуютъ истину, ибо храбрость Нижегородцевъ и подвиги ихъ не требуютъ никакихъ украшеній».

Какъ бы въ подтвержденіе этого, и самъ Паскевичъ писалъ къ государю, что «кавалерійскій бой 5-го августа есть одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ въ военныхъ событіяхъ, которые обращаютъ на себя особое вниманіе и даютъ настоящую мѣру для опредѣленія превосходной храбрости полковъ Нижегородскаго и Своднаго уланскаго» ([8]).

Признавали это и сами турки. Когда, по окончаніи сраженія, главнокомандующій спросилъ одного изъ плѣнныхъ карапапахскихъ старшинъ: «какъ дѣйствовала сегодня русская конница?» тотъ отвѣчалъ: — Мы прежде рубили вашихъ казаковъ, какъ капусту, а сегодня, одѣтые въ какіе-то бѣлые балахоны—«ачъ-палтаръ»—они безъ страха лѣзли впередъ и противъ нихъ устоять было невозможно». Карапапахскій старшина простодушно полагалъ, что донскіе казаки, которыхъ онъ встрѣчалъ въ прежнія войны, были единственной русской конницей, и драгунъ, сражавшихся въ лѣтнихъ кителяхъ, онъ принималъ все за тѣхъ же донскихъ казаковъ ([9]).

Паскевичъ придавалъ такое значеніе этому кавалерійскому дѣлу, что ходатайствовалъ о награжденіи Раевскаго орденомъ св. Георгія 3-го класса, но государю угодно было замѣнить эту награду чиномъ генералъ-маіора ([10]). Георгіевскій крестъ 4-й степени получилъ маіоръ Казасси; Андрониковъ произведенъ въ полковники, а поручикъ Левковичъ награжденъ золотою саблей. Боевая служба Левковича, уже имѣвшаго георгіевскій крестъ за Джеванъ-Булахъ, тогда же обратила на себя вниманіе императора Николая Павловича, и онъ приказалъ перевесть его тѣмъ же чиномъ лейбъ-

гвардіи въ Драгунскій (теперь Конно-гренадерскій) полкъ, выдать двѣ тысячи рублей на обмундированіе, и, пока будетъ служить въ гвардіи, отпускать по 1500 руб. ежегодно изъ своего кабинета (11). Левковичъ оправдалъ милости государя. Онъ участвовалъ съ гвардейскими драгунами въ польской кампаніи, отличился въ знаменитой атакѣ полка подъ Варшавой, и получилъ за войну Анну на шею. Черезъ два года Левковичъ перешелъ обратно въ Нижегородскій полкъ подполковникомъ, и мы встрѣтимся съ нимъ при дальнѣйшихъ разсказахъ опять въ Карагачѣ (12).

Послѣ пораженія турецкой конницы положеніе русскаго корпуса подъ стѣнами Ахалцыха оставалось попрежнему и труднымъ, и ненадежнымъ. Восемь тысячъ русскихъ солдатъ имѣли передъ собой не только сильную крѣпость, но должны были считаться еще съ 30-тысячною турецкою арміей, которая готовилась перейти въ наступленіе. Паскевичъ рѣшился предупредить непріятеля, и въ ночь на 9-е августа восемь батальоновъ пѣхоты, кавалерійская бригада Раевскаго, шесть казачьихъ полковъ и 25 орудій тихо выступили изъ лагеря. Изъ показаній лазутчиковъ знали, что турецкая армія была расположена въ четырехъ лагеряхъ: одинъ изъ нихъ стоялъ на высотахъ противъ сѣвернаго фаса крѣпости, другой на западной сторонѣ ея, близъ башни Кая-Дагъ, а остальные два на Ардаганской дорогѣ—у Су-Килиссы и Ашага-Памачъ. Дорога къ этимъ двумъ послѣднимъ лагерямъ прикрывалась сильнымъ ретраншаментомъ, и дѣйствовать по этому пути, оставляя въ тылу Ахалцыхъ, Паскевичу было крайне рискованно. Атаку рѣшено было начать съ сѣвернаго лагеря, но и тамъ кратчайшій путь перегражданся люнетомъ. А пока его обходили, дѣлая значительный кругъ, времени прошло много, стало свѣтать, и турки съ своихъ высотъ, какъ на ладони, увидѣли малочисленный русскій отрядъ, шедшій на ихъ лагерь. Непріятель въ подавляющихъ силахъ тотчасъ же самъ перешелъ въ наступленіе.

Дологъ и кровопролитенъ былъ этотъ бой въ оврагахъ и на высотахъ противъ сѣвернаго фаса крѣпости, и вся тяжесть его лежала на одной пѣхотѣ. Кавалерійская бригада Раевскаго стояла въ резервѣ, не принимая участія въ дѣлѣ. Уже восемь часовъ къ ряду шла непрерывная битва; русскіе отразили всѣ нападенія, но сами не подвинулись впередъ ни шагу, а между тѣмъ изъ строя уже выбыло у насъ болѣе пятисотъ человѣкъ одними убитыми. Положеніе становилось серьезнымъ.

Тогда Паскевичъ, чтобы развлечь вниманіе и силы противника, приказалъ Раевскому произвесть демонстрацію къ сторонѣ деревни Су-Килиссы, гдѣ были собраны турецкіе обозы и подвижные магазины. Кавалерійская бригада съ четырьмя конными орудіями, татары и донской казачій Карпова полкъ быстро перенеслись на Ардаганскую дорогу, и своимъ появленіемъ, дѣйствительно, произвели такой переполохъ, что почти вся непріятельская конница стянулась къ угрожаемому пункту. У Су-Килиссы завязалась перестрѣлка. Донскіе казаки Карпова маневрировали, однако, такъ искусно, что втянули въ бой всю турецкую конницу, и когда непріятель насѣлъ на нихъ вплотную—они разсыпались и внезапно открыли стоявшую позади батарею. Картечный залпъ—и турки понеслись назадъ, преслѣдуемые справа Нижегородцами, а слѣва уланами.

Пораженіе конницы, устлавшей путь людскими и конскими трупами, заставило Кіосъ-Магометъ-пашу серьезнѣе взглянуть на опасность, которая грозила его магазинамъ,—и туда спѣшно двинулась значительная часть пѣхоты.

Турецкій фронтъ растянулся. Паскевичъ быстро воспользовался этой минутой и, бросившись на штурмъ, овладѣлъ люнетомъ. Съ паденіемъ его палъ и раскинутый на сѣверныхъ высотахъ турецкій лагерь. Самъ Кіосъ-паша, пытавшійся возстановить порядокъ, былъ раненъ и отвезенъ въ Ахалцыхъ, куда бѣжалъ за нимъ и весь пятитысячный отрядъ его пѣхоты. Паника овладѣла турками: лагерь у Кая-Дага былъ брошенъ, а тогда и демонстрація, начатая на ардаганской дорогѣ, превратилась въ дѣйствительную атаку. Нижегородскій полкъ, въ головѣ кавалерійской колонны, первый ворвался въ Су-Килисскій лагерь, и 2-й дивизіонъ захватилъ три орудія, стоявшія на околицѣ; передки ускакали, но были настигнуты и также взяты 1-мъ дивизіономъ ([13]).

Выбитые изъ Су-Килиссы, турки пытались держаться въ садахъ, чтобы дать время уйти своимъ обозамъ и паркамъ. Но деморализація была уже такъ велика, что едва Нижегородскій полкъ, спѣшившись, подошелъ къ садамъ, какъ передъ нимъ все обратилось въ бѣгство. Драгуны, уланы и казаки Карпова, преслѣдуя бѣгущихъ, мимоходомъ захватили и четвертый лагерь, гдѣ взяли еще два орудія, пять знаменъ и до 500 плѣнныхъ.

Въ то же самое время отдѣльныя кавалерійскія партіи, разсыпавшись по всей ардаганской дорогѣ, забирали обозы и парки. Такъ, взводъ

Нижегородскаго полка, съ прапорщикомъ Папковымъ, отбилъ огромный транспортъ съ провіантомъ, а поручикъ Акимовъ захватилъ цѣлый паркъ зарядныхъ ящиковъ съ артиллерійскими снарядами (14).

Паскевичъ самъ остановилъ преслѣдованіе кавалеріи, желая сберечь ее отъ лишнихъ потерь. Но потери собственно были не велики: по крайней мѣрѣ въ Нижегородскомъ полку одинъ былъ убитъ, одному ядромъ оторвало обѣ ноги, 5 человѣкъ ранены, да подъ офицерами Папковымъ и Арсеньевымъ убиты лошади (15).

Разбитый турецкій корпусъ бѣжалъ отъ стѣнъ, которыя пришелъ защищать, оставивъ въ нашихъ рукахъ свою артиллерію, знамена, лагеря, имущество, обозы, подвижные магазины, парки и транспорты. Теперь Ахалцыхъ стоялъ передъ нами одинъ, безпомощный, но грозный твердою рѣшимостью отстоять свою вѣковую независимость. «Прежде надо снять мѣсяцъ съ неба, а потомъ уже луну съ ахалцыхской мечети», отвѣчалъ комендантъ на предложеніе Паскевича сдать крѣпость (16). Русскимъ войскамъ предстояло показать, что можно снять луну съ ахалцыхской мечети, не помышляя о мѣсяцѣ въ небѣ—и крѣпость была взята штурмомъ 15-го августа, въ самый день Успенія Божьей Матери.

Штурмъ начался въ четыре часа пополудни, въ день полкового праздника Ширванскаго полка. Подъ градомъ пуль и картечей два батальона его, предводимые полковникомъ Бородинымъ, съ распущенными знаменами и музыкою, двинулись на непріятельскую крѣпость. «Пѣсенники впередъ!» скомандовалъ Бородинъ,—и, подъ веселый мотивъ русской пѣсни: «Не будите меня, молоду, ранымъ-рано по утру», — Ширванцы устремились на приступъ... Страшенъ былъ этотъ бой за обладаніе городомъ. Перескочивъ палисады, Ширванцы очутились на тѣсной площадкѣ, среди которой гордо высилось старинное зданіе католической церкви, закрывавшее собою входъ въ центральную часть города, гдѣ собраны были главныя силы турокъ. Здѣсь, у стѣнъ этой церкви, окруженной христіанскимъ кладбищемъ, Ширванцы и положили большую часть своихъ батальоновъ. Здѣсь былъ убитъ храбрый Бородинъ; здѣсь выбыло изъ строя большинство офицеровъ, и люди завалили своими тѣлами старое кладбище, усѣянное густо крестами и надгробными памятниками. То непріятель отступалъ, опрокидываемый штыками Ширванцевъ, то подавались назадъ Ширванцы, и, снова нападая, опять отбрасывали турокъ. Наконецъ, въ городъ успѣли втащить два наши орудія, и прибѣжали саперы, быстро

успѣвшіе возвести ложементы, которые хоть нѣсколько укрыли Ширванцевъ отъ губительнаго перекрестнаго огня. Теперь дѣла пошли иначе. Ширванцы, поддерживаемые огнемъ своихъ орудій, твердою ногою стали на кладбищѣ и удержали его за собой, пока не подошли подкрѣпленія. Тогда костелъ взятъ былъ штурмомъ. Войска проникли въ городъ, и, очутившись въ лабиринтѣ азіятскихъ построекъ, скученныхъ безъ площадей и улицъ, пошли штурмовать каждый домъ и каждую саклю...

Непосредственнаго участія въ этой кровавой драмѣ Нижегородцы не принимали, и только одинъ изъ нихъ, поручикъ Дороховъ, неизмѣнный спутникъ всѣхъ штурмовыхъ колоннъ, и здѣсь вошелъ въ Ахалцыхъ изъ первыхъ вмѣстѣ съ Ширванцами. Но онъ не ограничился на этотъ разъ ролью простого храбраго солдата, а оказалъ огромную услугу, взявъ на себя достроить ложементы, послѣ того какъ перебиты были почти всѣ саперные офицеры. Этимъ-то ложементамъ, какъ мы видѣли, Ширванцы и были обязаны тѣмъ, что удержались въ занятомъ ими кварталѣ около костела ([17]).

Много помогли штурмующимъ и два казачьи орудія, которыя успѣли втащить въ городъ черезъ проломы стѣны,—и тоже не безъ участія Нижегородцевъ. Передъ самымъ почти палисадомъ былъ такой крутой, каменистый пригорокъ, что лошади никакъ не могли втащить на него орудій, а по близости не было никого, кто бы помогъ артиллеристамъ. Случайнымъ свидѣтелемъ этой сцены былъ драгунскій разъѣздъ, высланный изъ колонны полковника Раевскаго. Прапорщикъ князь Чавчавадзе (Спиридонъ), настоящій богатырь по росту и силѣ, тотчасъ соскочилъ съ коня, и не только вкатилъ орудія на горку, но перетащилъ ихъ черезъ палисадъ и помогъ установить на позиціи подъ градомъ пуль и картечи ([18]). Грянулъ въ городѣ нашъ первый пушечный выстрѣлъ и, гулко раскатившись вдоль тѣсныхъ ахалцыхскихъ улицъ, оживилъ утомленныхъ русскихъ бойцовъ.

Было семь часовъ вечера, сгущались сумерки, а бой былъ въ полномъ разгарѣ, и величественно-грозной картинѣ его недоставало только освѣщенія. Вдругъ граната зажгла какое-то строеніе на костельной площади, и пожаръ пошелъ по направленію къ крѣпости. Мысль воспользоваться имъ, чтобы вытѣснить непріятеля изъ города, не ускользнула отъ Паскевича, и съ сѣверныхъ высотъ поскакали ординарцы съ приказаніемъ зажигать дома и поддерживать пожаръ всѣми возможными сред-

ствами. Но дома, толсто обмазанные глиной, упорно противостояли усиліямъ огня, такъ что приходилось бросать ручныя гранаты въ окна и трубы, а это каждый разъ стоило намъ или убитаго или раненаго. Тогда ввели въ городъ дивизіонъ Нижегородскаго полка съ огромными вязанками сѣна—и дѣло пошло успѣшнѣй. Пожаръ, поддерживаемый массою горючихъ веществъ, охватилъ огромное пространство. При свѣтѣ пламени, среди удушающаго смрада и дыма, драгуны съ факелами въ рукахъ мелькали, какъ привидѣнія, перебѣгая отъ одного дома къ другому. Рѣдкія изъ жилищъ находили они порожними; въ большинствѣ въ нихъ укрывались семьи, и маіору Казасси, командовавшему Нижегородскимъ дивизіономъ, приходилось иные дома брать штурмомъ. Въ одномъ изъ нихъ турки защищались съ особеннымъ упорствомъ, и когда онъ былъ взятъ,—драгуны нашли въ немъ два, принадлежавшія лазамъ, знамени ([19]).

Ночная битва 15-го августа была однимъ изъ тѣхъ потрясающихъ зрѣлищъ, которыя надолго остаются въ памяти самыхъ закаленныхъ воиновъ. Только къ свѣту удалось окончательно вытѣснить непріятеля изъ города, и турецкія войска заперлись въ цитадели. Но средствъ къ дальнѣйшей оборонѣ не было, и 16-го августа утромъ гарнизонъ положилъ оружіе.

Нижегородскій дивизіонъ потерялъ въ эту ночь одного убитымъ и семь ранеными; въ числѣ послѣднихъ былъ и унтеръ-офицеръ (изъ разжалованныхъ) Довгеръ ([20]).

Кампанія 1828 года доставила Нижегородскому полку много случаевъ къ отличіямъ, и эти отличія не прошли не замѣченными. Вотъ списокъ офицеровъ, получившихъ награды за Карсъ, Ахалкалаки, Хертвисъ и за дѣла 5, 9 и 15-го августа подъ Ахалцыхомъ ([21]).

Раевскій—алмазные знаки ордена св. Анны 2 ст., Владиміра 3 ст. и чинъ генералъ-маіора. Князь *Андроникова*—чинъ полковника и орденъ св. Анны 2 ст., украшенный алмазами. Маіоръ *Цынамзгварова*, находившійся при главной квартирѣ—чинъ подполковника и Владиміра 4 ст. *Казасси*—орденъ св. Георгія 4 ст., золотую саблю и св. Анны 3 ст. Капитанъ *Семичевъ*—чинъ маіора и орденъ св. Анны 3 ст. Штабсъ-капитанъ баронъ *Остенъ-Сакенъ*—Владиміра 4 ст. Поручики: Александръ *Левковичъ*:—Монаршее благоволеніе, золотую саблю и переводъ въ гвардію тѣмъ же чиномъ; *Казначеевъ*—Монаршее благоволеніе, чинъ штабсъ-капитана и Владиміра 4 ст.; князь *Вахваховъ*—чинъ штабсъ-капитана, зо-

лотую саблю и Владиміра 4 ст.; *Коцебу*—орденъ св. Анны 4-й и 3-й ст. *Павленко*—Монаршее благоволеніе и орденъ св. Анны 3 ст.; *Акимовъ*—орденъ св. Анны 3 ст. Прапорщики: *Пушкинъ* (Левъ)—чинъ поручика, Анну 4 ст. и Владиміра 4 ст.; *Дороховъ* — чинъ поручика, Анну 4 ст. и золотую саблю; князь Язонъ *Чавчавадзе* — чинъ поручика и орденъ св. Владиміра 4 ст.; Романъ *Чавчавадзе*—чинъ поручика, Монаршее благоволеніе и Анну 3 ст.; Спиридонъ *Чавчавадзе* — чинъ поручика, Монаршее благоволеніе и Анну 4 и 3 ст.; князь *Шаликовъ*—чинъ поручика, Монаршее благоволеніе и орденъ св. Владиміра 4 ст.; *Петренко* — чинъ поручика и Владиміра 4 ст.; *Шимковскій*—чинъ поручика и Анну 4 и 3 ст.; *Арсеньевъ* — чинъ поручика, Монаршее благоволеніе и орденъ св. Анны 3 ст. *Папковъ*—чинъ поручика, Монаршее благоволеніе и Анну 3 ст. Штабъ-лекарю *Лещинскому* пожалованъ орденъ св. Владиміра 4 ст. ([21]).

Нижнимъ чинамъ за дѣла подъ Ахалцыхомъ Паскевичъ назначилъ 40 знаковъ отличія Военнаго ордена ([22]).

Пять юнкеровъ: князь Григорій Чавчавадзе, князь Аваловъ, Цынамзгваровъ, Родичъ и Боколянинъ, и унтеръ-офицеръ Давыдовъ произведены въ прапорщики; рядовой Макаровъ (изъ разжалованныхъ) въ унтеръ-офицеры ([23]).

Были въ полку и еще двое рядовыхъ, Яневичъ и Барковскій, о которыхъ Раевскій входилъ съ особымъ ходатайствомъ; но ходатайство его на этотъ разъ не было уважено.

Надо сказать, что передъ самымъ началомъ турецкой войны въ Нижегородскій полкъ присланы были рядовыми нѣсколько молодыхъ людей, замѣшанныхъ большею частію въ принадлежности къ различнымъ политическимъ обществамъ или къ тайнымъ кружкамъ. Трое изъ этихъ молодыхъ людей: Захъ, Тржаковскій и Лисовскій, были студенты Виленскаго университета и скоро оставили полкъ; но двое другихъ, Яневичъ и Барковскій, связали свою судьбу съ судьбами Нижегородскаго полка, въ которомъ нашли для себя вторую родину. Оба они были литвины, принадлежали къ хорошимъ фамиліямъ, и оба учились въ Бѣлостокской гимназіи. Тамъ, увлекаясь общимъ настроеніемъ тогдашняго времени, они составили среди учениковъ тайныя общества «Зырянъ» и «Согласныхъ братьевъ». Общества эти были открыты, и членовъ ихъ судили, какъ государственныхъ преступниковъ. Дѣло тянулось два года; они переходили изъ

каземата въ казематъ, и послѣдніе четыре мѣсяца провели въ Бобруйской крѣпости, гдѣ и послѣдовало наконецъ рѣшеніе ихъ участи. По конфирмаціи они были лишены дворянскаго достоинства и сосланы рядовыми въ отдѣльный Кавказскій корпусъ. Суровость тогдашнихъ нравовъ была такъ велика, что ихъ вели въ кандалахъ, которые сняли только въ Тифлисѣ ([24]). На вопросъ начальника корпуснаго штаба барона Остенъ-Сакена «гдѣ желаютъ служить?» Барковскій и Яневичъ отвѣчали: «Въ Нижегородскомъ полку»,—и ихъ тотчасъ же отправили въ Царскіе Колодцы ([25]). Съ этихъ поръ оба они не покидали полка въ теченіе 35 лѣтъ, считались впослѣдствіи его патріархами и пользовались общимъ уваженіемъ. Барковскій носилъ офицерскій георгіевскій крестъ за Башъ-Кадыкъ-Ларъ и дослужился до генеральскаго чина; Яневичъ вышелъ въ отставку полковникомъ. Послѣдній изъ нихъ оставилъ интересныя записки, въ которыхъ разсказываетъ, какъ оба они, постигнутые несчастіемъ, нашли въ полку братскую поддержку, только и давшую имъ возможность загладить проступки своей юности. «Въ насъ», говоритъ онъ, «приняли живое участіе, особенно поручикъ Коцебу и прапорщикъ Шимковскій, у которыхъ мы находили постоянно ласковый и дружескій пріемъ. Обоимъ этимъ благороднымъ людямъ мы были обязаны тѣмъ, что въ полку всѣ стали относиться къ намъ съ любовью и истиннымъ расположеніемъ». Съ своей стороны и молодые люди оказались достойными этого участія. «При осадѣ Ахалцыха», писалъ о нихъ Раевскій въ своемъ представленіи, «оба они находились въ мѣстахъ самыхъ опасныхъ, и поведеніемъ своимъ доказали, что готовы искупить свою вину даже пожертвованіемъ жизни. 5-го августа они участвовали въ жаркомъ кавалерійскомъ бою съ эскадрономъ Казасси. 9-го первыми ворвались въ турецкій лагерь, и были впереди во время боя въ Су-Килисскихъ садахъ, и 15-го при зажиганіи Ахалцыха» ([26]). Паскевичъ не нашелъ, однако, возможнымъ дать этому представленію ходъ, и отложилъ награды ихъ до слѣдующей кампаніи.

Прошло много лѣтъ со дня кровавыхъ битвъ подъ Ахалцыхомъ, но память о нихъ не умираетъ въ потомствѣ. Любопытный путешественникъ невольно остановитъ свое вниманіе на скромномъ обелискѣ, стоящемъ на дорогѣ, почти передъ самымъ въѣздомъ въ городъ. Это—слѣдъ пребыванія на Кавказѣ покойнаго императора Николая Павловича. Про-

ѣзжая Ахалцыхъ въ 1837 году, государь посѣтилъ могилу, гдѣ были зарыты павшіе воины, и повелѣлъ тогда же на мѣстѣ ея воздвигнуть памятникъ. На обелискѣ начертанъ годъ покоренія крѣпости и имена офицеровъ, павшихъ подъ ея стѣнами. Тамъ Нижегородцы прочтутъ и имя прапорщика Буткевича. Не пышенъ этотъ памятникъ, но много говоритъ онъ тому, кто знаетъ сколько невѣроятныхъ подвиговъ и жертвъ стоила побѣда надъ упорнымъ и сильнымъ Ахалцыхомъ.

Эпизодъ изъ штурма Ахалцыха.

Освященіе георгіевскихъ штандартовъ.

VII.

Отъ побѣды до побѣды.

(1828—1829 г.).

Стоянка полка въ Ардаганѣ.—Возвращеніе изъ похода.—Торжество освященія георгіевскихъ штандартовъ въ Тифлисѣ.—Караагачъ.—Потери полка въ минувшей кампаніи, и проектъ о приведеніи его въ 10-ти эскадронный составъ.—Вопросъ о назначеніи Раевскаго.—Резолюція императора.—Мѣры, принятыя Паскевичемъ къ укомплектованію полка.—Прибытіе рекрутъ и молодыхъ ремонтовъ.—Занятія въ полку строевыя и хозяйственныя.—Спокойное состояніе края.—Внезапная перемѣна въ настроеніи джарцевъ. — Хищничество лезгинъ и распоряженія Раевскаго. — Вызовъ полка въ дѣйствующій корпусъ.—Опять въ Ардаганѣ.—Общій обзоръ военныхъ дѣйствій въ началѣ 1829 года. — Нижегородцы сопровождаютъ Паскевича въ Карсъ. — Первыя побѣдныя вѣсти.—Парадъ 5-го іюня. — Прискорбное событіе въ Нижегородскомъ полку.—Открытіе новой кампаніи.

За трудными днями осады и взятія Ахалцыха наступила пора сравнительнаго спокойствія и почти безкровнаго завоеванія обширныхъ турецкихъ областей. Первымъ палъ Ардаганъ, и Паскевичъ 25-го августа

перенесъ туда свою главную квартиру изъ Ахалцыха. Вмѣстѣ съ нею туда же перешли гренадерскіе полки Муравьева и кавалерійская бригада Раевскаго. Такимъ образомъ составился передовой ардаганскій отрядъ, имѣвшій цѣлью наблюдать арзерумскую дорогу, и въ то же время охранять Карскую область, если бы турки перешли Саганлугъ. Въ войскахъ упорно держался слухъ, что имъ предстоятъ еще новыя обширныя предпріятія, и что кампанія этого года далеко не окончена.

Такъ въ дѣйствительности и было по предположеніямъ Паскевича; но рано наступившая осень, а съ нею непролазная грязь измѣнили планы главнокомандующаго и выдвинули впередъ вопросы чисто административнаго и хозяйственнаго свойства. Войска были утомлены и нуждались въ отдыхѣ; покоренный край требовалъ умиротворенія и устройства; необходимо было сохранить провіантъ, расходуемый на войска, для обезпеченія имъ крѣпостныхъ гарнизоновъ на зиму, и еще собрать болѣе или менѣе значительный запасъ его для весенней кампаніи. Въ этихъ видахъ Паскевичъ рѣшилъ оставить для охраны своихъ завоеваній лишь самыя необходимыя войска, а остальныя отпустить на зимовыя квартиры (1).

Къ возвращенію въ русскія границы назначена была и бригада Раевскаго. 27-го сентября она выступила изъ Ардагана, и Нижегородскій полкъ, вмѣстѣ съ уланами и ротой кавказской гренадерской артиллерійской бригады, пошелъ черезъ Цалку и Башкечетъ къ Тифлису (2). На пути присоединилась къ нимъ еще рота Эриванцевъ, шедшая изъ зачумленной мѣстности (3), и это обстоятельство значительно затормазило походъ; весь отрядъ задержанъ былъ въ Цалкѣ, и только выдержавъ скучный 14-ти дневный карантинъ, въ половинѣ октября достигъ, наконецъ, Тифлиса (4).

А въ Тифлисѣ Нижегородскій полкъ ожидали уже георгіевскіе штандарты, присланные ему за персидскую войну (5). И теперь, послѣ только что оконченной новой, и еще болѣе тяжелой кампаніи, награда эта казалась вдвойнѣ заслуженною. Высочайшей грамоты, однакоже, получено не было. Ее выслали позже, когда полкъ находился уже въ турецкомъ походѣ. Но Паскевичъ рѣшилъ произвести освященіе штандартовъ тогда же, пользуясь пребываніемъ полка въ Тифлисѣ. Походные дивизіоны выстроены были въ конномъ строю передъ дворцомъ главнокомандующаго на площади, которая нынѣ носитъ названіе Гунибской. Они были одѣты въ парадную форму, и только бѣлыя шапки, замѣнявшія кивера, однѣ напоминали о походномъ времени. Осеннее, но все еще жгучее солнце

заливало яркими лучами и строй Нижегородцевъ, и густыя массы народа, собравшагося посмотрѣть на церемонію, и широкую площадь, надъ которой темною громадой вставала святая гора Мтацминде, и бѣлѣлъ монастырь святаго Давида. Въ 10 часовъ утра Паскевичъ вышелъ изъ дворца пѣшкомъ, съ огромною свитой, а вслѣдъ за нимъ вынесены были и штандарты. Ихъ приняли офицеры полка и положили на аналой, вмѣстѣ съ крестомъ и евангеліемъ. Началось молебствіе. Торжественъ и великъ этотъ обрядъ освященія. Среди глубокой тишины, воцарившейся на площади, громко и отчетливо раздавалась только молитва священника. «Всесильный и Превѣчный Боже!—молилъ онъ, преклонивъ колѣна:—призри на молитву нашу и на сіи хоругви, юже на дѣло брани приготовленныя. Небеснымъ Твоимъ благословеніемъ осѣни, благослови и освяти ихъ. Да будутъ вѣрному твоему воинству на сопротивные языки—побѣда и одолѣніе, и да бѣгутъ передъ ними всѣхъ супостатовъ нашихъ полки»... Благоговѣйно склоняя головы, слушали всѣ эту молитву, и глубоко западало въ душу каждое слово священника. Но вотъ онъ окропилъ штандарты и, передавая ихъ со святаго аналоя въ руки колѣнопреклоненнымъ офицерамъ, произнесъ передъ каждымъ:

— Прими хиругвь сію небеснымъ благословеніемъ освященную. Буди же та врагамъ христіанскаго рода страшна и ужасна, и да дастъ ти Господь благодать, къ славѣ Пресвятаго имени Своего, да тою невредимъ и мужественъ пройдеши вражія ополченія.

«Вы же—обратился онъ къ строю Нижегородцевъ:—мужайтесь, и да крѣпится сердце ваше, и уповайте на Господа, яко той побѣдитъ враговъ вашихъ».

Торжественный гимнъ: «Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!» закончилъ молебствіе. Штандарты въ послѣдній разъ окроплены были святою водою,—и вмѣстѣ съ звуками трубъ, грянуло ура! далеко раскатившееся по улицамъ Тифлиса. Полкъ принялъ новые штандарты, а старые, подъ сѣнію которыхъ такъ много было пролито Нижегородской крови, отправилъ въ тифлисскій арсеналъ на храненіе. Въ этотъ день всѣ офицеры полка обѣдали у Паскевича, а нижнихъ чиновъ городъ угощалъ въ ихъ лагерѣ, раскинутомъ на самой окраинѣ, возлѣ старинной Дидубійской церкви (6).

Всю ночь пропировали драгуны, а на слѣдующее утро, провожаемые всѣмъ населеніемъ Тифлиса, выступили въ родную Кахетію. У всѣхъ на

устахъ были слова, повторенныя имъ наканунѣ Паскевичемъ: «Въ продолженіи двадцати-двухъ-лѣтней службы моей много видѣлъ я войскъ храбрыхъ, но болѣе мужественныхъ въ сраженіяхъ, болѣе постоянныхъ въ трудахъ—не знаю» (7).

И Паскевичъ справедливо гордился своими войсками. Въ трехъ-мѣсячную кампанію, въ общей сложности, они завладѣли тремя пашалыками, взяли девять крѣпостей и укрѣпленныхъ замковъ, 315 орудій, 195 знаменъ, 11 бунчуковъ, и болѣе восьми тысячъ плѣнныхъ съ нѣсколькими пашами. Этотъ походъ былъ еще блистательнѣе, чѣмъ предшествовавшій ему персидскій, потому что большинство первоклассныхъ крѣпостей взяты были штурмомъ. А каждый изъ этихъ штурмовъ по справедливости долженъ занять почетное мѣсто между славнѣйшими подвигами русскаго оружія. Никогда еще Азіятская Турція не терпѣла такого погрома, и имя Паскевича грозою пронеслось до самыхъ отдаленныхъ провинцій Оттоманской Порты. Въ тогдашнее время, говоритъ одинъ изъ современниковъ, донесенія Паскевича съ поля битвъ читались въ Россіи съ необыкновенною жадностью и общимъ восторгомъ. Приказы его по войскамъ переходили изъ рукъ въ руки, и народная гордость находила удовлетвореніе въ разсказахъ объ этихъ чудныхъ подвигахъ и битвахъ, воскресавшихъ въ памяти стариковъ былыя времена Суворова (8). И Нижегородцы возвращались домой съ глубокимъ сознаніемъ свято исполненнаго долга.

Но вотъ и Караагачъ. Подходя къ нему, драгуны съ удивленіемъ увидѣли громадные стога накошеннаго сѣна, которые, какъ непріятельскія войска, тѣсными колоннами обступили его со всѣхъ сторонъ. Это была работа 3-го дивизіона, успѣвшаго за лѣтніе мѣсяцы заготовить для полка обильные запасы прекраснаго алазанскаго сѣна на цѣлую зиму. Самый Караагачъ былъ неузнаваемъ, до того перемѣнился онъ за это короткое время. Походные дивизіоны оставили его въ развалинахъ, и нашли возникшимъ, какъ фениксъ, изъ пепла. Подъ заботливою рукою маіора Чеботкевича, казармы были отстроены, конюшни исправлены, а на площади появился для полкового командира домикъ; правда, домикъ этотъ былъ небольшой, всего о трехъ комнаткахъ, но каменный, и даже съ хорошенькимъ садомъ. Дивизіонные и эскадронные командиры также нашли для себя готовыя помѣщенія, и только одни субалтернъ-офицеры размѣстились пока въ землянкахъ. Но и эти послѣднія были для нихъ роскошью сравни-

тельно съ палатками, въ которыхъ довелось имъ провести прошлогоднюю зиму (9). Къ сожалѣнію, почти половина вновь отстроенныхъ солдатскихъ казармъ стояла пустою, такъ какъ изъ четырехъ-эскадроннаго полка, выступившаго въ походъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ, въ числѣ 460 всадниковъ, теперь возвратилось въ Караагачъ только 14 офицеровъ и 270 нижнихъ чиновъ (10).

Большія потери, понесенныя полкомъ, не могли не озабочивать кавказское начальство, тѣмъ болѣе, что запасный эскадронъ не въ состояніи былъ пополнить такой значительной убыли. Къ этому-то времени относится письмо Паскевича къ начальнику главнаго штаба о необходимости вообще увеличить на Кавказѣ число регулярной кавалеріи. Онъ ссылался на опытъ послѣднихъ войнъ, въ которыхъ она оказала такъ много значительныхъ услугъ, но полагалъ, что, въ видахъ экономіи, будетъ болѣе удобнымъ не формировать цѣлаго кавалерійскаго полка, а только усилить Нижегородскій до десяти эскадроновъ, съ тѣмъ, чтобы четыре эскадрона его были драгунскіе, четыре уланскіе, и два запасные (11). Послѣдніе особенно занимали Паскевича. Онъ даже просилъ разрѣшенія сформировать другой эскадронъ немедленно, такъ какъ для полка, находящагося въ безпрерывныхъ походахъ уже четвертый годъ, необходимъ былъ сильный резервъ, а съ другой стороны—этотъ запасный дивизіонъ могъ бы послужить въ будущемъ прекраснымъ кадромъ для четырехъ новыхъ уланскихъ эскадроновъ (12).

Въ то же время, желая удержать на Кавказѣ Раевскаго, какъ человѣка полезнаго по своимъ выдающимся достоинствамъ, Паскевичъ ходатайствовалъ о назначеніи его, несмотря на генеральскій чинъ, командиромъ новаго десяти-эскадроннаго полка, такъ какъ полкъ этотъ по своему составу будетъ соотвѣтствовать уже кавалерійской бригадѣ (13). Императоръ Николай Павловичъ одобрилъ самый проектъ преобразованія, но приказалъ, однако, привести его въ исполненіе только по окончаніи войны и путемъ присоединенія къ Нижегородскому полку тѣхъ четырехъ уланскихъ эскадроновъ, которые находились уже на Кавказѣ (14). Что же касается Раевскаго, то начальникъ главнаго штаба увѣдомилъ, что государь приказалъ оставить его командиромъ полка, но съ тѣмъ, чтобы во время военныхъ дѣйствій онъ же командовалъ бы и сводною кавалерійскою бригадою (15). Вмѣстѣ съ этимъ, по волѣ государя, Паскевичу былъ сдѣланъ запросъ: какія мѣры приняты имъ для приведенія Нижегород-

скаго полка до полнаго боевого состава ([16]). Паскевичъ отвѣчалъ, что недостающее число людей пополнится рекрутами, которыхъ ожидаютъ въ Грузію, а лошади, по его распоряженію, будутъ куплены въ ближайшихъ мѣстахъ на Кавказской линіи. «Все это приводится уже въ исполненіе», писалъ онъ начальнику главнаго штаба, «и весною всѣ шесть эскадроновъ полка выступятъ въ военный походъ, въ полномъ 15-ти рядномъ составѣ» ([17]).

Укомплектованіемъ Нижегородскаго полка очень торопились. Рекрута прибыли, дѣйствительно, скоро; но лошадей достать было негдѣ. Посланный за ними маіоръ князь Баратовъ доносилъ, что на Кавказской линіи вовсе нѣтъ лошадей, соотвѣтствующихъ условіямъ кавалерійскаго ремонта, а если ѣхать дальше, то къ 15-му марта доставить ихъ въ Караагачъ будетъ невозможно. Тогда Паскевичъ разрѣшилъ ему покупать лошадей, гдѣ только представится возможность, несмотря на лѣта, статьи, ростъ и масть, лишь бы онѣ были годны къ походу ([18]). Это была мѣра крайняя, спѣшная,—и Раевскому заблаговременно предоставлено было право выбраковать весь этотъ ремонтъ изъ полка какъ только окончатся военныя дѣйствія ([19]). Но даже при такихъ условіяхъ удалось собрать всего 215 лошадей, да и тѣ пришли чуть-чуть не наканунѣ похода ([20]).

Весь этотъ молодой конскій составъ нужно было поставить во фронтъ въ теченіе двухъ-трехъ недѣль, а потому требовали только, чтобы лошадь терпѣла сѣдока, да слушалась повода, а всѣ манежныя тонкости, и даже галопъ, совсѣмъ исключили изъ программы обученія. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ молодыя лошади ходили уже шагомъ и рысью, скакали, спокойно отдѣлялись отъ фронта и не разбивали рядовъ; рекрута сидѣли крѣпко, рубили сильно,—а больше отъ нихъ ничего и не требовалось ([21]). Къ началу похода полкъ приведенъ былъ въ должный порядокъ, и только одно обмундированіе заставляло желать еще многаго.

Надо сказать, что при началѣ царствованія императора Николая Павловича въ формѣ драгунскихъ полковъ слѣдовали довольно частыя, хотя и незначительныя измѣненія. Такъ, кожаные кивера замѣнены были суконными; вмѣсто чакчиръ съ широкими лампасами введены были рейтузы съ одной только выпушкою; серебряный приборъ во всѣхъ драгунскихъ полкахъ перемѣненъ на золотой; эполеты нижнимъ чинамъ присвоены металлическіе, чешуйчатые, а офицерамъ кованные, съ вызолоченнымъ полемъ, на которомъ для обозначенія чиновъ въ первый разъ

появились тогда серебряныя звѣздочки; на офицерскихъ сюртукахъ отмѣнены цвѣтные обшлага, а вмѣсто бѣлой подкладки повелѣно имѣть темнозеленую. Наконецъ, въ общемъ ряду драгунскихъ полковъ, Нижегородскому присвоенъ 9-й номеръ, который приказано выбивать на пуговицахъ и на гербахъ киверовъ (22).

Занятый безпрерывными походами и боевою службою, Нижегородскій полкъ не только не имѣлъ возможности слѣдить за всѣми перемѣнами и заводить что-либо новое, но съ трудомъ поддерживалъ и старое. Свободныхъ рукъ у него не было даже на постоянныхъ квартирахъ. Лѣтомъ солдаты, оставшіеся отъ похода, были заняты усиленнымъ кошеніемъ сѣна и постройкой Караагача; зимой на старыхъ солдатахъ лежало спѣшное обученіе молодыхъ, а молодыхъ нечего было и думать отрывать изъ эскадроновъ для мастерскихъ и шваленъ. Къ этому надо прибавить, что всѣ комиссаріатскіе отпуски, предназначаемые на Кавказъ, шли медленно, получались неаккуратно, и Нижегородскій полкъ носилъ свою старую форму почти до самаго 1834 года, когда послѣдовала уже радикальная перемѣна въ основныхъ чертахъ его обмундированія (23).

Много было заботъ Раевскому въ эту зиму и помимо полка, такъ какъ его же управленію временно подчинена была вся Джаро-Бѣлоканская область. Онъ нашелъ ее спокойною, какъ никогда. Приглушенные громомъ русскихъ побѣдъ, Джарцы не смѣли, что называется, пошевелиться, и мѣстная хроника цѣлый мѣсяцъ не могла занести на свои страницы ни одного не только кроваваго, но сколько-нибудь замѣчательнаго случая. Дороги были настолько безопасны, что Раевскій ѣздилъ въ Закаталы и даже въ самые Джары безъ конвоя, съ однимъ вѣстовымъ на козлахъ. Мало того, при одномъ намекѣ его, джарцы изъявили полную готовность покончить всѣ старые счеты съ грузинами, и удовлетворить претензіи, накопившіяся на нихъ годами. Даже небольшое Бѣлоканское общество, едва имѣвшее шестьсотъ дворовъ, безотговорочно уплатило огромную сумму въ 20 тысячъ рублей. Потребовался хлѣбъ,—и джарцы, всегда уклонявшіеся отъ уплаты податей именно хлѣбомъ, который они за двойную и тройную цѣну сбывали непокорнымъ лезгинамъ, сами доставили его въ Царскіе Колодцы, и притомъ гораздо дешевле цѣнъ, существовавшихъ въ Сигнахскомъ уѣздѣ. Джарская молодежь просила у Раевскаго позволенія стать въ ряды нашихъ конныхъ мусульманскихъ

полковъ. Словомъ, создавались такія отношенія, лучше которыхъ желать было нечего. И вдругъ все это рушилось разомъ (24).

Въ февралѣ 1829 года въ горахъ вдругъ пронеслась вѣсть о гибели русскаго посольства въ Тегеранѣ,—и перемѣнчивые кавказскіе народы дрогнули подъ напливомъ новыхъ надеждъ, разгоравшихся въ нихъ тѣмъ съ большею силой, чѣмъ труднѣе и безнадежнѣй казалось имъ положеніе Россіи. Дѣйствительно, вѣсти приходили одна грознѣе другой. Турки среди зимы осадили Ахалцыхъ; персіяне двигались къ нашимъ предѣламъ; Грузію объяла смута, вызванная сборомъ милиціи,— и Нижегородцы, охваченные врагами со всѣхъ сторонъ, сами не знали теперь, гдѣ имъ придется дѣйствовать: событія, развивавшіяся съ поразительною быстротою, могли увлечь ихъ и на персидскую территорію, и въ Турцію, даже за Алазань, гдѣ мятежъ разгорался зловѣщимъ пламенемъ (25).

Враждебное настроеніе лезгинъ не миновало, конечно, и нашъ Нижегородскій полкъ въ его пограничной стоянкѣ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ джарцы захватили четырехъ драгунъ, отлучившихся на рыбную ловлю, и увезли ихъ въ горы. Раевскій послалъ въ погоню дежурный эскадронъ, который, разумѣется, ихъ не догналъ, но захватилъ одиннадцать человѣкъ встрѣчныхъ лезгинъ. Раевскій послалъ сказать, что будетъ держать ихъ въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока джарцы не выкупятъ плѣнныхъ и не уплатятъ 500 р. пени (26).

Настаивать на возвращеніи плѣнныхъ Раевскому, однако, не пришлось, такъ какъ черезъ нѣсколько дней прискакалъ курьеръ съ приказаніемъ—Нижегородскому полку выступать въ Ахалкалаки. И передъ крупнымъ фактомъ возобновлявшейся борьбы съ Турціей поблѣднѣли всѣ подобныя мелкія событія и цѣли.

Въ половинѣ апрѣля Нижегородскій полкъ, въ полномъ шести-эскадронномъ составѣ, выступилъ въ походъ, подъ начальствомъ полковника князя Андроникова. На пути полкъ соединился со своднымъ уланскимъ полкомъ, шедшимъ изъ Ширванской провинціи, и цѣлою бригадой, подъ командой генерала Раевскаго, вступилъ въ Калагиры,—небольшую деревушку, лежавшую верстахъ въ сорока за Тифлисомъ (27). Здѣсь собирался дѣйствующій корпусъ. Весна въ этомъ году наступила поздняя, и драгуны встрѣчали еще снѣга, покрывавшіе горы и ущелья, по которымъ пролегали дороги; въ долинахъ шли постоянные дожди съ градомъ, и

дулъ холодный вѣтеръ. Только кое-гдѣ показывалась молодая травка, не дававшая еще подножнаго корма,—и войска стягивались медленно.

Турки, между тѣмъ, уже переходили въ наступленіе и противъ Карса, и противъ Ахалцыха. Вся стратегическая обстановка указывала Паскевичу на необходимость обезпечить оба названные пункта, и сверхъ того, имѣть еще сильный резервъ, который въ случаѣ надобности могъ бы дать помощь той или другой крѣпости. Съ этою цѣлью Бурцевъ съ Херсонскимъ полкомъ былъ посланъ въ Ахалцыхъ; часть дѣйствующаго корпуса, подъ начальствомъ генерала Панкратьева,—8 батальоновъ пѣхоты, сводный уланскій полкъ, большая часть иррегулярной конницы и 20 орудій, — расположились подъ Карсомъ; Муравьевъ съ гренадерской бригадой и Нижегородскимъ драгунскимъ полкомъ составилъ резервъ и сталъ въ Ардаганѣ ([28]), куда 19-го мая прибылъ и Паскевичъ съ главною квартирой. Непріятельскія войска, уже подходившія къ этой крѣпости, тотчасъ отступили въ Аджарскія горы, заставляя думать, что главный ударъ турокъ направленъ будетъ на Ахалцыхъ. Такъ предполагалъ сначала и Паскевичъ. Но скоро намѣренія непріятеля выяснились болѣе обстоятельно: главныя силы его стояли еще въ Саганлугскихъ горахъ, и только крылья, широко раскинувшись вправо и влѣво, шли на Ахалцыхъ и Баязетъ. Генералъ Бурцевъ, занимавшій позицію на ахалцыхской равнинѣ съ однимъ Херсонскимъ полкомъ, естественно не могъ сдержать надвигавшійся на него 30-ти тысячный турецкій корпусъ, и потому Паскевичъ отправилъ на помощь къ нему всю гренадерскую бригаду Муравьева, а самъ, съ однимъ Нижегородскимъ полкомъ, поспѣшилъ въ Карсъ ([29]), разсчитывая открыть кампанію быстрымъ наступленіемъ въ Саганлугскія горы. Баязету помочь было нечѣмъ. Но Паскевичъ полагалъ, что если ему удастся разбить непріятеля въ центрѣ, то опасность съ той стороны разсѣется сама собою.

1-го іюня Нижегородцы уже были въ Карсѣ, а 2-го—весь отрядъ Панкратьева двинулся впередъ противъ турецкаго авангарда, перешедшаго Саганлугъ и расположившагося у Бегли-Ахмата. Это тотъ самый Бегли-Ахматъ, гдѣ Нижегородцы, спустя 48 лѣтъ, заслужили награду еще не бывалую въ русской арміи—штандарты съ орденомъ св. Георгія I-го класса. Но Бегли-Ахматъ былъ уже пустъ: турки во-время узнали о прибытіи Паскевича, и въ ту же ночь сами отступили за горы. Два дня не было никакихъ новыхъ извѣстій ни изъ-за Саганлуга, ни изъ

Ахалцыха, а на третій прискакалъ курьеръ отъ Муравьева съ донесеніемъ о совершенномъ пораженіи турокъ въ Ахалцыхскомъ пашалыкѣ при Дигурѣ и Чаборіо. Онъ привезъ съ собой и отбитыя турецкія знамена. Это было первое блестящее дѣло въ открывающейся кампаніи, и Паскевичъ, окруженный всѣми офицерами отряда, съ живымъ интересомъ разспрашивалъ курьера о подробностяхъ боя. Празднованіе побѣды обставлено было также особенною торжественностью. 5-го іюня всѣ войска, собранныя подъ Карсомъ, выстроились на обширной равнинѣ, вокругъ церковнаго намета, у входа котораго было поставлено пять турецкихъ знаменъ; одни изъ нихъ были порваны въ клочья, а на другихъ виднѣлись пятна запекшейся крови, невольно заставлявшія думать, что знамена достались нашимъ не даромъ. Всѣ войска одѣты были въ парадную форму. Паскевичъ на сѣрой лошади, въ голубой лентѣ, пожалованной ему за Ахалцыхъ, проскакалъ по фронту при громѣ барабаннаго боя и крикахъ «ура». Когда поданъ былъ сигналъ на молитву, онъ сошелъ съ лошади и, окруженный знаменами и штандартами, приблизился къ аналою. Дежурный штабъ-офицеръ прочелъ реляцію о побѣдѣ, — и началось благодарственное молебствіе, послѣднія слова котораго замерли въ громѣ пушечнаго залпа ([30]).

Церемоніальнаго марша не было. Паскевичъ просто обходилъ войска, останавливаясь передъ каждою частью, привѣтствуя и электризуя солдатъ короткою рѣчью. Не многословна и не краснорѣчива была эта рѣчь, но въ ней было все, что можетъ расшевелить и заставить сильнѣе биться солдатское сердце. Однихъ Нижегородскихъ драгунъ обошелъ главнокомандующій своимъ привѣтливымъ словомъ. Брови его нахмурились, когда онъ подошелъ къ ихъ фронту. «Стыдно, братцы», — сказалъ онъ полку:—«четвертую кампанію служу съ вами, а такого дѣла за вами никогда не водилось»... Драгуны очевидно были сконфужены и глядѣли угрюмо ([31]).

Дѣло въ томъ, что въ эту самую ночь изъ полка разомъ бѣжало 20 человѣкъ, вмѣстѣ съ старшимъ вахмистромъ Яковлевымъ. Бѣглецы направились къ персидской границѣ, и посланная за ними погоня еще не возвращалась. Хотя побѣги въ то время вообще были не рѣдки, но случай, гдѣ разомъ бѣжалъ цѣлый взводъ, выходилъ изъ общаго уровня. Паскевичъ приказалъ произвести строгое слѣдствіе. Оказалось, что причиной побѣга было жестокое обращеніе съ нижними чинами камандира

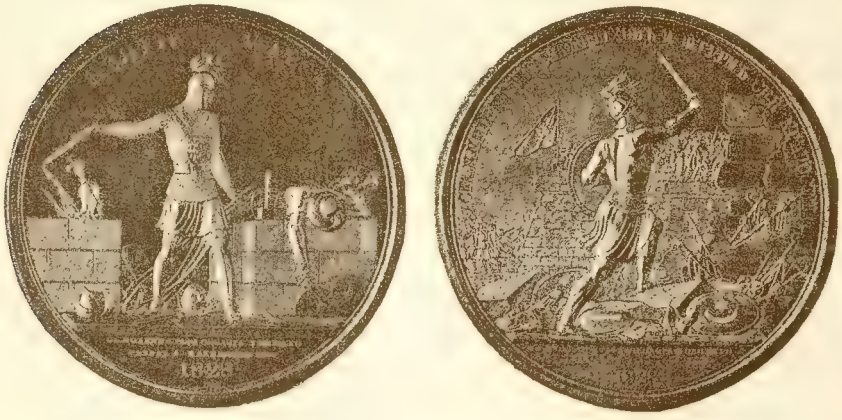
5-го эскадрона штабсъ-капитана Горешнева, человѣка образованнаго, но строптиваго и неуживчиваго. Впослѣдствіи онъ перешелъ въ гвардію и служилъ въ лейбъ-кирасирскомъ Его Величества полку. Всѣ сожалѣли о вахмистрѣ Яковлевѣ, хорошемъ солдатѣ, вина котораго усугублялась тѣмъ, что онъ своимъ вліяніемъ вовлекъ въ преступленіе и другихъ нижнихъ чиновъ.

Яковлевъ былъ изъ дворовыхъ людей, и сданъ въ солдаты за черезчуръ интимныя отношенія къ молодой супругѣ своего помѣщика. Исторія эта въ свое время была извѣстна цѣлому Самарскому уѣзду. Красивый, расторопный и грамотный парень, Яковлевъ попалъ на службу въ Нижегородскій полкъ въ то время, когда имъ командовалъ Саликовъ, и изъ него скоро выработался бравый солдатъ; въ персидскую войну онъ заслужилъ георгіевскій крестъ, и передъ самой кампаніей 1829 года Раевскій назначилъ его старшимъ вахмистромъ въ 3-й эскадронъ. Зная характеръ своего новаго эскадроннаго командира, Яковлевъ тщетно обращался ко всѣмъ офицерамъ съ просьбой освободить его отъ этого назначенія. Въ просьбѣ своей онъ не успѣлъ, и вышелъ въ походъ вахмистромъ. Но чего онъ боялся, то и случилось. Выведенный изъ терпѣнія придирчивостью своего командира, онъ подговорилъ эскадроннаго квартермистра Тиханова, а тотъ съ своей стороны склонилъ еще человѣкъ 20, большею частью изъ перваго взвода, и всѣ они разомъ бѣжали въ ночь на 5-е іюня. Покидая полкъ, Яковлевъ снялъ съ себя георгіевскій крестъ и повѣсилъ его на палаткѣ, съ наружной стороны полотна. Вотъ этотъ-то крестъ, замѣченный на зарѣ проходившимъ солдатомъ, и послужилъ первымъ поводомъ къ обнаруженію побѣга. Къ вечеру погоня вернулась, но привела съ собой только одного рядового, котораго Паскевичъ тутъ же приказалъ разстрѣлять. Это былъ рекрутъ, еще не сознававшій всей тяжести своего преступленія, и Раевскій выпросилъ ему помилованіе ([32]). Солдатикъ этотъ, теперь уже согбенный старикъ, живъ до настоящаго времени, и какъ ветеранъ Нижегородскаго полка, украшенный Георгіемъ и боевыми ранами, имѣлъ счастіе представляться въ числѣ другихъ стариковъ Августѣйшей Царской Семьѣ, во время путешествія Государя Императора по Кавказу въ 1888 году.

Вслѣдъ за нимъ приведено было еще нѣсколько бѣжавшихъ драгунъ, и въ числѣ ихъ Яковлевъ. Ихъ отправили въ Тифлисъ, судили полевымъ судомъ и сослали въ каторжныя работы. Штабсъ-капитанъ Горешневъ

былъ отрѣшенъ отъ командованія эскадрономъ, и на мѣсто его назначенъ маіоръ Семичевъ (33).

Какъ мимолетное облако только на мгновеніе затемняетъ солнце яснаго лѣтняго дня, такъ и тяжелое, гнетущее впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ печальнымъ происшествіемъ, исчезло вмѣстѣ съ открытіемъ новой кампаніи. Пораженіе турокъ при Дигурѣ дало возможность Паскевичу притянуть къ себѣ отряды Муравьева и Бурцева; рѣшено было немедленно перейти въ наступленіе, — и новый рядъ подвиговъ, совершенныхъ Нижегородскимъ полкомъ, быстро загладилъ самую память о несчастной исторіи, какъ бы отодвинувшуюся въ далекое прошлое.



Медали въ память взятія Карса и Ахалцыха.

Плѣненіе Гагки-Паши.

VIII.

Битвы на Саганлугскихъ горахъ.

(1829 г.).

Сборъ русскаго корпуса у подошвы Саганлуга.—Свѣдѣнія о двухъ турецкихъ арміяхъ.—Сераскиръ и Гагки-паша.—Демонстрація Бурцева противъ Гагки-пашинскаго лагеря.—Бой на Меджингертской дорогѣ.—Паскевичъ поднимается на Саганлугъ и разрѣзываетъ двѣ турецкія арміи.—А. С. Пушкинъ.—Движеніе Паскевича въ обходъ Гагки-паши.—Неожиданная встрѣча съ сераскиромъ, и бой 19-го іюня у Каинлы. Блистательное участіе въ немъ Нижегородцевъ.—Пораженіе сераскира и бѣгство его въ Арзерумъ.—Быстрое движеніе Паскевича на Гагки-пашу.—Бой 20-го іюня у Миллидюза.—Пораженіе Гагки-паши.—Кавалерія беретъ 16 знаменъ и болѣе тысячи плѣнныхъ.—Паскевичъ недоволенъ дѣйствіемъ кавалеріи.—Слѣдствіе надъ генераломъ Сакеномъ за малое число отбитыхъ трофеевъ.

2-го іюня 1829 года русскій корпусъ, подъ личнымъ предводительствомъ Паскевича, выступилъ изъ-подъ Карса, и, сдѣлавъ одинъ переходъ по пути къ Арзеруму, остановился въ деревнѣ Катанлы, на рубежѣ

своихъ прошлогодшихъ завоеваній. Впереди передъ нимъ высились уже мрачные хребты лѣсистыхъ Саганлугскихъ горъ, на которыхъ, какъ было извѣстно, стоялъ непріятель.

Въ то время большая дорога изъ Карса въ Арзерумъ раздваивалась около Катанлы и поднималась на Саганлугскій хребетъ двумя вѣтвями, идущими на разстояніи отъ трехъ до двѣнадцати верстъ другъ отъ друга. Лѣвая вѣтвь шла черезъ Миллидюзъ на Меджингертъ, правая—на Каинлы и замокъ Зевинъ. Спустившись съ горъ и подойдя къ Араксу, обѣ дороги сплетаются вмѣстѣ, и у Керпи-Кева выходятъ на транзитный арзерумскій путь. Меджингертская дорога была короче нежели зевинская, за то зевинская удобнѣе и легче для движенія,—но обѣ онѣ покрыты были густыми сосновыми лѣсами и пересѣкались множествомъ глубокихъ овраговъ.

Турецкая армія, подъ предводительствомъ новаго сераскира, Гаджи-Салеха, ожидала русскихъ у Гассанъ-Кала по ту сторону горъ, и только сильный 20-тысячный корпусъ Гагки-паши, выдвинутый на Меджингертскую дорогу, стоялъ у Миллидюза, на одномъ изъ пологихъ уступовъ Саганлугскихъ горъ. Дорога на Каинлы и Зевинъ была совершенно открыта. Сераскиръ видимо разсчитывалъ заставить Паскевича итти по этой дорогѣ, а затѣмъ, бросивъ въ тылъ русскимъ войскамъ весь корпусъ Гагки-паши, запереть его такимъ образомъ въ горныхъ тѣснинахъ. И турки были увѣрены, что на высотахъ Саганлуга русское войско найдетъ себѣ гробъ. Но Паскевичъ, а за нимъ и его войска, въ туманной дали открывавшагося передъ ними горизонта, хотѣли видѣть не поле, на которомъ ждала ихъ могила, а поприще побѣдъ и славы. Русскій главнокомандующій предугадалъ планъ сераскира, и въ мысляхъ его созрѣло рѣшеніе броситься именно по зевинской дорогѣ въ тылъ Миллидюза, разбить Гагки-пашу, а затѣмъ устремиться на самого сераскира, который по расчету времени ни въ какомъ случаѣ не могъ предупредить пораженіе своего авангарда. Планъ былъ чрезвычайно смѣлый и при неудачѣ могъ поставить всю русскую армію въ безвыходное положеніе. Но другого пути къ побѣдѣ не было.

Главная задача, которая предстояла Паскевичу при исполненіи этого плана, заключалась въ томъ, чтобы скрыть свое движеніе и заставить Гагки-пашу думать, что атака будетъ поведена на него не съ зевинской, а съ меджингертской дороги.

13-го іюня, въ пять часовъ пополудни, весь дѣйствующій корпусъ

налегкѣ, съ одними полковыми обозами, выступилъ изъ лагеря. Въ глухой лощинѣ, закрытой со всѣхъ сторонъ утесами и глыбами скалъ, отдѣлился отъ него Херсонскій гренадерскій полкъ съ казачьей бригадой и, подъ командой генерала Бурцева, потянулся влѣво на Меджингертъ; остальныя войска остались въ лощинѣ, чтобы подъ покровомъ сумерекъ, когда вечерніе туманы закроютъ окрестность, скрытно перейти на зевинскую дорогу и стать на флангѣ непріятеля.

Бурцевъ остановился на ночлегъ верстахъ въ 15 отъ турецкаго лагеря и развелъ на обширномъ пространствѣ рядъ громадныхъ костровъ. Зарево отъ нихъ среди ночного мрака, внезапно озарившее широкимъ полукружіемъ вершины темныхъ горъ, озадачило турокъ. Между тѣмъ казаки и конно-мусульманскій полкъ, высланные впередъ, пробрались по дремучему лѣсу къ самымъ аванпостамъ непріятеля и подняли у него тревогу. Вся турецкая конница сѣла на коней, чтобъ отразить ночное нападеніе, и нашимъ молодцамъ пришлось отступать подъ натискомъ подавляющей силы. Пять тысячъ турокъ преслѣдовали ихъ по пятамъ. Между тѣмъ заря широкой полосой охватила востокъ, начинало свѣтлѣть, и чтобы выручить казаковъ, Бурцеву пришлось двинуть впередъ весь свой отрядъ. Но едва войска его подошли къ опушкѣ лѣса,—какъ вдругъ всѣ высоты, лежавшія правѣе турецкаго лагеря, зачернѣлись русскою конницей. То былъ корпусъ Паскевича, уже поднявшійся на Саганлугъ.

Эффектъ этой сцены былъ поразительный. Турки, совсѣмъ не ожидавшіе появленія съ той стороны русскихъ войскъ, потеряли голову; въ ихъ лагерѣ поднялась суматоха; пѣхота стала въ ружье, но, видимо не зная что предпринять, безцѣльно двигалась въ разныя стороны; вся кавалерія, бывшая противъ отряда Бурцева, опрометью поскакала назадъ и стала выстраиваться также противъ зевинской дороги.

Свидѣтелемъ этой картины былъ Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, присутствіе котораго сдѣлало весь этотъ день съ его военными событіями особенно памятнымъ для Нижегородцевъ. Пушкинъ, въ качествѣ поэта-туриста, пріѣхалъ въ дѣйствующій корпусъ при самомъ выступленіи его изъ Катанлы, и остановился въ Нижегородскомъ полку у стараго своего друга Раевскаго. Съ Нижегородскимъ полкомъ, въ которомъ служилъ офицеромъ его родной братъ, Левъ, онъ и сдѣлалъ весь походъ до Арзерума (1).

Перевалъ черезъ горы былъ труденъ, но совершился безпрепятственно. Отправивъ Бурцева на меджингертскую дорогу, корпусъ Паскевича продолжалъ итти скрытою лощиной, и ночью приблизился къ лѣсистымъ предгоріямъ Саганлуга. Казачій генералъ Сергѣевъ, высланный впередъ съ своею бригадой, скоро далъ знать, что къ сторонѣ Меджингерта слышна перестрѣлка. Паскевичъ тотчасъ двинулъ къ нему весь Нижегородскій полкъ съ шестью орудіями. Драгуны скоро догнали казаковъ и стали подниматься на горы. Дорога шла узкимъ каменистымъ ущельемъ, обросшимъ вѣковымъ лѣсомъ, который глухо шумѣлъ кругомъ вершинами столѣтнихъ сосенъ. И чѣмъ выше поднимались драгуны, тѣмъ чаще попадались между деревьями большія груды неталаго снѣга. Было темно и холодно. Пушкинъ ѣхалъ вмѣстѣ съ Нижегородскимъ полкомъ. «Мы подъѣхали», разсказываетъ онъ, къ «горамъ, поросшимъ лѣсомъ. Мы въѣхали въ ущелье. Драгуны говорили между собою: смотри, братъ, держись—какъ разъ картечью хватятъ. Въ самомъ дѣлѣ мѣстоположеніе благопріятствовало засадамъ; но турки, отвлеченные въ другую сторону движеніемъ генерала Бурцева, не воспользовались этими выгодами. Мы благополучно прошли опасное ущелье, и стали на высотахъ Саланлуга въ десяти верстахъ отъ непріятельскаго лагеря. Природа около насъ была угрюма; воздухъ былъ холоденъ, горы покрыты печальными соснами. Снѣгъ лежалъ въ оврагахъ» (2).

Съ вершинъ Саланлуга уже ясно доносился грохотъ перестрѣлки въ отрядѣ Бурцева, и по направленію выстрѣловъ можно было заключить, что русскіе отступаютъ. Нѣсколько встревоженный, Сергѣевъ далъ знать объ этомъ Паскевичу, а между тѣмъ выдвинулъ свою бригаду и Нижегородскій полкъ на крайнія высоты, откуда весь лагерь Гагки-паши виденъ былъ, какъ на ладони. Вотъ эта-то конница, внезапно нависшая надъ непріятельскимъ станомъ, и вызвала тревогу у турокъ.

Въ 8 часовъ утра на высоты, занятыя Сергѣевымъ, пріѣхалъ самъ Паскевичъ. Онъ произвелъ рекогносцировку и, вмѣстѣ съ кавалеріей, возвратился въ лагерь. Войска требовали отдыха. Въ эту ночь они прошли 39 верстъ съ двумя лишь небольшими привалами, а горныя дороги были трудны, и ночь была такъ темна, что авангарду приходилось время отъ времени оставлять небольшіе костры, чтобы обозначать путь слѣдовавшимъ за нимъ войскамъ. Но отдыхать не пришлось. Въ два часа пополудни, когда солдаты только что отобѣдали, турки внезапно атаковали

наши аванпосты и заняли гору, съ которой можно было видѣть весь русскій лагерь. Съ ними былъ и самъ Гагки-паша. Но то, что онъ увидѣлъ, было для него далеко не утѣшительно: по обоимъ берегамъ быстрой горной рѣчки Инджа-су бѣлѣло множество русскихъ палатокъ, и яркіе лучи солнца играли то на длинныхъ рядахъ пѣхотныхъ ружей, составленныхъ въ козлы, то на мѣдныхъ орудіяхъ артиллеріи; дальше, внизу, въ зеленой чащѣ молодого кустарника, чернѣлись драгунскія коновязи и пестрѣли флюгера уланскихъ пикъ, а еще ниже—живописно раскидывался бивуакъ иррегулярной конницы. Передъ Гагки-пашою стоялъ весь русскій корпусъ,—и стоялъ на прямомъ сообщеніи его съ сераскиромъ.

Въ русскомъ лагерѣ также ударили тревогу, и Раевскій съ своею кавалерійскою бригадой тотчасъ пошелъ впередъ, чтобы поддержать сбитые аванпосты; но непріятель, уже достигшій своей цѣли, не сталъ, однако, упорствовать, и скрылся за горы. Русскіе аванпосты опять заняли свои мѣста.

Стычка эта осталась памятной тѣмъ, что въ ней участвовалъ и Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Онъ выѣхалъ изъ лагеря, вмѣстѣ съ маіоромъ Нижегородскаго полка Семичевымъ, посмотрѣть новую для него картину перестрѣлки, и не могъ остаться равнодушнымъ зрителемъ. Онъ схватилъ пику убитаго казака, вмѣшался въ казацкую цѣпь и устремился на турокъ. Семичевъ, которому Раевскій именно поручилъ слѣдить за Пушкинымъ, съ трудомъ вывелъ его изъ рукопашной схватки ([3]).

Въ тотъ же день случилось и другое происшествіе. Въ лагерь привели трехъ плѣнныхъ турокъ, изъ которыхъ одинъ сообщилъ подъ большимъ секретомъ, что верстахъ въ восьми отъ нашего лагеря пасется большое турецкое стадо. Ему повѣрили, и одинъ изъ офицеровъ Нижегородскаго полка штабсъ-капитанъ баронъ Остенъ-Сакенъ былъ посланъ туда съ двумя линейскими сотнями. Но вмѣсто скота, котораго не было, казаки попали на сильную засаду и вынуждены были отступить съ урономъ. Самъ Остенъ-Сакенъ былъ раненъ пулею въ ногу.

На слѣдующее утро въ лагерь пришло извѣстіе, что вагенбургъ, оставленный на прежней позиціи у Катанлы, выступилъ на соединеніе съ дѣйствующимъ корпусомъ. Огромный обозъ, болѣе чѣмъ въ три тысячи повозокъ и въ 10 тысячъ головъ вьючныхъ лошадей и порціоннаго скота, долженъ былъ тянуться два дня почти въ виду передовыхъ ту-

рецкихъ карауловъ. Чтобы прикрыть его движеніе, Паскевичу пришлось предпринять цѣлый рядъ демонстрацій къ сторонѣ турецкаго лагеря. Ежедневно половина корпуса поднималась на горы и выстраивалась противъ Миллидюза. Бригада регулярной кавалеріи выдвигалась еще впередъ, и располагалась ближе всѣхъ къ непріятелю. Казаки вели перестрѣлку съ турецкими пикетами. Турки прекрасно понимали, какое рѣшающее значеніе для цѣлой кампаніи имѣла бы гибель или хотя бы только разстройство русскихъ обозовъ, но выйти изъ лагеря, съ рискомъ потерять его, было для нихъ невозможно. Раевскій съ своею кавалеріей приковывалъ ихъ къ мѣсту. Попробовалъ было Гагки-паша 17-го іюня выдвинуть отдѣльный отрядъ на арзерумскую дорогу, чтобы угрожать самому Паскевичу; но этотъ отрядъ тотчасъ же былъ атакованъ батальономъ Эриванцевъ, вмѣстѣ съ 1-мъ конно-мусульманскимъ полкомъ, и разбитъ на голову. Татары взяли при этомъ восемь знаменъ. Въ числѣ особенно отличившихся были и два юнкера Нижегородскаго полка, Сулхановъ и Сербиновичъ, добровольно служившіе въ татарскихъ полкахъ, въ качествѣ инструкторовъ. Обоихъ ихъ Паскевичъ произвелъ въ офицеры.

Трехъ-дневная стоянка на высотахъ Саганлуга окончательно убѣдила Паскевича, что атаковать непріятельскую позицію отсюда было невозможно. Турецкій лагерь отдѣлялся отъ нашего тремя грядами коническихъ высотъ, между которыми лежали такіе глубокіе овраги, что артиллерію пришлось бы спускать на канатахъ. Очевидно, что атака съ этой стороны, если и была возможна, то стоила бы громадныхъ потерь уже потому, что непріятель могъ употребить въ дѣло свою артиллерію, тогда какъ наша оставалась бы на рукахъ отряда безполезнымъ бременемъ.

Между тѣмъ русскія войска были убѣждены, что не сегодня-завтра ихъ поведутъ брать непріятельскій лагерь, и съ любопытствомъ и вѣрою въ успѣхъ разсматривая турецкій станъ, дѣлали свои заключенія, какъ именно будутъ они выбивать бусурманъ изъ окоповъ. При каждомъ появленіи главнокомандующаго солдаты просились въ бой. Но Паскевичъ не хотѣлъ нести на себѣ нравственную отвѣтственность за большія потери и сдерживалъ общее желаніе обѣщаніемъ побѣдъ въ недалекомъ будущемъ. «Многіе изъ васъ», — говорилъ онъ въ своемъ приказѣ по корпусу, впослѣдствіи, когда побѣдные лавры увѣнчали чело его: «просили меня вести испытанное войско этимъ труднымъ путемъ; но я не повелъ васъ онымъ, щадя кровь вашу. Тамъ мы купили бы побѣду

слишкомъ дорогою цѣною, а каждый изъ васъ дорогъ мнѣ и по заслугамъ, принесеннымъ отечеству, и по чувствамъ личной моей къ вамъ признательности».

Предстояло такимъ образомъ двигаться дальше, въ тылъ миллидюзскаго лагеря. Но для этого нужно было сдѣлать трудное обходное движеніе,—а оно, между тѣмъ, могло привести насъ къ столкновенію на арзерумской дорогѣ уже съ самимъ сераскиромъ. Трудность предпріятія увеличивалась громаднымъ обозомъ, который нельзя было оставить на мѣстѣ, не раздробляя войскъ, а ихъ и безъ того было недостаточно. Другого выхода, однако, не представлялось,—и 18-го іюня начался знаменитый фланговый маршъ Паскевича, въ два дня уничтожившій обѣ турецкія арміи.

Переночевавъ на рѣчкѣ Хункаръ-чай, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ наканунѣ наши татары имѣли прекрасное дѣло, весь корпусъ, съ разсвѣтомъ 19-го іюня, двинулся дальше по дорогѣ на Зевинъ. Нижегородскій полкъ, въ составѣ кавалерійской бригады Раевскаго, былъ выдвинутъ влѣво и прикрывалъ вагенбургъ со стороны гагки-пашинскаго лагеря. Непріятельскіе разъѣзды, показывавшіеся здѣсь и тамъ, заставляли насъ быть настороже, и предусмотрительность эта оказалась какъ нельзя болѣе кстати. Едва гренадерская бригада, слѣдовавшая впереди, спустилась въ долину рѣчку Каинлы, какъ передъ нею показалась сильная турецкая конница, за которой слѣдомъ шли густыя колонны пѣхоты. Никакихъ вѣрныхъ свѣдѣній о непріятелѣ не было, и Паскевичъ предполагалъ, что войска эти вышли изъ лагеря Гагки-паши съ цѣлью перерѣзать намъ путь въ узкихъ тѣснинахъ, начинавшихся за Каинлыкской долиной. Такимъ образомъ, казалось, главнокомандующему представлялся случай дать полевое сраженіе, а затѣмъ, быть можетъ, на плечахъ непріятеля войти въ миллидюзскій лагерь.

Гренадерская бригада тотчасъ развернулась въ боевой порядокъ; лѣвѣе ея, за крутымъ оврагомъ Загинъ-Кала-су, къ сторонѣ Ханскаго ущелья, которымъ можно было пройти въ Миллидюзъ, расположился Бурцевъ съ Херсонскимъ полкомъ, а кавалерія Раевскаго и три батальона егерей составили общій резервъ. Всѣ остальныя войска остались на горахъ въ прикрытіи вагенбурга.

Едва русскія войска успѣли приготовиться къ бою, какъ непріятель уже повелъ атаку—и сраженіе началось. Только теперь изъ опроса плѣнныхъ выяснилось, что русскій корпусъ имѣетъ дѣло съ передовыми войсками

сераскира, и что Гагки-паша долженъ выслать сюда часть своей кавалеріи. И вотъ, въ то время, какъ гренадерская бригада выдерживала сильный артиллерійскій бой,—изъ Ханскаго ущелья вдругъ вынеслось пять или шесть тысячъ всадниковъ—и ринулось на Бурцева. Весь правый флангъ сераскира, переброшенный также на лѣвый берегъ Загинъ-Кала-су, поддержалъ атаку,—и Херсонскій полкъ попалъ подъ двойной ударъ 10 или 12 тысячъ турокъ. Была минута, когда всѣ думали, что Бурцевъ пропалъ, такъ какъ за дымомъ и пылью неясно мелькали только массы несущихся всадниковъ. Но когда дымъ разсѣялся — каре стояли, а вражеская конница уносилась отъ нихъ въ разныя стороны. Всѣ окружающіе Паскевича закричали «ура».

Такимъ образомъ первый натискъ турокъ былъ отраженъ, и главнокомандующій тотчасъ воспользовался этою минутой, чтобы перейти въ наступленіе. Онъ быстро сосредоточилъ до тридцати орудій и сильнымъ огнемъ заставилъ непріятельскій центръ податься назадъ. Тогда Грузинскій полкъ, бросившись впередъ, занялъ промежутокъ, образовавшійся между двумя непріятельскими крыльями, и разрѣзалъ турецкую линію на двое. Въ эту минуту появилась кавалерійская бригада. Раевскій, быстро обскакавъ гренадеръ, развернулъ фронтъ и повелъ въ атаку 1-й и 3-й дивизіоны Нижегородскаго полка. Съ нимъ вмѣстѣ понеслись двѣ линейныя сотни. Блестящую атаку эту слѣва поддерживалъ казачій полкъ Карпова, справа—мусульманскій Мещеринова (4). Одинъ изъ свидѣтелей боя, нынѣ 75-ти-лѣтній старикъ, говоритъ, что болѣе красивой и стройной кавалерійской атаки онъ никогда ни прежде, ни послѣ не видѣлъ.

Унтеръ-офицеръ Капкинъ, опередивъ всѣхъ на своей быстрой лошади, одинъ врѣзался въ ряды непріятеля. Его окружили турки. На помощь къ нему бросился князь Язонъ Чавчавадзе. Онъ былъ по обыкновенію съ плетью въ рукѣ, но тутъ ему пришлось обнажить и свою родовую шашку. Отрѣзанный отъ эскадрона, отважный князь пошелъ на проломъ и, вмѣстѣ съ Капкинымъ, выбился изъ толпы непріятеля (5). А тутъ подоспѣли и драгуны. Подъ тяжкимъ ударомъ двухъ дивизіоновъ непріятельскій центръ былъ окончательно прорванъ, лѣвый флангъ обойденъ и отброшенъ къ горамъ. Тогда все, что было по правую сторону Загинъ-Кала-су, пустилось бѣжать за рѣчку Каинлы подъ защиту своихъ резервовъ. Драгуны понеслись въ погоню. Поручикъ Коцебу насѣлъ на байрактара и, можетъ быть, взялъ бы его расшитое золотомъ знамя, но

въ этотъ моментъ лошадь его была ранена, и добыча ускользнула изъ рукъ. Унтеръ-офицеръ (изъ разжалованныхъ) Довгеръ, отбившись отъ полка, присталъ къ татарамъ и вмѣстѣ съ ними овладѣлъ турецкою пушкою (6). Раевскій, перескочивъ черезъ рѣку, остановился между тѣмъ на краю оврага. «Два эскадрона — говоритъ въ своихъ запискахъ Пушкинъ:—отдѣлясь отъ полка, занеслись въ своемъ преслѣдованіи; они были выручены полковникомъ Симоничемъ» (7).

Въ то время какъ центръ и лѣвый флангъ непріятеля были уже сбиты съ поля сраженія,—правое крыло его еще находилось въ полномъ наступленіи на колонну Бурцева. Атака была поведена рѣшительная: сераскирская конница шла съ фронта, миллидюзская — скакала по скату горы надъ самыми головами Херсонцевъ, стараясь охватить ихъ съ тылу. Паскевичъ, встревоженный положеніемъ Бурцева, послалъ на помощь къ нему весь Сводный уланскій полкъ и 2-й дивизіонъ Нижегородцевъ, подъ общею командой барона Остенъ-Сакена. Кавалерія пошла на рысяхъ; но бездорожье и частыя переправы черезъ топкіе овраги на каждомъ шагу задерживали двигавшуюся съ нею батарею. Турки между тѣмъ были уже въ тылу у Бурцева, хватали вьюки, разбивали патронные ящики, рубили прикрытіе. Къ счастью, въ эту минуту подоспѣла помощь съ той стороны, откуда ея не ожидали. Генералъ Панкратьевъ, стоявшій съ вагенбургомъ на высокой горѣ, увидѣлъ отчаянное положеніе Бурцева и выслалъ къ нему казачью бригаду. Полки двинулись прямо по карнизу горъ, еще выше турокъ, и внезапно очутились у нихъ надъ головами. Едва казаки съ крикомъ «ура» ринулись внизъ, какъ изъ-за рѣчки Загинъ-Кала-су появилась и кавалерія Сакена. Охваченный съ трехъ сторонъ, непріятель пустился уходить съ такою быстротой, что даже свѣжіе казачьи кони не могли угнаться за нимъ и стали отставать. Конница Гагки-паши ушла черезъ Ханское ущелье обратно въ свой лагерь.

Сраженіе казалось оконченнымъ, солнце клонилось къ закату, и войска уже располагались на ночлегъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе, что непріятель остановился и начинаетъ укрѣпляться на лѣсистой горѣ. Въ то же время къ главнокомандующему привели плѣннаго турецкаго пашу, который объявилъ, что передъ нами находится сераскиръ съ 12-тысячнымъ корпусомъ, а что главныя силы его, въ числѣ 18 тысячъ, ночуютъ въ одномъ переходѣ у Зевина. По его словамъ, ихъ ожидали завтра, и тогда должна послѣдовать рѣшительная битва. «Гагки-паша», гово-

рилъ онъ: «уже предупрежденъ, чтобы по первому сигналу выходилъ изъ лагеря въ тылъ русскаго корпуса». Выслушавъ это извѣстіе, Паскевичъ сказалъ: «Сераскиръ впадаетъ въ большую ошибку, рѣшаясь укрѣпляться на нашихъ глазахъ. Я покажу ему, что это не такъ легко сдѣлать, когда у меня пять тысячъ кавалеріи». Рѣшено было въ ночь атаковать непріятеля.

Часовъ въ 8 вечера, когда уже совершенно стемнѣло, во всѣхъ полкахъ вдругъ заиграла музыка, забили барабаны, и весь русскій корпусъ разомъ выдвинулся изъ лощины. Свернувшись въ густыя колонны, восемь конныхъ полковъ, — Нижегородцы на правомъ флангѣ, — шли прямо на центръ непріятеля, имѣя впереди себя 18 конныхъ орудій, вытянутыхъ въ линію; пѣхота двумя колоннами обходила непріятельскую позицію справа и слѣва. Войска сераскира дрогнули, и побѣда досталась русскимъ несравненно легче, чѣмъ можно было ожидать. Послѣ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ, турки очистили окопы и стали отступать. Но едва русская кавалерія тронулась за ними рысью, какъ отступленіе превратилось въ безпорядочное бѣгство. Тогда началась бѣшеная погоня, и наша конница гнала непріятеля до самаго Зевина, гдѣ стоялъ 18-тысячный турецкій корпусъ (8). Казалось бы, что свѣжій и многочисленный противникъ долженъ былъ положить конецъ успѣхамъ русскаго оружія; но вышло совершенно иное: бѣглецы съ каинлыкскаго поля внесли съ собою ужасъ пораженія, и вся армія обратилась въ бѣгство. Драгуны, уланы, татары и казаки захватили весь лагерь, и скакали дальше. Вся дорога отъ Зевина была загромождена зарядными ящиками, брошенными пушками, обломками оружія, остатками вьюковъ, трупами людей и лошадей.

Паскевичъ, лично управлявшій кавалеріею, остановился въ Зевинѣ и послалъ приказаніе прекратить преслѣдованіе. Много уже было сдѣлано имъ сегодня, надо было поберечь силы людей и на завтра.

Пока собиралась кавалерія, Паскевичъ съ своею свитой расположился на плоской кровлѣ одной изъ сакель, стоявшихъ бокъ-о-бокъ съ старымъ Зевинскимъ замкомъ. Оказалось, что въ этой самой саклѣ сложено большое количество пороха, и что, отступая, турки успѣли бросить въ нее зажженный фитиль. Къ счастію, драгуны, отыскивая фуражъ, замѣтили горѣвшій стопинъ, и такимъ образомъ судьба послала именно Нижегородцамъ счастливый случай спасти жизнь русскаго полководца. Па-

скевичъ тотчасъ оставилъ Зевинъ. Но не отъѣхалъ онъ и съ полъ-версты, какъ вся окрестность дрогнула отъ страшнаго взрыва; сакля, гдѣ отдыхалъ Паскевичъ, взлетѣла на воздухъ; нѣсколько татаръ и казаковъ были задавлены разметанными камнями. Потомъ узнали, что взрывъ произошелъ не отъ стопина, который драгуны успѣли потушить, а отъ неосторожности татаръ, искавшихъ съ огнемъ добычи (9).

Такъ окончился достопамятный день 19-го іюня.

Событія дня, такъ неожиданно разыгравшіяся полнымъ разгромомъ сераскира, служили неистощимою темой для бесѣдъ на нашихъ бивуакахъ. Войска разсчитывали, что нынѣшній день они будутъ брать миллидюзскій лагерь, а завтра пойдутъ на сераскира. Вышло, что они сегодня побили сераскира, а миллидюзскій лагерь будутъ брать завтра. Участникамъ 12 года, которыхъ тогда еще было много въ рядахъ кавказскаго корпуса, невольно вспоминалась по этому поводу тогдашняя пѣсенка о томъ, какъ:

...Удино
Помѣшалъ бить Макдональда;
Но не все-ли намъ равно—
Мы побили Удино...

И дѣйствительно, не все ли равно было кого бить—Гагку-пашу, сераскира ли?... Для цѣлей и славы кампаніи такая перестановка была безразлична.

Между тѣмъ пѣхота русскаго корпуса, двигавшаяся отъ Каинлы вслѣдъ за кавалеріею, дошла только до Кара-Кургана, и тамъ остановилась. Цѣль ея была достигнута. Отсюда большая торная дорога поворачивала на Миллидюзъ и выходила въ тылъ Гагки-пашинскаго лагеря. Было далеко за полночь, когда измученная кавалерія наша вернулась въ Кара-Курганъ для того, чтобы сдѣлать короткій привалъ, и, окончивъ одну битву, черезъ нѣсколько часовъ вступить въ другую.

Въ Кара-Курганѣ все уже спало. Войска были утомлены; мѣсто для ночлега выдалось тѣсное, усѣянное каменьями; обозы остались далеко; ни у кого не было ни палатки, ни водки, ни хлѣба, и офицеры бивуакировали вмѣстѣ съ солдатами на голой землѣ, завернувшись въ свои старыя походныя шинели. Не спалъ одинъ главнокомандующій; онъ также не имѣлъ пріюта, и долженъ былъ провести свѣжую ночь на

открытомъ воздухѣ. Къ счастію у одного изъ батарейныхъ командировъ нашлась маленькая палатка, въ которую надо было войти согнувшись. Ее предложили Паскевичу; онъ легъ, завернувшись въ шинель, и тотчасъ заснулъ. Два карабинера, ростомъ вдвое выше палатки, стали на часахъ, и сторожили покой графа Эриванскаго.

Съ разсвѣтомъ 20-го числа на бивуакахъ все поднялось, зашевелилось, и русскій корпусъ тронулся къ Миллидюзу. Солдаты, отдохнувшіе за ночь, шли бодро, не стараясь даже скрывать своего движенія, и шумный говоръ, а порой и веселая пѣсня нарушали спокойную тишину Саганлугскихъ горъ. Въ 9 часовъ утра колонны поднялись на послѣднія высоты, — и передъ ними открылся лагерь Гагки-паши. Турки уже приготовились къ бою; въ ихъ станѣ не замѣчалось ни смятенія, ни безпорядка; казалось, они стояли съ твердою рѣшимостью отразить нападеніе. Послѣ уничтоженія наканунѣ цѣлаго турецкаго корпуса, такая самоувѣренность Гагки-паши для всѣхъ являлась нѣсколько загадочной. Но вскорѣ объяснилось, что въ Миллидюзѣ еще ничего не знали о совершенномъ пораженіи сераскира. Бой, который видѣли войска Гагки-паши, представлялся имъ только стычкой передовыхъ отрядовъ, а то, что происходило дальше, послѣ пяти часовъ пополудни, имъ было неизвѣстно. Поэтому въ миллидюзскомъ лагерѣ могли даже желать русской атаки съ затаенной надеждой, что громъ канонады привлечетъ къ себѣ сераскира, и Паскевичъ, поставленный между двумя непріятельскими корпусами, найдетъ себѣ тотъ гробъ, который турки пророчили ему съ самаго начала кампаніи.

Но картина измѣнилась быстро, какъ только Паскевичъ отправилъ къ Гагки-пашѣ нѣсколькихъ плѣнныхъ, которые, какъ очевидцы ночного боя, передали ему подробности роковой катастрофы. Въ турецкомъ лагерѣ началось необычайное смятеніе — и не прошло часу, какъ оттуда выѣхалъ парламентеръ съ бѣлымъ платкомъ на пикѣ. «Турецкому корпусу положить оружіе безъ всякихъ условій»,—отвѣчалъ главнокомандующій и отправилъ парламентера назадъ. Турки открыли огонь съ своихъ батарей. Тогда Паскевичъ послалъ Эриванскій полкъ штурмовать окопы, а остальной пѣхотѣ приказалъ быстрымъ движеніемъ влѣво захватить Ханское ущелье, чтобы не дать туркамъ возможности броситься на Зевинъ, гдѣ намъ преслѣдовать ихъ было бы весьма затруднительно. Вся кавалерія, подъ командой начальника корпуснаго штаба генералъ-маіора

барона Остенъ-Сакена *), осталась на тѣхъ же самыхъ высотахъ, у подошвы которыхъ пролегала меджингертская дорога. И теперь, когда непріятель бросился именно по этой дорогѣ, нашей кавалеріи стоило только спуститься внизъ, чтобы заставить непріятеля или положить оружіе, или быть истребленнымъ, такъ какъ никакихъ другихъ путей къ выходу изъ Миллидюза не было. Къ сожалѣнію, весь этотъ расчетъ не удался: кавалерія опоздала, и турки, хотя съ большою потерею, но успѣли скрыться (10).

Надо сказать, что возвышенность, на которой стояла наша кавалерія, оканчивалась къ сторонѣ Меджингерта такимъ крутымъ, обрывистымъ скатомъ, что Сакенъ не рѣшился спустить по немъ свою конницу, а предпочелъ другую обходную дорогу. Только двѣ сотни донскихъ казаковъ, подъ командой отважнаго полковника Карпова, очертя голову, ринулись внизъ, и однѣ перерѣзали путь непріятелю. Многаго сдѣлать, конечно, онѣ не могли, но появленіе и этой горсти всадниковъ послужило къ общему разсѣянію бѣгущихъ. Между тѣмъ Сакенъ повелъ свою кавалерію по пологому спуску, который хотя и выходилъ на ту же дорогу, но уже гораздо дальше, почти подъ самымъ непріятельскимъ лагеремъ. Идя этимъ путемъ, кавалерія наша не только не успѣла встрѣтить бѣгущихъ, но вышла на дорогу гораздо позже ихъ, когда вся масса турокъ была уже далеко впереди. Сакену оставалось одно—пустить кавалерію по слѣду. Но и здѣсь распоряженія его были не совсѣмъ удачны. Впереди всѣхъ скакали два конно-мусульманскіе полка, Ускова и Эссена, а непосредственною поддержкою для нихъ служили только 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, маіора Маркова, и дивизіонъ уланъ. Вся же остальная кавалерія: 3-й дивизіонъ Нижегородцевъ, два эскадрона уланъ и казачій полкъ Фомина, слѣдовали сзади одною общею колонной. 2-й дивизіонъ Нижегородцевъ и вовсе не принялъ участія въ преслѣдованіи, оставленный на мѣстѣ, съ конной-артиллеріей, которая не могла двигаться по густому лѣсу. Скоро, однакоже, кто-то распорядился отправить къ Сакену два казачьи орудія, и ихъ послали подъ прикрытіемъ полуэскадрона поручика барона Шиллинга.

Но едва артиллерія втянулась въ лѣсъ, какъ была встрѣчена залпомъ засѣвшей въ немъ турецкой пѣхоты. Орудія остановились; Шил-

*) Дмитрій Ерофѣевичъ. Впослѣдствіи графъ и генералъ-адъютантъ.

лингъ спѣшилъ свой полуэскадронъ и, кинувшись въ штыки, разогналъ шайку. 79 человѣкъ не успѣли, однако, бѣжать и были взяты драгунами. По ихъ словамъ, весь лѣсъ наполнился разбитымъ непріятелемъ, опасность грозила на каждомъ шагу, а полуэскадрону приходилось между тѣмъ прикрывать теперь не только орудія, но и плѣнныхъ. Шиллингъ счастливо избѣгнулъ, однако, вторичной встрѣчи съ непріятелемъ, и скоро догналъ колонну (11). Но тутъ-то именно орудія и не могли слѣдовать за кавалеріею: начался бездорожный лѣсъ, пошли крутые овраги, и орудія съ своею длинною упряжью, то путаясь между деревьями, то останавливаясь передъ крутыми спусками, на каждомъ шагу замедляли движеніе. При одной изъ такихъ задержекъ, когда особенно долго пришлось возиться съ запутавшимся орудіемъ, Сакенъ рѣшилъ наконецъ бросить артиллерію, оставивъ въ прикрытіе къ ней, кромѣ полуэскадрона Шиллинга, еще дивизіонъ уланъ. Такимъ образомъ въ главной колоннѣ остался одинъ казачій полкъ, да дивизіонъ Нижегородцевъ, которыхъ Сакенъ уже не рисковалъ разсыпать по сторонамъ, опасаясь самъ быть атакованнымъ въ лѣсу какою-нибудь засадою.

Между тѣмъ, татары, проскакавъ нѣсколько верстъ, успѣли настигнуть бѣгущихъ турокъ. Не много находилось такихъ, которые, залегая за камни или за срубленныя деревья, пытались защищаться; большинство, объятое паникой, гибло безъ сопротивленія. Только разъ, когда мусульманскій полкъ настигъ толпу кавалеріи, среди которой развѣвались знамена, произошла довольно упорная схватка. Но когда къ татарамъ подоспѣлъ еще дивизіонъ Нижегородцевъ съ маіоромъ Марковымъ — они обратились въ бѣгство, и знамена остались въ нашихъ рукахъ. Преслѣдованіе опять продолжалось. Но вотъ дорога раздвоилась, и лѣвая вѣтвь, круто уклонившись въ сторону, пошла къ Араксу; по ней бросилась бѣжать и большая часть непріятеля. Усковъ и колонна Сакена повернули за нимъ на ту же дорогу. Скоро Усковъ съ своимъ Карабагскимъ полкомъ врѣзался въ турецкую пѣхоту, и одно за другимъ взялъ девять знаменъ. Драгунскій дивизіонъ непосредственно поддерживалъ татаръ, а уланы шли сзади и забирали плѣнныхъ, которыхъ къ концу оказалось около 300 человѣкъ. Много совершено было здѣсь частныхъ подвиговъ; но такъ какъ подвиги эти принадлежали или отдѣльнымъ лицамъ, или небольшимъ командамъ, то можетъ быть поэтому-то они затерялись даже въ памяти самихъ современниковъ, и лишь немногіе изъ нихъ сдѣлались извѣст-

ными. Реляція разсказываетъ, напр., какъ Нижегородцы съ поручикомъ Ментелемъ и прапорщикомъ Цынамзгваровымъ брали каменные завалы, какъ поручикъ Арсеньевъ штурмовалъ лѣсную опушку, какъ князь Чавчавадзе (Романъ) съ нѣсколькими драгунами ворвался въ ущелье и, разогнавъ огромную толпу, привелъ съ собою стадо рогатаго скота и 30 плѣнныхъ (12).

Пока все это происходило по дорогѣ къ Араксу, Эссенъ тѣмъ временемъ доскакалъ до Меджингерта; но полкъ его былъ слишкомъ слабъ, чтобы одному отважиться на атаку города. Къ счастію, какъ разъ въ эту минуту прискакалъ на помощь къ нему 2-й дивизіонъ Нижегородцевъ, сдавшій наконецъ свою артиллерію на руки пѣхоты. Въ Меджингертѣ еще были турки. Но едва драгунская цѣпь, спѣшившись съ прапорщикомъ Козаковымъ, начала наступленіе, поддержанная коннымъ полуэскадрономъ поручика Коцебу,—непріятель бѣжалъ, и мѣстечко было занято. Въ немъ нашли большіе запасы хлѣба и пороха (13).

Преслѣдованіе на этомъ пунктѣ окончилось. Прекратилось оно и по дорогѣ къ Араксу. Сакенъ остановился надъ крутымъ спускомъ къ рѣкѣ и приказалъ трубить сборъ. Но пока драгуны, уланы и татары, разсыпавшіеся по лѣсу, стягивались къ своему бивуаку и, облегчивъ подпруги, вываживали лошадей, прискакалъ разъѣздъ съ новымъ извѣстіемъ, что влѣво отъ дороги цѣлый турецкій батальонъ засѣлъ въ какомъ-то старомъ укрѣпленіи и стрѣляетъ по нашимъ патрулямъ. Сакенъ послалъ туда два эскадрона уланъ. Десятка два драгунъ изъ 3-го дивизіона, и съ ними маіоръ Семичевъ, прапорщики Левъ Пушкинъ, Долинскій 2, Масленниковъ, и два унтеръ-офицера изъ дворянъ: Кирхнеръ и Черниловскій, поскакали вмѣстѣ съ уланами (14). Укрѣпленіе взято было приступомъ, и уланы овладѣли знаменемъ. Въ бою 20-го іюня это знамя было единственнымъ трофеемъ регулярной кавалеріи.

Побѣда была рѣшительная. Турецкаго корпуса болѣе не существовало, и самъ главнокомандующій его Гагки-паша находился въ плѣну. 18 знаменъ, множество орудій и 1200 плѣнныхъ свидѣтельствовали о его пораженіи. Но эти трофеи — результатъ преслѣдованія кавалеріи, не могли удовлетворить Паскевича. Онъ сдѣлалъ рѣзкое замѣчаніе Сакену и приказалъ произвести формальное слѣдствіе: почему кавалерія взяла такъ мало знаменъ и плѣнныхъ, гдѣ она находилась, и до какого мѣста гналась за непріятелемъ? Надо сказать, что преслѣдованіе разбитаго непрія-

теля Паскевичъ ставилъ вѣнцомъ военнаго искусства и требовалъ отъ своей конницы погони бѣшеной, дѣйствій самоотверженныхъ, напряженія силъ—крайняго. Онъ понималъ, что только такое преслѣдованіе и можетъ довершить побѣду, деморализовать врага, разрушить его армію, и сдѣлать ее надолго неспособною къ военнымъ дѣйствіямъ. Такое именно преслѣдованіе было 9-го августа подъ Ахалцыхомъ, и наканунѣ, при пораженіи сераскира. Но тогда кавалеріею командовалъ Раевскій; Сакенъ же не выдѣлялся въ этомъ случаѣ изъ общаго уровня тѣхъ кавалерійскихъ генераловъ, которыхъ создала въ нашихъ рядахъ послѣ отечественной войны, такъ называемая, нѣмецкая школа. Онъ признавалъ тезисы Паскевича въ принципѣ, могъ о нихъ говорить, но никогда не рискнулъ бы примѣнить ихъ на дѣлѣ. И слѣдствіе окончилось не въ пользу Сакена.

«Изъ представленнаго ко мнѣ слѣдственнаго дѣла ([15]), изъ вашихъ объясненій и моихъ личныхъ замѣчаній», писалъ ему Паскевичъ, «я нахожу слѣдующее: непріятель бѣжалъ изъ укрѣпленнаго лагеря, отдавая намъ свой флангъ болѣе чѣмъ на 10 верстъ, а потому *по вашей просьбѣ* я поручилъ вамъ резервную кавалерію съ тѣмъ, чтобы атаковать непріятеля на всемъ десяти-верстномъ протяженіи. Мы стояли гораздо ближе къ дорогѣ, которую непріятель долженъ былъ взять для своего отступленія,—и, не смотря на то, вы опоздали. Въ оправданіе свое вы ссылаетесь на крутизну спуска и глубокій скалистый оврагъ. Но если могъ спуститься Карповъ съ двумя казачьими сотнями, то нѣтъ сомнѣнія, что могла пройти и вся кавалерія.

«Вы не поняли, что непріятель бѣжитъ параллельно вашему движенію, подставляя вамъ флангъ, и потому распоряженія ваши были ошибочны. Вы начали преслѣдовать одною общею колонной, въ головѣ которой у васъ былъ только одинъ мусульманскій полкъ, оставшійся напослѣдокъ въ числѣ 12 человѣкъ. Одинъ этотъ полкъ и взялъ у непріятеля превосходное число знаменъ; прочія войска за нимъ только слѣдовали, вовсе не участвуя въ пораженіи непріятеля. Вамъ слѣдовало раздѣлить кавалерію на нѣсколько колоннъ, составивъ каждую изъ одного или двухъ дивизіоновъ регулярной кавалеріи, съ конными сотнями мусульманъ во главѣ. Въ такомъ положеніи, раскинувшись лѣсомъ по обѣ стороны дороги, вы атаковали бы непріятеля разомъ на протяженіи всей его линіи и брали бы въ плѣнъ на 10 верстъ.

«Густота лѣса не могла служить препятствіемъ къ преслѣдованію, ибо,

если могла уходить по немъ непріятельская кавалерія, то тѣмъ съ большимъ успѣхомъ могла преслѣдовать ее наша. Если бы непріятель сталъ защищаться въ лѣсу, вы должны были спѣшить драгунъ и удерживать его, пока подоспѣла бы пѣхота, высланная вслѣдъ за вами, о чемъ вамъ было извѣстно. Впрочемъ, опасаться сопротивленія со стороны испуганнаго, разбитаго и преслѣдуемаго непріятеля вамъ не было основанія. Сборный линейный казачій полкъ, посланный 20-ю минутами позже, опередилъ васъ, изрубилъ до 200 человѣкъ, взялъ Гагки-пашу и до ста плѣнныхъ, потерявъ съ своей стороны только двухъ ранеными. Я увѣренъ, что войска, вамъ порученныя, то же бы сдѣлали, если бы получили подобное направленіе.

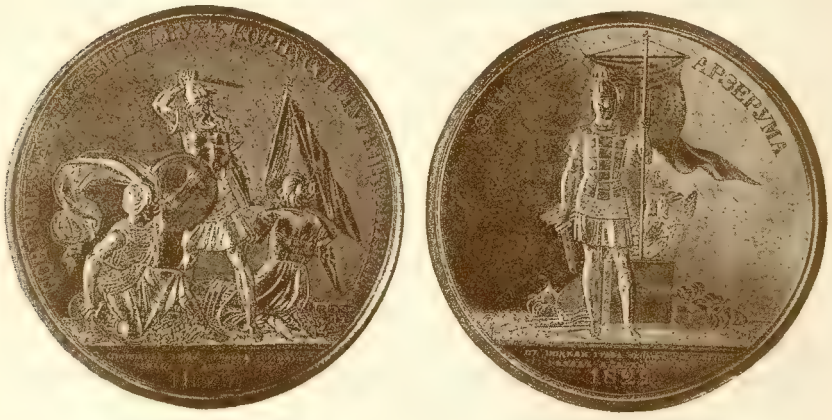
«Вы утверждаете, что преслѣдовали непріятеля до совершеннаго изнуренія лошадей и говорите, что если мусульманскіе полки на лучшихъ карабагскихъ жеребцахъ не могли уже далѣе гнаться, то регулярная кавалерія на лошадяхъ менѣе легкихъ и обремененныхъ тяжелымъ вьюкомъ, конечно, должна была пристать несравненно прежде. Однако о таковомъ изнуреніи лошадей, кромѣ васъ, генерала Раевскаго, маіора Маркова и подполковника Ускова,—изъ коихъ послѣдніе два точно были впереди васъ, никто не говоритъ. Я также не могу принять за основаніе донесеніе ваше, ибо на такомъ разстояніи, какъ 20—25 верстъ, лошади не могли быть измучены до такой степени, взявъ еще въ соображеніе пятичасовое время преслѣдованія».

Обиженный Сакенъ требовалъ суда, но Паскевичъ отказалъ въ этомъ. «Судъ—писалъ онъ ему—наряжается только противу умышленно виноватыхъ, а за неумѣніе распорядиться дѣлаются замѣчанія, которыя должны служить наставленіемъ и предостереженіемъ впредь въ подобныхъ случаяхъ отъ ошибокъ».

Раевскому также сдѣланъ былъ строгій выговоръ. Въ своемъ желаніи оправдать Сакена, онъ распространился о блистательномъ дѣйствіи кавалеріи 19-го числа, и затѣмъ сослался на изнуреніе лошадей, два дня не выходившихъ изъ-подъ сѣделъ. Раевскій замѣтилъ при этомъ въ своемъ объясненіи, что регулярная кавалерія наша не можетъ уступать ни въ храбрости, ни въ усердіи мусульманамъ, хотя на сей разъ и не отбила ни знаменъ, ни пушекъ. Паскевичъ положилъ на этомъ резолюцію: «Напрасно генералъ-маіоръ повѣствуетъ о 19-мъ числѣ, о которомъ его не спрашиваютъ, и могъ бы все получше писать, за что дѣлается замѣча-

ніе». Выговоръ объявленъ былъ формально въ предписаніи ([16]). «Я прежде васъ знаю Нижегородскій полкъ, который былъ со мною въ прошедшіе три года», писалъ въ немъ Паскевичъ: «и знаю, что движеніе 19-го числа и неимѣніе на ночь травянаго корма, при хорошей, впрочемъ, дачѣ ячменя, не могли привести лошадей его въ такое изнуреніе, чтобы онѣ на слѣдующій день не могли проскакать 20 верстъ въ продолженіи пяти часовъ. За такую неосмотрительность въ донесеніи дѣлаю вамъ выговоръ, оставаясь увѣреннымъ, что ваше превосходительство впредь по дѣламъ службы будете внимательнѣе».

Такъ строго, и такъ требовательно, даже и при блестящихъ успѣхахъ нашего оружія, относились въ тѣ отдаленныя времена къ дѣйствіямъ русской кавалеріи на поляхъ сраженій.



Медали въ память сраженій на Саганлугѣ и занятія Арзерума.

Горный походъ къ Трапезонту.

IX.

Въ глубинѣ Анатоліи.

1829 г.

Ночь послѣ побѣды.—Дорога къ Арзеруму: Зевинъ, Ардостъ и Керпи-Кевъ.—Фальшивая тревога.—Нижегородцы въ Гассанъ-Кала.—Трагическій случай съ офицеромъ.—У воротъ Арзерума.—Въ столицѣ Анатоліи.—Нижегородскій полкъ въ передовомъ отрядѣ Муравьева.—Бейбуртская катастрофа.—Появленіе новаго сераскира.—Бой 27 іюня у Харта.—Движеніе по пути къ Трапезонту и Сивазу.—Позиція у Килкитъ-Чафтлика.—Экспедиція къ Гюлюшъ-Хане.—Отъѣздъ Раевскаго.—Новый начальникъ кавалеріи—князь Голицынъ.—Возстаніе въ тылу Паскевича.—Возвращеніе въ Арзерумъ.

Южная ночь, быстро, почти безъ сумерокъ, смѣнившая южный день, какъ только солнце скрылось за горизонтомъ, застала Нижегородцевъ на меджингертской дорогѣ, по которой въ безпорядкѣ бѣжала

разбитая турецкая армія. Преслѣдованіе остановилось. Возвращаться въ лагерь было поздно, и полкъ, переночевавъ кое-какъ бивуакомъ, тамъ, гдѣ его застали послѣдніе лучи дневного свѣтила, вернулся въ Миллидюзъ только поутру. Здѣсь онъ засталъ гренадерскую бригаду уже готовою къ походу, и вмѣстѣ съ нею 21-го іюня пошелъ обратно въ Кара-Курганъ (1). Паскевичъ ѣхалъ верхомъ и, обгоняя по пути войска, поздравлялъ ихъ съ побѣдой. Онъ торопился воспользоваться такъ благопріятно сложившимися для него обстоятельствами, и шелъ на Арзерумъ.

Въ Кара-Курганѣ войска ночевали. Отсюда верстъ на десять лежала чрезвычайно гористая мѣстность, и голыя скалы, громоздясь одна на другую, до того съуживали кругозоръ, что только съ послѣдняго гребня войска увидѣли наконецъ живописный замокъ Зевинъ, стоящій на высокомъ, неприступномъ утесѣ. Только около него и виднѣлась небольшая зеленая лужайка, орошенная прозрачною горною рѣчкой, и только этотъ зеленый клочокъ, какъ оазисъ, среди безлюдныхъ и голыхъ окрестностей, одинъ вырисовывался на сѣромъ, почти безцвѣтномъ фонѣ горъ. Старинный замокъ былъ полуразрушенъ, но стѣны его были еще такъ крѣпки, и положеніе такъ неприступно, что Паскевичъ обратилъ его въ складочный пунктъ на пути своего сообщенія съ Карсомъ. Двѣ роты тотчасъ заняли замокъ, а остальныя войска прошли мимо и ночевали въ Ардостѣ. Отсюда въ трехъ верстахъ протекалъ Араксъ, и близость его выражалась уже ощутительною перемѣною климата. Вечеръ былъ душный, и люди примѣтнѣе стали чувствовать слабость и утомленіе. Невольно вспоминалась всѣмъ знойная, нездоровая долина того же Аракса въ Персіи (2).

Дальнѣйшій путь до Керпи-Кева не представлялъ ничего замѣчательнаго, но былъ гораздо легче и пріятнѣе. Саганлугскія горы остались уже далеко позади, и мѣстность пошла живописнѣе; чаще попадались долины, украшенныя свѣжею зеленью, или встрѣчались поля, колосившіяся пшеницею; только по ту сторону Аракса, на самомъ горизонтѣ, виднѣлись все тѣ же черныя, безлѣсныя горы, съ клочками еще не стаявшаго снѣга (3).

Деревня Керпи-Кевъ стоитъ на лѣвой сторонѣ Аракса, и войска расположились бивуакомъ на самомъ берегу рѣки, возлѣ красиваго, древняго моста, постройку котораго относятъ ко временамъ Дарія Гистаспа. Здѣсь, въ виду этого историческаго памятника, Паскевичъ получилъ извѣстіе, что приближеніе русскихъ вызвало страшную панику во всемъ арзерумскомъ пашалыкѣ, и что Гассанъ-Кала — «этотъ стражъ арзерумской

долины», какъ называли его турки, покинутъ своимъ гарнизономъ. Армяне говорили, что сераскиръ не могъ остановить общаго бѣгства, и желая спасти хоть что нибудь изъ огромныхъ запасовъ, собранныхъ въ крѣпости, спѣшилъ перевозить ихъ на жительскихъ арбахъ въ Арзерумъ.

Отъ Керпи-Кева до Гассанъ-Кала всего 15 верстъ, и Паскевичъ выслалъ изъ лагеря всю иррегулярную конницу, подъ начальствомъ князя Бековича-Черкасскаго,—узнать въ чемъ дѣло, и если можно, захватить то, чего не успѣли еще увезти изъ крѣпости. Бековичъ занялъ Гассанъ-Кала безъ сопротивленія и нашелъ въ немъ 29 орудій, порохъ, снаряды и нѣсколько хлѣбныхъ магазиновъ. 80-ть армянскихъ семействъ, оставшихся въ городѣ и составлявшихъ теперь все его населеніе, встрѣтили русскихъ съ хлѣбомъ и солью.

На слѣдующій день въ полдень къ Гассанъ-Кала подошла пѣхота дѣйствующаго корпуса, а кавалерійская бригада Раевскаго, отвлеченная въ сторону фальшивою тревогой, прибыла только подъ вечеръ. «Передъ выступленіемъ конницы», разсказываетъ объ этомъ эпизодѣ А. С. Пушкинъ ([4]), «явились въ нашъ лагерь армяне, живущіе въ городѣ, требуя защиты отъ турокъ, которые три дня тому назадъ отогнали ихъ скотъ. Полковникъ Анрепъ, хорошо не разобравъ, чего они хотѣли, вообразилъ, что турецкій отрядъ находится въ горахъ, и съ однимъ эскадрономъ уланскаго полка поскакалъ въ сторону, давъ знать Раевскому, что три тысячи турокъ находятся въ горахъ. Раевскій отправился вслѣдъ за нимъ, дабы подкрѣпить его въ случаѣ опасности. Я почиталъ себя прикомандированнымъ къ Нижегородскому полку, и съ великою досадою поскакалъ на освобожденіе армянъ. Проѣхавъ верстъ двадцать, въѣхали мы въ деревню и увидѣли нѣсколько отставшихъ улановъ, которые, спѣшась, съ обнаженными саблями преслѣдовали нѣсколькихъ куръ. Здѣсь одинъ изъ поселянъ растолковалъ Раевскому, что дѣло шло о трехъ тысячахъ воловъ, три дня назадъ отогнанныхъ турками, и которыхъ весьма легко будетъ догнать дня черезъ два. Раевскій приказалъ уланамъ прекратить преслѣдованіе куръ и послалъ полковнику Анрепу повелѣніе воротиться. Мы поѣхали обратно, и выбравшись изъ горъ, прибыли подъ Гассанъ-Кале. Но такимъ образомъ дали мы сорокъ верстъ крюку, дабы спасти жизнь нѣсколькимъ армянскимъ курицамъ».

Гассанъ-Кала, древній Ѳеодосіополисъ, почитался ключемъ Арзерума. Самый городъ выстроенъ у подошвы скалы, а скала увѣнчана крѣпостью,

тогда уже заросшею травой и бурьяномъ. Кругомъ горячіе минеральные источники, въ которыхъ солдаты купались съ особымъ удовольствіемъ. Не обошлось, однако, и безъ печальнаго происшествія. Молодой Нижегородскій офицеръ, прапорщикъ Панковъ, кинулся въ одинъ изъ такихъ ключей, не изслѣдовавъ его предварительно, — и едва не сварился: его вытащили полуживого (5).

25-го іюня, въ день рожденія императора Николая Павловича, въ лагерѣ, раскинувшемся въ красивой долинѣ, надъ которой угрюмо возвышала Гассанъ-Кала свои ветхія стѣны, полки отслушали молебенъ, а въ пять часовъ пополудни войска уже шли впередъ, чтобы на утро стать у воротъ Арзерума. Во время ночлега на рѣчкѣ Наби-чай пріѣхали турецкіе парламентеры. Они просили, чтобы русскіе остановились и отсюда вели переговоры, опасаясь, что появленіе ихъ передъ столицей можетъ воспламенить фанатизмъ необузданной черни. Главнокомандующему это показалось подозрительнымъ, и онъ отвѣчалъ, что только у стѣнъ Арзерума предложитъ свои условія. Войска тронулись дальше, а за рѣчкой Наби-чай, гдѣ оканчивается Гассанъ-калинская равнина, стали подниматься на хребетъ Деве-Бойне. Теперь Деве-Бойне пріобрѣло уже историческую извѣстность, но тогда оно осталось въ памяти войскъ только потому, что дорога пролегала по узкимъ ущельямъ, а порывистый, сильный вѣтеръ и движеніе войскъ по известковому грунту подняли такую страшную пыль, что въ 20-ти шагахъ ничего нельзя было видѣть. Но вотъ миновали ущелья, и съ вершинъ Деве-Бойне передъ глазами нашихъ колоннъ развернулась картина обширной столицы Анатоліи. Впереди слышались выстрѣлы. Турецкая конница, выѣхавшая изъ города, перестрѣливалась съ нашими казаками; войска между тѣмъ разбили лагерь, и главнокомандующій послалъ князя Бековича въ Арзерумъ заключить капитуляцію.

Переговоры длились около сутокъ, и только 27-го іюня, въ день полтавской битвы, Арзерумъ отворилъ ворота. Колонна Панкратьева тотчасъ заняла цитадель, и чуждое городу христіанское знамя, впервые послѣ павшаго здѣсь много вѣковъ тому назадъ владычества римлянъ, развернулось на башнѣ Арзерума. Войска, стоявшія на окрестныхъ высотахъ, внѣ города увидѣли его и привѣтствовали крикомъ ура и пушечными залпами (6).

Черезъ нѣсколько дней въ русскій лагерь привезли плѣннаго сераскира, главу здѣшней земли, и съ нимъ трехъ пашей. Имъ и довелось

быть свидѣтелями военнаго торжества, которымъ Паскевичъ ознаменовалъ покореніе столицы. Какъ въ день рожденія государя, войска молились подъ стѣнами Гассанъ-Кала, такъ теперь, 1-го іюля, въ день рожденія императрицы, торжественное молебствіе совершалось подъ Арзерумомъ, и звонъ колокола разнесся по окрестнымъ полямъ послѣ вѣкового молчанія. Греки и армяне плакали отъ умиленія.

— Смотрите на эти трофеи, говорилъ Паскевичъ, указывая войскамъ на турецкія знамена, развѣвавшіяся передъ его палаткой,—это плоды славныхъ побѣдъ, приведшихъ васъ къ Арзеруму (7).

Разговаривая съ пашами послѣ парада, кто-то спросилъ одного изъ нихъ: Почему вы не защищали Арзерума? «Карсъ—отвѣчалъ на это паша—славился у насъ твердостью стѣнъ, Ахалцыхъ—храбростію жителей, Арзерумъ—хорошенькими женщинами. Какой же защиты хотѣли вы отъ такого города?» Но у васъ много войскъ, а насъ, посмотрите, какъ мало.— «Вашъ генералъ побѣждаетъ не силой, а разумомъ», отвѣчалъ паша (8).

Только 7-го іюля послѣдовало, наконецъ, торжественное вступленіе русскихъ войскъ въ Арзерумъ. Впереди всѣхъ ѣхалъ Паскевичъ; за нимъ по тѣснымъ азіятскимъ улицамъ шли полки, и выходили на единственную площадь, гдѣ были собраны всѣ старшины, беки, муллы и кадіи города. Въ тотъ же день курьерская тройка неслась по проторенной дорожкѣ черезъ Саганлугскія горы, увозя на дальній сѣверъ турецкія знамена, добытыя въ столицѣ Анатоліи. Прошло немного времени, и по той же дорожкѣ опять скакала фельдъегерская тройка, но уже изъ Карса въ столицу Азіятской Турціи. Курьеръ везъ Паскевичу орденъ св. Георгія 1-го класса.

Памятникомъ этихъ событій въ войскахъ осталась и понынѣ слѣдующая безхитростная солдатская пѣсня:

Государевы солдаты
Говорятъ промежъ себя:
Трудно быть намъ въ Арзерумѣ,
Но мы выкажемъ себя,

Но мы будемъ въ Арзерумѣ,
Хоть примѣрно говоря,
Этотъ городъ у Султана,
Тожъ, что Питеръ у царя.

Будь онъ золотомъ унизанъ
И брильянтами мощенъ,
Будь какъ ранецъ плотно пригнанъ,
И какъ перевязь лощенъ,—

Но едва лишь графъ Паскевичъ
Громкимъ голосомъ вскричитъ:
«Взять его мнѣ, братцы, духомъ!»—
Такъ онъ мигомъ затрещитъ.

Вѣдь не такъ ли насъ начальство
Къ Ахалцыху подвело—
Турки плюнули картечью,
И сраженіе пошло.

Какъ пошло оно,—имъ перцу
Закатили старики,
И все вражье генеральство
Посадили на штыки.

Такъ неужто-жь сераскира
Не закрутимъ мы смерчемъ?
Эка, невидаль какая!
Онъ намъ просто нипочемъ!

Въ самомъ дѣлѣ, старичишка
Мерзъ со страху, словно ляхъ,
И едва завидѣлъ графа—
Графу въ ноги чубурахъ!

И взмолился по каковски,
И объ землю стукнулъ лбомъ,
И своимъ поганымъ царствомъ
Государю билъ челомъ.

О, тогда-то лишь солдаты,
Такъ забравшись далеко,
Догадались, что для русскихъ
Все возможно, все легко,

Что когда царь слово скажетъ,
Да начальникомъ у нихъ
Быть Паскевичу прикажетъ,
То враги и ахъ! и ихъ!

Взятіе Эрзерума.

(Изъ альбома Машкова).

Что съ такимъ вождемъ героемъ
Ихъ въ походъ лишь поведутъ,
Они солнце завоюютъ,
Мѣсяцъ за поясъ заткнутъ;

И хватая съ неба звѣзды,
Ихъ потомъ въ святую Русь
Перешлютъ къ своимъ родимымъ
Вмѣсто жемчуга и буссъ!

На театрѣ военныхъ дѣйствій наступило между тѣмъ затишье. Нижегородскому полку не удалось, однако, отдохнуть отъ похода среди соблазновъ восточной столицы, на которыя намекалъ плѣнный паша. 11-го іюня, почти немедленно по вступленіи въ городъ, онъ высланъ былъ въ д. Ашъ-Кала, въ передовой отрядъ Муравьева, наблюдавшій за константинопольской дорогой (9). Въ то же время другой отрядъ генерала Бурцева занялъ на пути къ Трапезонту городъ Бейбуртъ.

За Бейбуртомъ начинались земли воинственныхъ лазовъ, о неимовѣрной храбрости которыхъ молва наполняла всю Азію, и даже создала пословицу, что «лазъ за маленькимъ камышкомъ высидитъ пять дней и отобьется отъ пятерыхъ противниковъ». И здѣсь-то послѣдовала та катастрофа, которая неожиданно опрокинула всѣ наши расчеты на спокойное окончаніе войны и вызвала чрезвычайныя осложненія. 21-го іюля въ Арзерумѣ получено было извѣстіе, что Бурцевъ атаковалъ селеніе Хартъ, занятое лазами, былъ убитъ, и отрядъ его съ огромною потерей отступилъ въ Бейбуртъ. «Всѣмъ было жаль храбраго Бурцева», говоритъ въ своихъ запискахъ Пушкинъ, «но это происшествіе могло быть печально и для всего нашего малочисленнаго войска, зашедшаго далеко въ чужую землю и окруженнаго непріязненными народами, готовыми возстать при слухѣ о первой неудачѣ» (10). Паскевичъ понималъ это, и тотчасъ двинулъ къ Бейбурту весь отрядъ Муравьева, а вслѣдъ за нимъ выступилъ и самъ съ гренадерской бригадой, двумя казачьми полками и 18 орудіями (11).

25-го іюля войска прошли черезъ Бейбуртъ и стали верстахъ въ десяти отъ него на трапезонтской дорогѣ. Изъ немногихъ свѣдѣній, доставленнныхъ лазутчиками, было извѣстно, что передъ нами находится весь трапезонтскій корпусъ, около котораго группируются лазы. Командовалъ имъ Османъ-Чатыръ-Оглы, прошлогодній защитникъ Анапы,—те-

перь назначенный сераскиромъ вмѣсто плѣннаго Гаджи-Селеха. Непріятель занималъ нѣсколько укрѣпленныхъ деревень, облегавшихъ Бейбуртъ полукружіемъ, и въ томъ числѣ Хартъ. На этотъ-то послѣдній Паскевичъ и рѣшилъ направить свой первый ударъ, чтобы возмѣстить сторицею пролитую здѣсь русскую кровь (12).

27-го іюля, въ два часа пополудни, весь русскій корпусъ въ боевомъ порядкѣ двинулся къ Харту. Въ верстѣ отъ этой деревни, въ виду кладбища, нѣмого свидѣтеля геройскихъ усилій Бурцева, вся русская кавалерія съ четырьмя орудіями выдвинулась впередъ, и подъ ея заслономъ пѣхота потянулась вправо, чтобы отрѣзать лазовъ отъ горъ. Грохотъ начавшейся канонады разнесъ, между тѣмъ, тревогу по окрестнымъ селеніямъ, и непріятельская пѣхота выдвинулась изъ-за горъ двумя большими отрядами.

Позади деревни, къ сѣверу отъ нея, возвышался скалистый остроконечный пикъ, рѣзко выдѣлявшійся изъ всей массы горъ своею оригинальной формой. Этотъ-то пикъ и занялъ одинъ изъ турецкихъ отрядовъ, тогда какъ другой остановился на одномъ изъ горныхъ уступовъ. Прежде чѣмъ атаковать Хартъ, занятый восемью тысячами лазовъ, Паскевичу нужно было теперь разбить непріятельскіе секурсы и отнять у защитниковъ деревни всякую надежду на помощь извнѣ.

Было уже шесть часовъ пополудни, приближался вечеръ, и главнокомандующій, торопясь покончить дѣло до наступленія темноты, приказалъ Грузинскому батальону сбить непріятеля съ горнаго уступа, а батальону Ширванскаго полка овладѣть остроконечнымъ пикомъ. Для поддержанія Грузинцевъ былъ выдвинутъ весь Нижегородскій полкъ съ двумя донскими орудіями. Грузинцы первые и начали атаку. Подъ покровительствомъ огня огромной батареи изъ 24 орудій, и поддержанные спѣшенными эскадронами драгунъ—3-мъ, маіора Семичева и 4-мъ, штабсъ-капитана Гавронскаго, они быстро овладѣли горнымъ уступомъ (13). Но Ширванцамъ исполнить задачу было гораздо труднѣе, такъ какъ имъ приходилось дѣйствовать безъ помощи артиллеріи, снаряды которой не долетали до вершины горы. Поэтому 1-й дивизіонъ Нижегородскаго полка на рысяхъ передвинутъ былъ къ подошвѣ остроконечнаго пика, гдѣ засталъ часть нашей иррегулярной конницы (14). Ширванцы въ это время штурмовали гору. Они шли безъ выстрѣла, и черезъ полчаса шанцы, вѣнчавшіе пикъ, были взяты штыками. Сброшенные внизъ, лазы не успѣли опом-

ниться, какъ были окружены русскою конницею: два конно-мусульманскіе полка и двѣ сотни линейцевъ неслись на нихъ слѣва, дивизіонъ Нижегородцевъ — 1-й эскадронъ, Маркова, и 3-й, Казасси — съ двумя донскими орудіями—справа. Лазы разорваны были на двое. Поручикъ князь Зурабъ Чавчавадзе ([15]), съ горстію Нижегородскихъ драгунъ, первый проложилъ себѣ дорогу сквозь ряды непріятеля и заскакалъ имъ въ тылъ. Лошадь подъ нимъ была убита; онъ дрался пѣшій, получилъ рану, но не пустилъ лазовъ въ горы. Тѣмъ временемъ подоспѣли татарскіе полки—и лазы очутились въ отчаянномъ положеніи: ихъ поражали картечью и пулями, топтали конями, рубили, и рѣзали кинжалами. Видя невозможность пробиться, непріятель дрался съ такимъ ожесточеніемъ, что цѣлыя партіи, разстрѣлявъ патроны, выхватывали кинжалы и рѣзали другъ друга, чтобы избѣгнуть плѣна. Бой, почти небывалый по кровопролитію, происходилъ на такомъ тѣсномъ пространствѣ, что даже зарядные ящики оказались избитыми пулями. Долина была завалена трупами, и лишь не многимъ лазамъ удалось, прорвавшись сквозь этотъ страшный кругъ огня и желѣза, укрыться въ горы. Этимъ кровавымъ эпизодомъ и закончился день 27-го іюля.

Темная ночь, быстро спустившаяся на окрестности, и густой туманъ, заслонившій отъ глазъ даже ближайшіе предметы, остановилъ дальнѣйшія дѣйствія противъ Харта. Войска окружили селеніе со всѣхъ сторонъ: съ востока и сѣвера стояла пѣхота, съ юга и запада—конница.

Часовъ въ 11 ночи, когда въ русскихъ лагеряхъ уже все успокоилось,—вдругъ страшная ружейная трескотня на сѣверныхъ горахъ подняла всѣхъ на ноги. Ширванцы внезапно были атакованы съ тыла самимъ Османъ-пашею, прибывшимъ изъ Балахора, чтобы помочь жителямъ Харта вырваться изъ тѣсной блокады. Мракъ ночи и неизвѣстность, въ какомъ положеніи находится сраженіе, поставили Паскевича въ нѣкоторую нерѣшимость, что предпринять. Къ счастію скоро прискакалъ офицеръ съ донесеніемъ, что нападеніе отбито, и Ширванцы удержали позицію. Но едва перестрѣлка смолкла на сѣверной сторонѣ, какъ началась на западной и южной.

Нападеніе Османъ-паши дало надежду лазамъ, окруженнымъ въ деревнѣ, воспользоваться ночною суматохой, чтобы вырваться въ поле. Толпы ихъ, хлынувшія изъ западныхъ и южныхъ воротъ, стремительно ударили на нашу конницу и стали пробиваться. На западной сторонѣ

попытка эта, однако, не увѣнчалась успѣхомъ. Драгунская цѣпь, быстро сомкнувшаяся во взводы, подъ командою храбрыхъ офицеровъ Акимова, Шиллинга, и трехъ князей Чавчавадзе, быстро переградила путь лазамъ, и часть ихъ была изрублена, а остальные втоптаны обратно въ деревню. Но на южной сторонѣ успѣхъ, напротивъ, былъ на сторонѣ непріятеля: тамъ лазы прорвали рѣдкую конно-мусульманскую цѣпь, и пока на помощь къ ней прискакалъ полуэскадронъ Нижегородцевъ, съ штабсъ-капитаномъ Коцебу, они уже миновали равнину и скрылись въ горахъ (16).

Этотъ эпизодъ ускорилъ, однако, общую развязку. Пѣхота, двинутая Паскевичемъ, ворвалась въ деревню съ разныхъ сторонъ, и все, что находилось въ ея стѣнахъ, было истреблено поголовно. Въ Хартѣ нашли до 80 тѣлъ замученныхъ русскихъ солдатъ,—кровавый слѣдъ послѣдняго Бурцевскаго штурма; большая часть ихъ была обезглавлена, съ нѣкоторыхъ содрана кожа, иные, обугленные, висѣли надъ потухшими кострами. Всѣ эти 80 изуродованныхъ труповъ, свидѣтельствовавшихъ о фанатическомъ разгулѣ дикихъ страстей, которымъ предавались лазы, торжествуя побѣду, были преданы землѣ въ одной общей братской могилѣ (17).

Пока пѣхота со всѣхъ сторонъ зажигала Хартъ, и солдаты, пренебрегая добычей, бросали въ огонь имущество жителей, кавалерія ушла преслѣдовать непріятеля. Полковникъ Анрепъ съ своими уланами и 2-мъ конно-мусульманскимъ полкомъ двинулся къ Балахору; Раевскій съ Нижегородцами, и тоже съ конно-мусульманскимъ полкомъ Ускова, принялъ нѣсколько въ сторону, чтобы осмотрѣть сосѣднія горы. Но въ то время, какъ драгунамъ встрѣчались на пути лишь одиночныя бѣгущія партіи, Анрепъ открылъ у Балахора турецкій лагерь, гдѣ находилось до трехъ тысячъ пѣхоты и конницы съ самимъ Османъ-пашею. 2-й конно-мусульманскій полкъ тотчасъ пошелъ въ атаку, но встрѣченный сильною турецкою конницей, былъ опрокинутъ. Устроившись, татары повторили атаку—и снова были отбиты. Между тѣмъ въ тылу у непріятеля замѣчено было усиленное движеніе—тянулись обозы, отступала пѣхота. Одинъ изъ офицеровъ Серпуховского уланскаго полка вызвался разыскать Раевскаго и привести его къ Балахору. Но Раевскій самъ уже скакалъ на выстрѣлы. 1-й дивизіонъ Нижегородцевъ, съ маіоромъ Марковымъ, тотчасъ понесся въ атаку и, вмѣстѣ съ татарами Анрепа, сразу захватилъ два орудія и знамя. 2 и 3-й дивизіоны блистательно поддержали атаку.

Поручикъ Петренко и рядовой Захарій Чернышовъ (изъ декабристовъ) первые врубились въ толпы непріятеля; прапорщикъ Масленниковъ опрокинулъ съ конемъ и захватилъ въ плѣнъ важнаго лазистанскаго бека; рядовые Яневичъ и Барковскій также находились въ передовыхъ рядахъ, и подъ Барковскимъ убита лошадь, а Яневичъ участвовалъ во взятіи знамени (18). Много было совершено и другихъ подвиговъ, не попавшихъ въ реляцію. Да ихъ не могло и не быть, потому что все, что было захвачено у Балахора и не успѣло отступить заблаговременно, подверглось полному истребленію. Два орудія, знамя, лагерь, весь артиллерійскій паркъ, цѣлые табуны лошадей, скота и барановъ, наконецъ имущество жителей нѣсколькихъ деревень, торопившихся удалиться въ горы вслѣдъ за войсками,—все сдѣлалось добычею нашей кавалеріи. Въ плѣнъ взято болѣе 150 человѣкъ, и въ томъ числѣ нѣсколько турецкихъ сановниковъ. Такимъ образомъ всѣ силы турокъ, собранныя въ Лазистанѣ, были сразу разбиты и разсѣяны.

Русская кавалерія остановилась въ Балахорѣ, и сюда же, 4-го августа, подошелъ Паскевичъ. На слѣдующій день Нижегородцы участвовали въ рекогносцировкѣ, произведенной по пути къ Трапезонту. Носились слухи, что около небольшой крѣпостцы Куансъ-Кале собираются разбитые лазы; но дорога туда, извиваясь по косогорамъ узкихъ ущелій, со страшными обрывами и кручами, оказалась до того затруднительной, что на десятой верстѣ пришлось бросить всю полевую артиллерію, а далѣе не было пути даже для конницы. Одинъ надъ другимъ громоздились горные хребты, пересѣкавшіе дороги къ Гюмюшъ-хане и Трапезонту,—и не было, казалось, этимъ хребтамъ ни конца, ни предѣловъ. Не подлежало сомнѣнію, что здѣсь пройти съ обозами невозможно, и кавалерія къ вечеру вернулась къ Балахору (19).

Оставивъ въ сторонѣ Трапезонтъ, Паскевичъ рѣшился сдѣлать нѣсколько переходовъ впередъ по сивазской дорогѣ, чтобы этимъ движеніемъ прикрыть покорные санджаки Арзерумскаго пашалыка и позволить жителямъ убрать свой хлѣбъ, обезпечившій бы намъ продовольствіе на все зимнее время. Продовольственный вопросъ, дѣйствительно, выдвигался тогда на первую очередь, такъ какъ приближалась пора, когда Саганлугскія горы покрываются снѣгомъ, и доставка провіанта должна была прекратиться не только изъ Грузіи, но и изъ ближайшаго Карскаго пашалыка. На третій день похода, 8-го августа, войска прибыли

въ Калкитъ-Чифтликъ,—большое мѣстечко, лежавшее всего въ полутораста верстахъ отъ Сиваза. Весь путь, по которому прошли войска, представлялъ собою богатыя пажити. Въ сторонѣ виднѣлось много большихъ деревень, паслись стада, и ходили отары овецъ; поля были засѣяны пшеницею, и повсюду виднѣлись канавы, говорившія объ искусственномъ орошеніи. А кругомъ, замыкая горизонтъ, стояли все тѣ же безлѣсныя, голыя горы, на которыхъ ничего не росло, кромѣ травы, и то давно уже выгорѣвшей отъ солнца.

Въ Килкитъ-Чифтликѣ узнали, что не вдалекѣ стоитъ 9-тысячный турецкій корпусъ, на-дняхъ прибывшій изъ Трапезонта, съ цѣлью прикрыть дороги къ Сивазу и Токату. Сгущавшіяся сумерки вынудили отложить атаку до утра; но непріятель въ глухую полночь снялся съ позиціи и отступилъ по разнымъ направленіямъ. Посланная за нимъ кавалерія едва успѣла настигнуть только его обозы ([20]).

Передъ русскими войсками лежалъ теперь открытый путь до самаго Сиваза, и главнокомандующій уже намѣревался занятіемъ его завершить кампанію,—какъ вдругъ получились новыя извѣстія о тревожномъ положеніи дѣлъ въ тылу и на флангахъ. Окрестности Арзерума, Баязета, Карса, Ардагана—все было охвачено пожаромъ возстанія. При такихъ условіяхъ отходить еще дальше отъ русскихъ границъ было невозможно, и Паскевичъ отказался отъ покоренія Сиваза.

Но прекращая наступательныя дѣйствія и измѣняя весь планъ кампаніи, онъ не хотѣлъ дать этого замѣтить туркамъ и рѣшилъ сдѣлать еще разъ диверсію къ сторонѣ Трапезонта, чтобы принудить новаго сераскира заботиться больше о собственной защитѣ, чѣмъ о нападеніяхъ. Съ этою цѣлью главнокомандующій приказалъ графу Симоничу занять городъ Гюмюшъ-Хане, лежавшій всего въ 75 верстахъ отъ Трапезонта, и славившійся богатыми серебряными рудниками. Въ составъ небольшого отряда назначенъ былъ и 2-й дивизіонъ Нижегородскаго полка, подъ командой маіора князя Баратова. Ему суждено было, такимъ образомъ, досигнуть крайняго пункта, до котораго доходилъ корпусъ графа Паскевича въ войну 1829 года.

Отрядъ выступилъ 12-го августа ([21]) и тотчасъ вошелъ въ такія ущелья, что легкіе горные единороги приходилось поддерживать веревками, чтобы они не скатились съ утесовъ, и все-таки одинъ сорвался и придавилъ двухъ артиллеристовъ. Три раза орудія разбирали

совсѣмъ и переносили на рукахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ невозможно было проѣхать верхомъ, и даже привычные къ горамъ мусульмане спѣшивались и осторожно проводили лошадей въ поводу. На самомъ перевалѣ, занимая вершину Гяуръ-Дага, стоялъ наблюдательный турецкій отрядъ. Графъ Симоничъ спѣшилъ Нижегородцевъ и приказалъ князю Баратову сбить непріятеля. Штабсъ-капитанъ Шапшіевъ и капитанъ Гринфельдъ повели свои эскадроны съ такою энергіей, что турки обратились въ бѣгство, и драгуны преслѣдовали ихъ по горамъ еще нѣсколько верстъ. Между тѣмъ наступила темная, беззвѣздная ночь, а войска ощупью все продолжали подвигаться впередъ за невозможностью остановиться на тропинкѣ, висѣвшей надъ бездною. Кое-какъ разыскали, наконецъ, небольшую площадку, и весь отрядъ ночевалъ на ней, сбившись въ тѣсную кучу.

Съ разсвѣтомъ 13-го августа двинулись дальше. Турецкія войска, занимавшія Гюмюшъ-Хане, ушли отсюда только за нѣсколько часовъ до прихода русскихъ; за ними бѣжали и жители мусульмане, предварительно разграбивъ дома христіанъ, оскорбивъ женщинъ и предавъ смерти нѣсколько человѣкъ, пытавшихся прибѣгнуть къ самозащитѣ. Всѣ эти неистовства прекращены были только съ появленіемъ Нижегородскихъ драгунъ, которые поспѣшили разогнать грабителей. Остальное населеніе, состоявшее преимущественно изъ грековъ, встрѣтило графа Симонича съ крестомъ и иконами. Городъ оказался раскинутымъ по такимъ горамъ, что не нашлось ровной площадки даже для того, чтобы стать бивуакомъ, и войска размѣстились у жителей: пѣхота въ домахъ, а Нижегородцы по садамъ, среди виноградныхъ лозъ и плодовыхъ деревьевъ. Легкія казачьи партіи, ходившія развѣдывать, куда отступилъ непріятель, возвратясь, разсказывали, что за Гюмюшъ-Хане дорога еще хуже пройденной и не вездѣ доступна даже для вьюковъ. Два дня провелъ отрядъ среди ликующаго христіанскаго населенія,—и въ эти дни, совпавшіе съ праздникомъ Успенія Божіей Матери, въ соборѣ была совершена, давно уже не совершавшаяся, торжественная литургія. Старинный съ почернѣвшими иконами храмъ, величественное служеніе митрополита, греческіе напѣвы, сохранившіеся здѣсь едва ли не съ первыхъ временъ христіанства, наполняли сердца присутствующихъ чувствомъ неизъяснимаго восторга. Въ первый разъ послѣ четырехъ-мѣсячныхъ походовъ, посреди отдаленныхъ горъ, молились русскіе солдаты въ стѣнахъ православнаго

храма, окруженные многочисленнымъ, единовѣрнымъ имъ населеніемъ. И самъ маститый митрополитъ, преклонявшій колѣна во время чтенія благодарственныхъ молитвъ, и духовенство, и весь народъ плакали счастливыми слезами. Имъ, незнакомымъ съ политикой, казалось, что пробилъ часъ ихъ вѣчнаго освобожденія, и что подъ охраною русскихъ штыковъ начнутся теперь для нихъ вѣка счастія и благоденствія. По домамъ всѣ разошлись счастливые и радостные.

Но часъ народной скорби, страха и общаго бѣдствія уже тяготѣлъ надъ городомъ. Вечеромъ прискакалъ курьеръ и привезъ графу Симоничу приказаніе оставить Гюмюшъ-Хане и отступить къ Балахору ([22]). Нельзя описать того потрясающаго впечатлѣнія, которое произвело это извѣстіе на жителей. Большинство рѣшилось покинуть родное гнѣздо и итти вслѣдъ за войсками, чтобы избѣжать жестокости турокъ. 18-го числа утромъ графъ Симоничъ выпроводилъ изъ города обозъ переселенцевъ, подъ прикрытіемъ Нижегородскихъ драгунъ, а въ сумеркахъ выступила за ними и пѣхота. Слухъ о томъ, что русскіе покидаютъ Гюмюшъ-Хане, въ тотъ же день дошелъ до сераскира, и утромъ городъ уже былъ занятъ турецкими войсками. Передовой отрядъ ихъ прошелъ еще дальше, и бивуачные огни его ясно были видны съ русскихъ пикетовъ. Ночь, однакоже, прошла спокойно. Непріятель очевидно не думалъ о преслѣдованіи. и графъ Симоничъ благополучно соединился съ Паскевичемъ.

Оригинальную, и крайне живописную картину представлялъ теперь русскій станъ, широко раскинувшійся на Балахорскихъ горахъ. Сотни христіанскихъ семействъ, бѣжавшихъ изъ Гюмюшъ-Хане и другихъ селеній, ютились тутъ же, по откосамъ скалъ, и смягчали собою рѣзкій колоритъ боевой обстановки. Русскіе солдаты, смѣшавшіеся съ жителями, заботливо ухаживали за малолѣтними дѣтьми и участливо дѣлили съ ними свой черствый сухарь. Длинные ряды бѣлыхъ палатокъ, то спускаясь въ долины, то поднимаясь на холмы, какъ бы естественнымъ пологомъ задернулись густою зеленью кустарника. Здѣсь и тамъ грозно выступали впередъ мѣдныя пушки, на жерлахъ которыхъ скользилъ послѣдній лучъ заходящаго солнца. Но въ особенности красивый видъ представлялъ кавалерійскій лагерь, пестрѣвшій всѣми цвѣтами радуги. Нижегородцы, уланы, донскіе и даже линейные казаки представляли собою Европу; далѣе шла Азія,—и, казалось, она собрала сюда представителей всѣхъ своихъ народностей, чтобы подъ русскимъ знаменемъ сражаться противъ

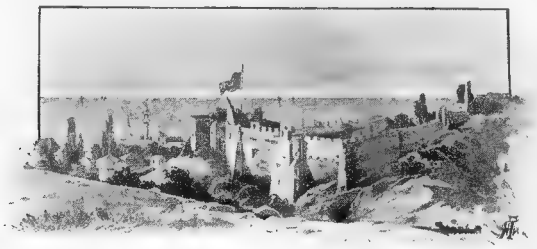
турокъ. Здѣсь были цѣлые полки мусульманъ нашихъ закавказскихъ провинцій, были чеченцы Бейбулата, конница Кенгерлы, команда карскихъ армянъ, сотня баязетскихъ турокъ, вольные курды, отрядъ дагестанскихъ горцевъ, наконецъ Дели и Гайты,—чистокровные османлы, подданные султана, еще недавно стоявшіе подъ бунчукомъ сераскира. И все это раскидывалось цыганскимъ табором, шумѣло, кричало, но не разумѣло другъ друга ([23]).

Войска въ Балахорѣ простояли два дня. Мѣстечко это лижитъ на развѣтвленіи двухъ главныхъ дорогъ къ Трапезонту, изъ которыхъ одна идетъ на западъ черезъ Гюмюшъ-Хане, другая на сѣверъ черезъ Каракабанскій перевалъ. Первая изъ нихъ уже была изслѣдована колонной графа Симонича и оказалась крайне неудобною. Оставалось сдѣлать попытку пройти по другой—на Каракабанъ, тѣмъ болѣе, что эта дорога почему-то носила названіе большого пушечнаго пути. Пошла вся кавалерія. На этотъ разъ при всякомъ новомъ подъемѣ всѣ съ любопытствомъ и жадностью всматривались въ даль, надѣясь окинуть взоромъ отдаленную синеву моря и увидѣть Трапезонтъ. Но гряды горъ, вздымаясь одна выше другой, заполняли собою весь горизонтъ, и всюду была та же безотрадная картина безконечныхъ хребтовъ, унизанныхъ острыми пиками, или разорванныхъ лѣсистыми ущельями. Дорога совсѣмъ не оправдывала своего названія. Даже легкая казачья артиллерія могла слѣдовать только до перваго перевала, который былъ такъ крутъ, что на него нельзя уже было ввезти орудій. Далѣе остановилась и регулярная конница. Паскевичъ продолжалъ путь съ одними азіятцами пока не исчезла послѣдняя тропа, убѣдивши всѣхъ, что далѣе итти невозможно.

Это былъ послѣдній походъ, въ которомъ участвовалъ генералъ Раевскій. На слѣдующій день, 25-го августа, онъ по болѣзни, давно уже подтачивавшей его организмъ, отправился въ отпускъ въ Россію, сдавъ начальство надъ кавалеріею генералъ-маіору князю Голицыну ([24]).

Военныя дѣйствія на сивазской дорогѣ прекратились. Паскевичъ уѣхалъ въ Арзерумъ, а войска, пройдя черезъ Бейбуртъ и взорвавъ его старую крѣпость, расположились опять на большомъ константинопольскомъ трактѣ: Муравьевъ съ пѣхотою у Ашъ-Калы, а князь Голицынъ со всею кавалеріею—у Мегмансура. Осень въ этомъ году наступила ранняя. Пасмурные, дождливые дни и темныя сентябрьскія ночи смѣнялись такими холодными утренниками, что на окрестныхъ высотахъ

трава покрывалась инеемъ, и въ мѣстахъ, занимаемыхъ пикетами, пришлось устраивать даже навѣсы для укрытія людей и лошадей отъ непогоды. Трудно было представить, чтобы лазы, лишенные пристанища, и вынужденные встрѣчать суровую непогоду въ глухихъ, едва проходимыхъ трущобахъ, отважились на новыя предпріятія. Пламя войны, казалось, потухло.



Видъ Трапезонта.

Сраженіе при Бейбуртѣ.

X.

Бейбуртъ (1829 г.).

ПОГАШЕНО

Новый походъ къ Бейбурту.—Рекогносцировка города.—Бой 27-го сентября.—Блистательный подвигъ Нижегородскаго полка.—Драгуны въ конномъ строю берутъ турецкія укрѣпленія.—Преслѣдованіе турокъ въ Испирскихъ горахъ.—Муравьевъ и князь Язонъ Чавчавадзе.—Деревня Урушты и вѣсть о заключеніи мира.—Послѣдній парадъ, закончившій турецкую войну.—Награды Нижегородцевъ.

Приближалось время зимнихъ квартиръ. Транспортъ за транспортомъ выходилъ изъ Арзерума по дорогѣ на Гумры, куда перевозили больныхъ и отправляли запасные парки. Ушла, наконецъ, и батарейная артиллерія, а за нею послѣдовали и два конно-мусульманскіе полка.

Слухъ, что русскіе уходятъ изъ Арзерума, мгновенно облетѣлъ весь край,—и общимъ единодушнымъ отголоскомъ народа было мнѣніе, что пришелъ часъ, когда мусульмане должны возстать поголовно и, прикрытые побѣднымъ знаменемъ пророка, исторгнуть наконецъ этотъ губительный мечъ изъ рукъ страшныхъ гяуровъ, ниспосланный на нихъ какъ небесная кара.

Одушевленію народа много способствовалъ новый сераскиръ Османъ-паша, самъ происходившій изъ воинственнаго племени лазовъ и успѣвшій изъ остатковъ разбитыхъ войскъ быстро сформировать регулярную армію, численность которой достигала 18-ти тысячъ пѣхоты и конницы. Сильные авангарды его, выдвинутые къ сторонѣ Арзерума, занимали Бейбуртъ и Килкитъ-Чифтликъ, а главныя силы стояли въ Гюмюшъ-Ханѣ, поджидая артиллерію, которую везли изъ Константинополя моремъ.

Первыя свѣдѣнія о сборахъ непріятеля главнокомандующій получилъ около 9-го сентября, когда небольшой отрядъ Миклашевскаго былъ посланъ въ Терджанскій санджакъ для сбора реквизиціоннаго хлѣба. Санджакъ, однако, былъ занятъ уже непріятелемъ. Тогда на помощь къ Миклашевскому быстро прибылъ Муравьевъ съ гренадерскою бригадой изъ Ашъ-Калы, и Нижегородскій полкъ изъ Мегмансура. Войска заняли Пекериджъ и преслѣдовали непріятеля до самой д. Пунъ, служившей резиденціей терджанскаго правителя. Селеніе было взято, и домъ правителя разрушенъ до основанія. Въ это время пронесся слухъ, что сераскиръ идетъ на Ашъ-Калу,—и Муравьевъ съ своею бригадой и Нижегородскимъ полкомъ долженъ былъ поспѣшить назадъ, чтобы загородить непріятелю путь къ Арзеруму.

Необыкновенная энергія турокъ, и слухъ, что сераскиръ переѣхалъ въ Бейбуртъ, чтобы быть ближе къ начинающимся военнымъ дѣйствіямъ, заставили Паскевича отказаться отъ намѣренія распустить войска на зимовыя квартиры. Ему необходимо было, напротивъ, воспользоваться сборомъ ихъ, чтобы разрушить замыслы непріятеля,—иначе подобное положеніе дѣлъ не могло обѣщать спокойствія въ завоеванномъ краѣ, и для охраны Арзерума пришлось бы оставить почти весь дѣйствующій корпусъ. Не теряя времени, Паскевичъ и рѣшилъ открыть наступательныя дѣйствія вторичнымъ походомъ въ Бейбуртъ (1). Сборы къ выступленію, конечно, тотчасъ же были замѣчены, и гонцы поскакали къ сераскиру съ извѣстіемъ, что русскіе уходятъ. Всѣ мысли были настроены

такъ, что другого исхода никто не хотѣлъ допустить—и тѣмъ полнѣе было разочарованіе, когда увидѣли, что русскіе идутъ не назадъ, а прямо въ Бейбуртъ. Все замерло въ тревожномъ ожиданіи—что будетъ?

26-го сентября кавалерія князя Голицына прибыла въ Мисъ-Майданъ—мѣдные заводы, лежащіе въ двухъ часахъ пути отъ Бейбурта, и здѣсь присоединилась къ главнымъ силамъ Паскевича, прибывшимъ изъ Арзерума. Въ три часа пополудни войска поднялись съ привала и двинулись впередъ по лѣвому берегу рѣки Чороха; на правую сторону переброшенъ былъ только Нижегородскій полкъ, да конница Гайты, подъ общимъ начальствомъ князя Голицына. Скоро тамъ завязалась перестрѣлка, не умолкавшая уже до самаго Бейбурта.

Но вотъ, наконецъ, и Бейбуртъ. Главнокомандующій, опередивъ войска, поднялся на горы и, осмотрѣвъ сквозь вечерній сумракъ турецкія укрѣпленія, приказалъ расположиться на ночлегъ. Нижегородскій полкъ перешелъ обратно черезъ рѣку и присоединился къ остальной кавалеріи. Ночью армяне доставили свѣдѣнія, что въ Бейбуртѣ находится 12-тысячный корпусъ, и что сераскиръ съ остальными силами идетъ изъ Балахора. Чтобы предупредить соединеніе двухъ корпусовъ, военный совѣтъ рѣшилъ атаковать Бейбуртъ на разсвѣтѣ.

27-го сентября, чуть стало свѣтать, Паскевичъ повелъ войска обходною дорогой, чтобы напасть на городъ съ западныхъ высотъ, какъ болѣе доступныхъ и дававшихъ возможность отбросить непріятеля въ противоположную сторону отъ Балахора. Казачій авангардъ скоро сбилъ передовой турецкій отрядъ, и наша пѣхота поднялась на горы, командующія городомъ. Отсюда былъ виденъ уже весь Бейбуртъ. Старая крѣпость его лежала въ развалинахъ, взорванная во время нашего перваго похода, и теперь оборона города заключалась только въ его крѣпкой мѣстности. Но за то мѣстность эта стоила хорошей цитадели. Со всѣхъ сторонъ вплотную придвинулись къ Бейбурту высокія и крутыя горы, доступныя только лишь съ запада. За этими горами, на востокъ, лежалъ Испирскій санджакъ, на сѣверъ—хартская равнина, памятная своими кровавыми боями. Съ западной стороны, гдѣ стоялъ Паскевичъ, городъ обнесенъ былъ шанцами съ двумя батареями, и тутъ же находился турецкій лагерь, прикрытый двумя редутами. Рѣка Чорохъ, обтекая городъ съ трехъ сторонъ и разрывая сѣверный кряжъ глубокимъ ущельемъ, несла свои воды черезъ ту же хартскую равнину къ далекому Черному

морю. На лѣвомъ берегу этой рѣки, тотчасъ по выходѣ изъ города, раскидывалось старое турецкое кладбище, на которомъ также стояла батарея (²).

Непріятель, сбитый съ передовыхъ высотъ, остановился въ верстѣ отъ города, откуда стали подходить къ нему подкрѣпленія. Ошибка непріятеля, рѣшившагося выйти изъ своихъ окоповъ, не укрылась отъ Паскевича. Онъ выждалъ время, когда непріятель значительно отдалился отъ города,—и подалъ сигналъ къ наступленію. Гренадерская бригада начала атаку. Турки, тѣснимые съ одной высоты на другую, наконецъ не выдержали и, бросившись бѣжать къ своимъ шанцамъ, заслонили собой всю линію укрѣпленій. Непріятельскій огонь оборвался. Въ это самое время изъ-за фланга нашей пѣхоты на полныхъ рысяхъ вынеслась кавалерійская бригада князя Голицына. Минута была самая рѣшительная. Уланы съ мѣста во весь опоръ пустились за непріятельской кавалеріей, отбили ее отъ города, и погнали по направленію къ Чорохскому ущелью. На долю Нижегородцевъ выпала еще болѣе трудная и славная работа. Вотъ что разсказываютъ объ этомъ участники бейбуртскаго боя.

Едва полкъ, подъ командой полковника князя Андроникова, выдвинулся въ колоннахъ къ атакѣ, какъ передъ нимъ лицомъ къ лицу очутилась свѣжая непріятельская конница, заслонившая собою бѣгущихъ. Обѣ конныя массы пріостановились, и въ безмолвномъ созерцаніи какъ бы измѣряли силы другъ друга. Но вотъ турецкій офицеръ, отдѣлившись отъ цѣпи фланкеровъ, подскочилъ въ упоръ къ драгунскому фронту и выстрѣлилъ изъ пистолета. Въ это мгновеніе князь Язонъ Чавчавадзе, стоявшій передъ первымъ взводомъ 1-го эскадрона, кинулся на него съ поднятою плетью. Офицеръ сталъ уходить. Чавчавадзе насѣлъ на него вплотную. Видя, что оба они подскакиваютъ къ турецкимъ линіямъ, и что Чавчавадзе не остановится, весь первый взводъ безъ приказанія ринулся за своимъ командиромъ; за взводомъ пустился весь первый эскадронъ, за первымъ второй—и черезъ мгновеніе всѣ шесть эскадроновъ бѣшено неслись на турецкіе окопы. Конница, стоявшая передъ ними, была сметена, и драгуны мчались прямо на шанцы... Между тѣмъ Язонъ Чавчавадзе и его противникъ скакали все дальше и дальше. Вотъ уже передъ ними и грозная линія батарей и редутовъ. Турецкій офицеръ вскочилъ въ укрѣпленіе. Чавчавадзе пріостановился только на мигъ—далъ шпоры, и бѣлый кабардинскій конь, отдѣлившись отъ земли и

распластавшись въ воздухѣ, какъ птица, перелетѣлъ окопъ и скрылся за брустверомъ. Чавчавадзе очутился одинъ среди тысячи турокъ. Но тѣ не пришли еще въ себя отъ изумленія при видѣ нежданнаго гостя, какъ принеслись и драгуны (3). Полковникъ Андрониковъ, вмѣстѣ съ 1-мъ дивизіономъ Маркова, ринулся на батарею—и черезъ мгновеніе уже сидѣлъ на пушкахъ. Два орудія сразу попали въ руки драгунъ; одно изъ нихъ было заряжено картечью. Тогда другой Чавчавадзе (Романъ) спрыгнулъ съ коня и, повернувъ орудіе, самъ сдѣлалъ изъ него послѣдній картечный выстрѣлъ по бѣгущимъ туркамъ. Такое же славное участіе выпало на долю въ битвѣ и остальнымъ эскадронамъ. 2-й дивизіонъ, капитана Гринфельдта, принявшій нѣсколько влѣво, вскочилъ на другую батарею и, изрубивъ прислугу, также овладѣлъ орудіемъ; въ то же время 3-й дивизіонъ, подъ командой маіора князя Баратова, оставляя за собою широкій кровавый слѣдъ въ рядахъ турецкой пѣхоты, пронесся черезъ весь укрѣпленный лагерь и вырвалъ его изъ рукъ непріятеля вмѣстѣ съ двумя редутами. Ни ружейный, ни пушечный огонь, ни рвы, ни укрѣпленные шанцы—ничто не остановило драгунъ. Они устремились въ улицы города и захватили еще одно орудіе. Такимъ образомъ, не прошло десяти минутъ отъ начала атаки, какъ вся линія городскихъ укрѣпленій, съ редутами и батареями, пала подъ ударомъ шести эскадроновъ драгунъ—подвигъ достойный быть отмѣченнымъ исторіею (4). Елизаветполемъ Нижегородскій полкъ началъ персидскую войну, и изумительной атакой Бейбурта окончилъ турецкую.

Паскевичъ съ высокаго холма видѣлъ эту бѣшеную атаку, и казался смущеннымъ. Онъ повторялъ съ волненіемъ:—куда, зачѣмъ они скачутъ? Онъ опасался, что вотъ-вотъ они попадутъ подъ картечный огонь съ укрѣпленій, но ему и въ голову не приходило, чтобы они скакали именно на эти укрѣпленія. Когда же все кончилось, и турецкія пушки стали бить по своимъ, онъ снялъ фуражку, обнялъ стоявшаго рядомъ генерала Потемкина и сказалъ ему: «Вотъ вамъ мои Нижегородцы! Они съ своимъ достойнымъ начальникомъ не знаютъ, что значитъ невозможное». Два адъютанта его, Сумбатовъ и князь Кудашевъ, тотчасъ поскакали въ Бейбуртъ передать драгунамъ «спасибо» главнокомандующаго (5).

Бой въ улицахъ города продолжался не долго, и большая часть турокъ бросилась бѣжать къ сторонѣ Испира. За ними поскакалъ Андрониковъ съ своимъ полкомъ и двинулась гренадерская бригада съ 10-ю

орудіями. Преслѣдованіе это, на протяженіи 15-ти верстъ, представляло собою рядъ непрерывныхъ стычекъ, такъ какъ драгуны, пользуясь каждою площадкой, попадавшейся въ этой едва проходимой мѣстности, спѣшивались и поражали турокъ штыками; пѣхота провожала ихъ ружейнымъ огнемъ и картечью. Къ сожалѣнію, картечь валила безъ разбора всѣхъ, и вмѣстѣ съ лазами ложились и цѣлыя семьи бейбуртскихъ обывателей. Преслѣдованіе окончилось, наконецъ, у рѣчки Короверы, гдѣ начинались скалы, рѣшительно уже недоступныя для конскаго копыта ([6]).

Въ достопамятной битвѣ этой Нижегородцы взяли три знамя, пять орудій съ полною упряжью и болѣе 250 плѣнныхъ ([7]). Но и ихъ потери были значительны: убито 41 и ранено 55 нижнихъ чиновъ, трое офицеровъ контужены; лошадей выбыло болѣе ста, и въ томъ числѣ убиты лошади подъ маіоромъ княземъ Баратовымъ и штабсъ-капитаномъ Горешневымъ ([8]).

«Бейбуртъ», говоритъ въ своихъ запискахъ князь Андрониковъ, «останется навсегда памятнымъ въ исторіи нашихъ войнъ въ Азіятской Турціи, и имя этого города должно быть занесено для славы Нижегородскаго полка въ боевую лѣтопись его буквами блестящими, а для турокъ и ихъ потомства—кровавыми» ([9]).

Была полночь, когда Нижегородскіе эскадроны вернулись въ Бейбуртъ и стали бивуакомъ. Страшную картину представляла собою эта темная, осенняя ночь съ 27-го на 28-е сентября. Бейбуртъ былъ зажженъ со всѣхъ сторонъ, и яркое пламя пожара то отражалось въ быстрыхъ волнахъ Чороха, то, взметаясь тысячами искръ, въ густомъ дыму поднималось къ небу и озаряло окрестныя горы. Въ городѣ слышался гулъ и трескъ разрушающихся зданій. Пожаръ не тушили, «и черезъ два дня», говоритъ очевидецъ, «само всесокрушающее время могло бы написать на развалинахъ Бейбурта: «былъ».

Ночь послѣ побѣды всегда торжественна и радостна; но на этотъ разъ тихо и печально было на бивуакахъ Нижегородцевъ. Случилось одно крайне непріятное происшествіе, угрожавшее отнять у полка одного изъ его лучшихъ боевыхъ офицеровъ—и это обстоятельство не могло не волновать ревнивыхъ къ своей славѣ Нижегородцевъ. Вотъ что разсказываютъ объ этомъ старики драгуны.

Когда, по взятіи города, Андрониковъ пустился преслѣдовать турокъ, онъ приказалъ Язону Чавчавадзе собрать драгунъ, разсыпавшихся по городу, и какъ можно скорѣй догонять съ ними полкъ. Чавчавадзе собралъ почти

цѣлый эскадронъ. Въ это время въ Бейбуртъ вступала Гренадерская бригада, и генералъ Муравьевъ, встрѣтивъ Чавчавадзе, приказалъ ему остаться при пѣхотѣ. Чавчавадзе не остался; онъ доложилъ только, что имѣетъ категорическое приказаніе своего непосредственнаго начальника, полкового командира, спѣшить къ полку, который далеко впереди, и въ данную секунду, можетъ быть, нуждается въ помощи. Муравьевъ, не отличавшійся мягкостью въ выраженіяхъ, принялся распекать Чавчавадзе и сталъ грозить ему пальцемъ. Тотъ осадилъ коня и молча положилъ руку на шашку. Это движеніе заставило Муравьева опомниться и опустить руку; но онъ тутъ же на клочкѣ бумаги сообщилъ Паскевичу о происшествіи, требуя преданія Чавчавадзе полевому суду. Къ счастію Паскевичъ, находившійся еще подъ впечатлѣніемъ блистательнаго подвига Нижегородцевъ, не принялъ рапорта и, какъ говорятъ, сдѣлалъ даже рѣзкое замѣчаніе самому Муравьеву,—причина, окончательно порвавшая ихъ связи, и заставившая послѣдняго удалиться съ Кавказа.

Наступило утро 28-го сентября. Паскевичъ всталъ рано, и одинъ, въ сопровожденіи только дежурнаго адъютанта, пѣшкомъ отправился на бивуакъ Нижегородскаго полка. Онъ обходилъ эскадроны и горячо благодарилъ ихъ за вчерашнюю атаку: «Такой атаки—говорилъ онъ—я не видалъ въ теченіе всей своей боевой службы». Онъ поцѣловалъ Андроникова и сказалъ ему: «покажи мнѣ того офицера, который на бѣлой лошади, первый вскочилъ въ укрѣпленіе!» Андрониковъ представилъ ему князя Чавчавадзе. «Это какой Чавчавадзе? не тотъ ли, на котораго жаловался Муравьевъ?—Тотъ самый, отвѣтилъ Андрониковъ. «Молодой человѣкъ»,—сказалъ ему Паскевичъ: «знаете ли вы, что подвергались разстрѣлянію за вашъ неумѣстный жестъ передъ генераломъ. Вы сто разъ заслужили Георгія—но вы его не получите» ([10]).

Дѣйствительно, за Бейбуртскій бой георгіевскіе кресты пожалованы были только князю Андроникову и капитану Гринфельдту: ихъ не получили даже ни Марковъ, ни князь Баратовъ, «какъ состоявшіе подъ непосредственною командой полкового командира» ([11]). Чавчавадзе, въ числѣ другихъ, награжденъ былъ орденомъ св. Анны 2 ст. Вечеромъ въ тотъ же день войскамъ приказано было готовиться къ походу. Главнокомандующій намѣревался итти на сераскира, какъ вдругъ, въ эту самую ночь отъ сераскира прискакалъ курьеръ съ извѣстіемъ о заключеніи мира.

Надо сказать, что миръ заключенъ былъ еще 2-го сентября, и въ

турецкомъ станѣ давно уже знали объ этомъ; но Османъ-паша задумалъ воспользоваться послѣдними днями войны, чтобы разбить Паскевича, ослабленнаго, какъ онъ полагалъ, роспускомъ войскъ на зимовыя квартиры,—и скрылъ это извѣстіе. Съ этою цѣлью онъ даже задержалъ въ Трапезонтѣ русскаго офицера штабсъ-капитана Дюгамеля, посланнаго изъ Адріанополя въ главную квартиру Паскевича. Такъ было нѣсколько дней назадъ,—но теперь самъ сераскиръ торопилъ отправкою депешъ, чтобы остановить побѣдоносное шествіе Паскевича.

Русскій корпусъ, между тѣмъ, сдѣлавъ одинъ переходъ, остановился у дер. Урушты. Сюда-то, на зарѣ 1-го октября, въ годовщину славнаго завоеванія Эривани, прискакалъ офицеръ съ депешами отъ Дюгамеля. Главнокомандующаго разбудили. Онъ наскоро просмотрѣлъ бумаги, обнялъ вѣстника мира, и вышелъ изъ ставки. Начинавшееся утро было прекрасно. Весь лагерь еще спалъ, и только ходили часовые, кутаясь въ свои шинели отъ холоднаго утренника. Главнокомандующій потребовалъ къ себѣ дежурнаго по отряду и приказалъ ему дать салютъ изъ всѣхъ полевыхъ орудій. Тотчасъ подняли на ноги всѣхъ артиллеристовъ, и залпъ 70 орудій, грохнувшій надъ соннымъ лагеремъ и раскатившійся въ горахъ Лазистана, поздравилъ войска съ заключеніемъ мира. Черезъ четверть часа полки уже стояли на линіи, а всѣ офицеры спѣшили къ ставкѣ главнокомандующаго принести ему поздравленіе. Паскевичъ, встрѣчаемый дружнымъ «ура», самъ обходилъ лагерь и поздравлялъ солдатъ съ окончаніемъ славной войны. Весь день въ лагерѣ шло ликованье. Къ вечеру пріѣхалъ самъ Дюгамель. Тотчасъ же, въ вечернихъ сумеркахъ, отслужено было благодарственное молебствіе, и всѣмъ войскамъ произведенъ парадъ. На Дюгамеля кавказскія войска произвели глубокое впечатлѣніе. «Это были войска», говоритъ онъ, «закалившіяся въ битвахъ, вынесшія на своихъ плечахъ четыре войны къ ряду, и теперь представлявшія собою удивительно прекрасное зрѣлище. Стоило взглянуть на этихъ молодцовъ, чтобы возымѣть увѣренность, что ничто не въ силахъ противостоять имъ,—столько во взглядѣ и во всемъ существѣ ихъ выражалось твердости и вѣры въ самихъ себя». Эта параллель между двумя русскими арміями рѣзко проводилась тогда и въ иностранныхъ газетахъ. Европа отдавала заслуженную дань удивленія успѣхамъ русскаго оружія въ Малой Азіи, и находила наши побѣды въ Европейской Турціи только уравновѣшанными съ потерями ([12]).

Кавказскія войска простодушно радовались наступившему миру, отлично сознавая, что миръ существуетъ совсѣмъ не для нихъ, что имъ придется только перемѣнить одинъ театръ военныхъ дѣйствій на другой. и отъ недавнихъ битвъ съ персіянами и турками перейти къ другимъ безконечнымъ, и еще болѣе кровавымъ битвамъ—все въ той же обычной для нихъ перспективѣ ежедневнаго ожиданія ранъ, страданій и самой смерти.

Кампанія 1829 года доставила Нижегородцамъ, участвовавшимъ въ битвахъ на Саганлугскихъ горахъ, при Хартѣ, Балахорѣ и Бейбуртѣ, слѣдующія награды:

Георгіевскіе кресты 4-й ст. пожалованы были князю Андроникову и капитану Гринфельдту.

Маіоры Марковъ и князь Баратовъ произведены въ подполковники; капитаны Гринфельдтъ и Эссенъ въ маіоры; штабсъ-капитаны: Гавронскій, фонъ-Розенталь, баронъ Остенъ-Сакенъ и князь Вахваховъ—въ капитаны; поручики: князь Язонъ Чавчавадзе, Ментель, Коцебу, Шимковскій, баронъ Шиллингъ, Завалишинъ и Акимовъ—въ штабсъ-капитаны; прапорщики: Левъ Пушкинъ, Масленниковъ, Долинскій 2-й и Цынамзгваровъ—въ поручики; юнкера: Сулхановъ, Сербиновичъ, князь Александръ Эристовъ и унтеръ-офицеръ Порфирій Маркеловъ—въ прапорщики. Унтеръ-офицера (изъ разжалованныхъ) Макарова Высочайше разрѣшено уволить отъ службы съ чиномъ 14-го класса, а рядовыхъ Квартано и Дурова произвесть въ унтеръ-офицеры.

Ордена получили:

Владиміра 3-й степени—полковникъ князь Андрониковъ; 4-й степени: маіоръ Семичевъ, капитаны Гринфельдтъ и Эссенъ, штабсъ-капитаны Коцебу и Шаншіевъ; поручики Арсеньевъ, князь Романъ Чавчавадзе, князь Спиридонъ Чавчавадзе, князь Зурабъ Чавчавадзе и Масленниковъ.

Золотыя сабли: штабсъ-капитаны князь Шаликовъ и князь Вахваховъ, поручики Петренко и Арсеньевъ.

Анну 2-й степени съ Императорскою короною маіоръ Казасси. Анну 2-й ст. безъ украшенія: маіоры князь Баратовъ, Марковъ, Казасси, и штабсъ-капитаны: князь Язонъ Чавчавадзе, баронъ Остенъ-Сакенъ, Шаншіевъ и Горешневъ.

Анну 3-й ст. штабсъ-капитаны Заремба́скій и Горешневъ, поручики: князь Романъ Чавчавадзе, Петренко, Долинскій 2 и Пушкинъ, прапор-

щики: Долинскій 1, Тумановскій и Казаковъ. Анну 4-й ст. поручикъ Цынамзгваровъ и прапорщики: князь Аваловъ, Казаковъ и князь Чавчавадзе 5-й (Григорій).

Монаршее благоволеніе объявлено штабсъ-капитану Шимковскому ([13]).

Нижнимъ чинамъ назначено 67 знаковъ отличія Военнаго ордена ([14]).

Для всѣхъ участниковъ войны учреждена была особая серебряная медаль на Георгіевской лентѣ, а Нижегородскому драгунскому полку въ память доблестныхъ подвиговъ его въ турецкую войну пожалованы знаки на головные уборы съ надписью: «За отличіе».

Эпизодъ изъ Бейбуртскаго сраженія.

Походъ на Лезгинской линіи.

XI.

Опять на Лезгинской линіи.

(1830 г.).

Возвращеніе полка въ русскія границы.—Новый полковой командиръ князь Андроникovъ.—Опала генерала Раевскаго.—Послѣдующая судьба его.—Князь Александръ Чавчавадзе.—Пріемъ полка при посредствѣ князя Бековича.—Сводный уланскій полкъ поступаетъ въ ряды Нижегородцевъ.—Ворцель, Корниловичъ и Романовъ.—Новый головной уборъ, присвоенный Нижегородцамъ.—Начало военныхъ дѣйствій на Лезгинской линіи.—Участіе Нижегородскаго полка въ покореніи Джаро-Бѣлоканской области.—Возвращеніе полка въ Карагачъ.—Отчисленіе князя Андроникова по кавалеріи.

5-го ноября началось обратное движеніе войскъ въ Россію. Съ веселыми пѣснями шли и наши Нижегородцы по знакомымъ Саганлугскимъ горамъ и по карсской равнинѣ. Свѣтло и радостно было у всѣхъ на

душѣ. Не было нужды, что они шли не на родину, не въ ту тихую, безмятежно-спокойную Русь, которая возростила громадное большинство ихъ, а на далекую, исполненную бурь и боевыхъ тревогъ, окраину Но этою окраиною была Кахетія, а съ нею они уже тѣсно сжились, и стала она для нихъ тою же дорогою родиною.

Въ Караагачъ Нижегородскій полкъ вступилъ подъ начальствомъ новаго полкового командира полковника князя Андроникова, смѣнившаго Николая Николаевича Раевскаго (1). Раевскій также находился въ Караагачѣ, но полкомъ уже не командовалъ. Его постигла опала,—и опала прискорбная тѣмъ болѣе, что вызвана была съ его стороны собственнымъ неосторожнымъ поступкомъ, имѣвшимъ въ основѣ все ту же близость его къ декабристамъ.

Больной, утомленный походами, предвидя скорое окончаніе военныхъ дѣйствій, Раевскій уѣхалъ въ отпускъ изъ Бейбурта, взявъ съ собою въ конвой 40 человѣкъ Нижегородскихъ драгунъ. Случилось, что къ этому конвою пристроились нѣсколько разжалованныхъ: Захарій Чернышевъ, Довгеръ, Квартано, Ворцель, Валеріанъ Голицынъ, Александръ Бестужевъ (Марлинскій) и другіе; былъ тутъ же и маіоръ Семичевъ, отправлявшійся въ Караагачъ для пріема полкового ремонта. Надо сказать, что на Кавказѣ въ тѣ времена на разжалованныхъ вообще смотрѣли снисходительно, не рѣшаясь удручать и безъ того тяжелаго ихъ положенія. Къ тому же всѣ эти лица отличались беззавѣтнымъ стремленіемъ загладить свою вину пожертвованіемъ самой жизни, а нѣкоторые, какъ напр. Захарій Чернышевъ, сдѣлались любимцами солдатъ, за ихъ глубокую религіозность и ту безропотность, съ которою они несли заслуженную ими кару (2). Раевскій, человѣкъ въ высокой степени гуманный, не считалъ даже нужнымъ маскировать къ нимъ свои отношенія, и этимъ далъ поводъ обвинить себя чуть не въ государственной измѣнѣ. Нашелся человѣкъ, который сдѣлалъ доносъ самому государю, что Раевскій держитъ себя съ людьми, сосланными подъ строгій надзоръ, на товарищеской ногѣ, обѣдаетъ за однимъ столомъ и проводитъ съ ними время въ разговорахъ на иностранныхъ языкахъ. Тотъ, кто писалъ доносъ, такъ мало зналъ сущность дѣла, что въ числѣ декабристовъ назвалъ даже Пашкова, очевидно введенный въ заблужденіе сходствомъ случайно подслушанныхъ фамилій. А пресловутый Пашковъ этотъ, дѣйствительно находившійся въ конвоѣ Раевскаго, оказался рядовымъ изъ сдаточныхъ, служившимъ въ Ниже-

городскомъ полку уже 22 года. Кругъ знакомства и родственныя связи Раевскаго заставили обратить вниманіе на этотъ доносъ, и по высочайшему повелѣнію назначено было слѣдствіе ([3]). Встревоженный этимъ, Паскевичъ поторопился написать въ свое оправданіе письмо къ государю, которое навсегда останется документомъ чрезвычайно важнымъ для личной характеристики знаменитаго фельдмаршала.

«Поступокъ генералъ-маіора Раевскаго», писалъ Паскевичъ ([4]), «сдѣлался мнѣ извѣстенъ прежде полученія Высочайшаго повелѣнія Вашего Императорскаго Величества, и я не оставилъ его безъ вниманія, но только предоставилъ окончательное рѣшеніе онаго до возвращенія моего въ Тифлисъ, чтобы самому болѣе во всемъ удостовѣриться. Поступокъ этотъ, хотя злоумышленности и не обнаруживаетъ, но тѣмъ не менѣе есть признакъ, что духъ сообщества существуетъ, который по слабости своей не дѣйствуетъ, но съ помощію связей между собою живетъ. Сіе съ самаго начала командованія моего здѣсь не было опущено отъ наблюденій моихъ, и я тогда же просилъ графа Дибича снабдить меня хоть нѣсколько другого рода генералами, которые съ добрыми правилами соединяли бы и способности; но, не получивъ ихъ, я долженъ былъ дѣйствовать тѣми, какіе были, и по ихъ военнымъ дѣйствіямъ и способностямъ отдавать имъ справедливость. По множеству здѣсь людей сего рода, главное къ наблюденію есть то, чтобы они не имѣли прибѣжища въ лицахъ высшаго званія и, такъ сказать, пункта соединенія. Въ семъ отношеніи удаленіе отсюда генералъ-маіора Сакена есть полезно; удаленіе генералъ-маіора Раевскаго также; весьма полезно удалить и генералъ-маіора Муравьева».

При томъ довѣріи, которымъ, какъ извѣстно, пользовался Паскевичъ у императора Николая Павловича, подобное письмо могло имѣть слишкомъ серьезныя послѣдствія. Но государь отлично зналъ слабыя стороны своего фельдмаршала. И какъ ни густы были набрасываемыя краски, императоръ сквозь слой ихъ умѣлъ увидѣть истину. Онъ обвинилъ Раевскаго только въ нарушеніи порядка службы, приказалъ сдѣлать ему строжайшій выговоръ, арестовать домашнимъ арестомъ на семь дней, и затѣмъ, согласно желаніямъ Паскевича, перевесть на службу въ Россію ([5]). Раевскій получилъ въ командованіе кавалерійскую бригаду въ 5-й уланской дивизіи. Позднѣе, въ концѣ тридцатыхъ годовъ, онъ появляется опять на Кавказѣ, но уже въ крупной роли начальника отдѣ-

ленія Черноморской береговой линіи. И Нижегородцамъ въ это позднѣйшее время не разъ приходилось пѣвать лихую пѣсню, сложенную про ихъ стараго командира новыми его соратниками:

Нашъ Раевскій храбръ и смѣлъ,
Льва сомнетъ за Русь святую;
На скалу, куда крутую,
Соколомъ взлетѣлъ.
А за нимъ и мы идемъ;
Побѣжали бусурманы,—
Мы же заняли курганы:
Крѣпость возведемъ.
Вождь иди путемъ побѣдъ;
Вѣкъ служи Раевскій съ нами;
Мы съ тобой, отецъ, штыками
Опрокинемъ свѣтъ (6).

Удаленіе Раевскаго повліяло косвеннымъ образомъ и на судьбу другого стараго нижегородца генералъ-маіора князя Александра Герсевановича Чавчавадзе, командовавшаго тогда войсками въ Кахетіи и на Лезгинской линіи. Паскевичъ, требуя строгаго пріема полка отъ Раевскаго, приказалъ князю Чавчавадзе быть посредникомъ между нимъ и княземъ Андроникомъ. Тотъ уклонился отъ этой обязанности и подалъ рапортъ о болѣзни. Это вызвало гнѣвъ фельдмаршала. «Я побуждаюсь замѣтить вамъ», писалъ ему Паскевичъ, «что вы не охотно исполняете долгъ свой, и я найдусь въ необходимости представить Государю Императору объ удаленіи васъ, какъ безполезнаго чиновника». Глубоко оскорбленный столь рѣзкимъ и незаслуженнымъ обращеніемъ, Чавчавадзе не сталъ ожидать представленій Паскевича, а самъ подалъ въ отставку. Фельдмаршалъ поторопился пустить ее по командѣ, но въ Петербургѣ взглянули на это дѣло иначе. «Государь Императоръ», писалъ Паскевичу графъ Чернышевъ, «не изъявилъ высочайшаго соизволенія на увольненіе отъ службы сего *отличнаго* генерала, но если ему нужно провести нѣсколько времени на свободѣ для поправленія здоровья или домашнихъ дѣлъ, то Его Величество согласенъ уволить его въ отпускъ на такой срокъ, какой ему нуженъ». Чавчавадзе, признательный къ милостямъ монарха, тотчасъ воспользовался продолжительнымъ отпускомъ (7), — и Нижегородцамъ такъ и не удалось послужить на Лезгинской линіи

подъ его начальствомъ. На мѣсто его назначенъ былъ князь Бековичъ-Черкасскій.

Но ни Бековичу, ни князю Андроникову некогда было думать объ основательномъ пріемѣ сложнаго и запутаннаго походами хозяйства полка. На первой очереди стоялъ вопросъ объ его укомплектованіи. Четыре года войны, четыре года походовъ не могли не оставить въ рядахъ Нижегородскаго полка значительныхъ пробѣловъ, и на пополненіе этихъ рядовъ поступалъ теперь весь Сводный уланскій полкъ, братски дѣлившій съ Нижегородцами походные труды и лишенія. Уланскіе офицеры всѣ отправлены были по своимъ полкамъ, но нижніе чины поступили въ полномъ составѣ, за исключеніемъ лишь немногихъ, принадлежавшихъ къ кореннымъ обитателямъ военныхъ поселеній. Ихъ также отправили въ Россію. Въ числѣ нижнихъ чиновъ поступили тогда въ полкъ и трое разжалованныхъ: Ворцель, Корниловичъ и Романовъ (8); первые два были декабристы, исторія послѣдняго необыкновенно любопытна и характерна для своего времени. Въ 1827 году, на Кавказъ, въ Серпуховской уланскій полкъ, по высочайшему повелѣнію присланъ былъ рядовымъ одинъ молодой человѣкъ, по фамиліи Романовъ; это былъ сынъ помѣщика одной изъ степныхъ губерній. Два брата его уже служили въ военной службѣ, и въ юношѣ, надѣленномъ пламеннымъ воображеніемъ, развилось страстное желаніе итти по ихъ слѣдамъ, особенно послѣ того, какъ онъ увидѣлъ и былъ пораженъ зрѣлищемъ царскаго смотра кавалеріи. Отецъ, однако, рѣшительно воспротивился его желаніямъ и записалъ его въ гражданскую службу. Тогда юноша впалъ въ такое нравственное состояніе, которое было близко къ умственному разстройству; онъ сшилъ офицерскій мундиръ, ходилъ въ немъ по городу, и даже не снималъ по ночамъ. Но полиція взглянула на это дѣло совсѣмъ другими глазами; она арестовала Романова и предала суду, какъ самозванца. Его приговорили къ ссылкѣ съ лишеніемъ правъ состоянія; но на этотъ суровый приговоръ суда, послѣдовала высочайшая резолюція: «отправить его на Кавказъ рядовымъ, не лишая дворянскаго достоинства». Служа въ Серпуховскихъ уланахъ, Романовъ за турецкую войну произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры и получилъ знакъ отличія Военнаго ордена; но на производство его въ офицеры высочайшаго соизволенія еще не послѣдовало (9).

Укомплектованіе полка, такимъ образомъ, было окончено; но уланъ только и хватило на то, чтобы заполнить бреши, оставленныя войною,

а проектъ о приведеніи Нижегородскаго полка съ ихъ помощію въ десяти-эскадронный составъ, такъ и остался проектомъ. Въ общемъ, Нижегородскій полкъ давно уже не былъ въ такомъ превосходномъ боевомъ составѣ, какъ въ первые мѣсяцы по возвращеніи изъ Турціи. Но надо сказать, что хозяйственная часть полка отъ этого укомплектованія ничего не выиграла; множество строевыхъ лошадей, какъ коренныхъ Нижегородскихъ, такъ и пришедшихъ съ уланами, послѣ долговременной войны, оказывались негодными; вещей не было, обмундированія также. Единственно, чѣмъ щеголялъ тогда полкъ, такъ это присланными изъ комиссаріата новыми барашковыми шапками, на которыхъ сіяла краснорѣчивая надпись «За отличіе».

Новыя шапки эти, надо сказать, являлись результатомъ все тѣхъ же далекихъ походовъ. Еще въ 1827 году, когда на Кавказъ пріѣзжалъ Дибичъ, возникъ вопросъ о необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ одеждѣ кавказскихъ войскъ, которыя болѣе соотвѣтствовали бы климатическимъ условіямъ. Дибичъ былъ пораженъ, когда увидѣлъ войска, вышедшія въ походъ въ фуражкахъ. На вопросъ: гдѣ же ихъ кивера? ему отвѣчали, что они оставлены въ штабъ-квартирѣ. Это было такъ не похоже на все, что дѣлалось въ Россіи, гдѣ офицеръ не могъ выйти даже для простой прогулки по улицѣ безъ головного убора, что Дибичъ счелъ нужнымъ заняться этимъ вопросомъ болѣе обстоятельно. Онъ скоро убѣдился въ непригодности тяжелаго головного убора при 40-градусной жарѣ и при быстрыхъ перемѣнахъ погоды въ горахъ, гдѣ въ одинъ переходъ приходится переносить и страшныя жары, и зимніе морозы, но онъ полагалъ, что всякое отступленіе отъ формы должно быть опредѣлено закономъ, а не произволомъ мѣстнаго начальства. Съ своей стороны онъ предложилъ тогда высокую барашковую шапку, напоминавшую персидскій папахъ, башлыкъ азіятскаго образца, и лѣтомъ—бѣлые камзолы, принятые тогда въ польской арміи и напоминавшіе покроемъ казачій бешметъ. О башлыкахъ и камзолахъ въ Петербургѣ, сколько извѣстно, не было даже и рѣчи, но кивера приняли (10). Они напоминали, дѣйствительно, персидскій папахъ; но какъ только прибавили къ нимъ козырьки, мѣдные гербы, помпоны, этишкеты и чешуйки, то всѣ достоинства папахи исчезли, и новыя шапки стали тѣми же киверами, только обшитыми бараньимъ мѣхомъ.

А походъ былъ уже у дверей. Наступила та любопытная и харак-

терная эпоха, когда Паскевичъ однимъ ударомъ хотѣлъ покорить Кавказъ отъ Каспійскаго до Чернаго моря. Первая гроза должна была разразиться надъ джарцами,—и съ нихъ должно было начаться покореніе кавказскихъ народовъ.

Большія приготовленія, дѣлаемыя къ экспедиціи, не могли оставаться тайной и еще болѣе раздражали сосѣднихъ съ нами лезгинъ, чувствовавшихъ, что для нихъ наступаетъ послѣдняя роковая борьба. Джаматъ, собранный ими въ Мухахскомъ ущельѣ, послалъ просить помощи у всѣхъ дагестанскихъ народовъ. Но дагестанцы въ ней отказали. Одни ссылались на большіе снѣга, которые препятствовали имъ пройти черезъ вершины Кавказа; у другихъ стада были на плоскости, и они боялись ихъ потерять. Такимъ образомъ джарцамъ оставалось разсчитывать только на собственныя средства, которыя въ сущности были довольно значительны: они могли выставить въ поле до 10-ти тысячъ вооруженныхъ людей, но лишь подъ условіемъ единодушной рѣшимости къ защитѣ цѣлаго союза. Въ дни общихъ бѣдствій случалось не разъ, что народы вставали, какъ одинъ человѣкъ и, подъ давленіемъ великой идеи, жертвовали всѣмъ, чтобы спасти свою родину. Духъ единодушія разростался тогда до колоссальныхъ размѣровъ—и слабые одолѣвали сильныхъ. Но ничего подобнаго не могли представить собою заалазанскіе лезгины. Елисуйскій султанъ первый отказался отъ союза; за нимъ послѣдовали бѣлоканцы, потомъ другія селенія—и джарцы остались одни. Чавчавадзе доносилъ Паскевичу, что, по всей вѣроятности, и джарцы встрѣтятъ русскія войска съ изъявленіемъ покорности, если мы не потребуемъ уступки Закаталъ, составлявшихъ ключъ къ обладанію областью, которыя народъ рѣшилъ оборонять до послѣдней крайности.

Но Паскевичъ именно съ Закаталъ-то и намѣревался начать покореніе Джарской земли, желая уничтожить въ понятіи народа самую мысль о неприступности этой твердыни. Съ другой стороны онъ былъ убѣжденъ, что рѣшительный ударъ, нанесенный въ Закаталахъ, разомъ прекратитъ сопротивленіе остальныхъ обществъ и даже вынудитъ къ покорности ближайшія племена нагорнаго Дагестана.

Стоялъ февраль мѣсяцъ 1830 года. Войска, не успѣвшія еще отдохнуть послѣ похода въ Турцію, съ разныхъ сторонъ шли на Алазань, и на берегу ея у монастыря св. Стефана становились бивуаками. Пришелъ сюда и Нижегородскій полкъ съ княземъ Андрониковымъ. Погода была теп-

лая; дороги просохли, но лѣса еще не одѣлись листвой, и горы были завалены большими снѣгами, не допускавшими значительной помощи со стороны Дагестана. Паскевичъ торопился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы произвесть экспедицію въ Джары прежде, чѣмъ снѣга позволятъ лезгинамъ спуститься съ горъ, а зелень и чащи лѣсовъ доставятъ имъ средства къ отчаянной оборонѣ (11).

На Алазани Паскевичъ получилъ первыя донесенія о какомъ-то новомъ религіозномъ движеніи въ горахъ, но не придалъ ему никакого значенія. Онъ даже пропустилъ мимо извѣстіе о знаменитомъ нападеніи Кази-Муллы на Хунзахъ, считая это дѣло просто домашнею, не заслуживающею вниманія, распрей. Онъ рѣшилъ твердо итти къ достиженію разъ намѣченной цѣли, и 17-го февраля русскій отрядъ въ огромныхъ силахъ, какихъ никогда не видали лезгины, вошелъ въ Джаро-бѣлоканскія земли. Джарцы увидѣли невозможность сопротивленія, и съ затаенной злобой покорились до времени. Только въ самыхъ Джарахъ шли горячія пренія, и шумный джаматъ продолжался весь день и цѣлую ночь. Байгуши, которымъ терять было нечего, и масса людей, не надѣявшихся получить прощеніе за прежнія шалости, требовали боя; люди разсудительные стояли за мирное рѣшеніе вопроса—и дѣло между ними едва не дошло до кинжаловъ. Тогда выступилъ впередъ старый Мамедъ-Вали, одинъ изъ почтенныхъ джарскихъ старшинъ, и сказалъ народу: «Безумные! Теперь ли затѣваете ссору, когда русскіе стоятъ на порогѣ вашего дома? Чего вы боитесь? Тѣ, которые умѣли щадить жизнь и имущество жителей богатаго Тавриза и Арзерума, не откажутъ и намъ въ великодушіи». Въ длинной рѣчи, полной желаніями народнаго блага, онъ съумѣлъ примирить обѣ враждующія стороны—и 26-го февраля представители народа съ поникшей головою явились къ Паскевичу; они поднесли хлѣбъ-соль и повергли къ ногамъ его ружье и шашку. Это то самое оружіе, которое фельдмаршалъ тогда же отправилъ къ императору Николаю Павловичу, какъ знакъ безусловной покорности джарцевъ, и которое нынѣ хранится въ императорскомъ эрмитажѣ, въ числѣ другихъ историческихъ памятниковъ.

Такъ пала самостоятельность джарскаго союза. Онъ былъ присоединенъ къ Россіи подъ именемъ Джаро-бѣлоканской области, и военнымъ начальникомъ ея назначенъ генералъ-маіоръ князь Бековичъ-Черкасскій.

На слѣдующій день, 28-го февраля, войска вступили въ Джары, а вслѣдъ за ними въѣхалъ туда и фельдмаршалъ. Съ любопытствомъ смотрѣли

драгуны на это грозное мѣсто, о которомъ такъ много слышали, и которое ни разу не видѣли. Селеніе тянулось верстъ на восемь и представляло собою цѣлый лабиринтъ извилистыхъ улицъ, гдѣ каменныя сакли и густые фруктовые сады, окруженные заборами, образовывали цѣлый рядъ небольшихъ крѣпостей, способныхъ выдержать самый отчаянный приступъ. Чѣмъ больше деревня углублялась въ ущелье, тѣмъ чаще становились заборы, а пролегавшая между ними дорога тѣснѣе и хуже. Все это заканчивалось наконецъ небольшимъ холмомъ, на которомъ стояла каменная башня, а вокругъ нея уступами громоздились сакли, отдѣлявшіяся отъ самыхъ Джаръ высокою и крѣпкою стѣною. Это и были Закаталы, по лезгински Зекеръ-Талы, считавшіяся оплотомъ недоступнымъ для русскихъ, которые три раза занимали нижнюю часть Джаръ, и ни разу не могли проникнуть въ Закаталы. Даже безстрашный Гуляковъ, доселѣ живущій въ преданіяхъ и памяти народа, не имѣлъ успѣха и за попытку заплатилъ своею головой и пораженіемъ отряда. Драгуны видѣли и то столѣтнее дерево, расщепленное русскимъ ядромъ, возлѣ котораго, какъ говорятъ, былъ убитъ генералъ Гуляковъ.

Ознакомившись съ мѣстностью, Паскевичъ приказалъ поставить въ Джарскомъ ущельѣ, именно тамъ, гдѣ кончались Джары и начинались Зекеръ-Талы, русскую крѣпость, и назвалъ ее Новые-Закаталы. Къ постройкѣ этой крѣпости, долженствовавшей охранять русскія границы и держать въ повиновеніи жителей, приступлено было немедленно. Дома и сады джарскихъ жителей, входившіе въ черту крѣпостной эспланады, были куплены казною за высокую цѣну, и жители не могли надивиться, что русскіе платятъ чистое золото за клочокъ земли и за груду камней, которые и безъ того принадлежали имъ, какъ побѣдителямъ. Окрестные лѣса были также вырублены, и вѣковые громадные чинары пошли на устройство деревянныхъ оградъ, которыя на первый разъ признавались достаточными для защиты русскаго гарнизона. Драгуны положили первый камень въ основаніе новой крѣпости, и затѣмъ, 3-го марта, отпущены были въ Караагачъ. Вслѣдъ за ними разошлись остальныя войска, и въ Джарахъ остался одинъ отрядъ князя Бековича.

Походъ этотъ остался памятенъ тѣмъ, что Нижегородскій полкъ впервые участвовалъ въ немъ въ полномъ шести-эскадронномъ составѣ. Ни прежде, ни послѣ этого, подобныхъ случаевъ на Лезгинской линіи уже не представлялось, и Нижегородцы высылали въ экспедиціи только отдѣльные эскадроны или дивизіоны.

Въ Караагачѣ Нижегородцевъ встрѣтила новость, опять поразившая всѣхъ своею неожиданностью:—князь Андрониковъ уже не былъ болѣе ихъ полковымъ командиромъ. Еще въ то время, когда полкъ собирался въ походъ, графъ Чернышевъ сообщилъ Паскевичу, что въ Петербургѣ предполагается назначить командиромъ Нижегородскаго полка подполковника Доброва, состоящаго въ образцовомъ кавалерійскомъ полку и лично извѣстнаго Его Величеству съ отличной стороны въ отношеніи способностей и знанія фронтовой службы. Государь желалъ, однако, имѣть предварительно по этому предмету мнѣніе фельдмаршала. Паскевичу всего естественнѣе было бы указать на Андроникова, какъ на лицо, уже назначенное имъ въ полковые командиры, и притомъ извѣстнаго ему съ отличной стороны не одними фронтовыми познаніями, но и боевыми подвигами. Это было бы тѣмъ основательнѣе, что съ назначеніемъ Доброва, Андрониковъ или долженъ былъ поступить подъ начальство младшаго чиномъ, или оставить полкъ. Неловкость подобнаго положенія почувствовалась и самимъ Паскевичемъ, но онъ не нашелъ въ себѣ силы отказать Чернышеву и согласился на назначеніе Доброва. Андроникову онъ предложилъ кавалерійскій полкъ въ Россіи. Андрониковъ отказался. Онъ отвѣчалъ, что прослуживъ семь лѣтъ въ Конной гвардіи, перешелъ на Кавказъ съ единственною цѣлью быть ближе къ роднымъ, и что послѣ двухъ войнъ, въ теченіе которыхъ получилъ за отличія два штабъ-офицерскіе чина, золотую саблю и всѣ ордена до Георгія и Владиміра на шею включительно, отказывается отъ всякаго иного назначенія, предпочитая заняться устройствомъ своихъ собственныхъ дѣлъ. Пріемъ полка отъ Раевскаго еще не былъ оконченъ, но онъ не сталъ его и продолжать. Онъ сдалъ командованіе маіору Чеботкевичу и, въ ожиданіи приказа о зачисленіи по арміи, уѣхалъ въ отпускъ. Такъ неожиданно выбылъ изъ рядовъ Нижегородскаго полка одинъ изъ доблестнѣйшихъ его офицеровъ, подъ предводительствомъ котораго полкъ завершилъ цѣлый рядъ блистательныхъ дѣлъ знаменитою бейбуртскою атакою ([12]).

Къ домашнимъ невзгодамъ прибавилось въ полку стихійное бѣдствіе—съ весной появилась въ Караагачѣ опустошительная холера, вырывавшая изъ строя лучшихъ, старослуживыхъ людей. Всѣ мѣры для борьбы съ нею были приняты; но при полномъ незнакомствѣ съ характеромъ эпидеміи, впервые еще посѣтившей Россію, всѣ онѣ оказывались крайне несостоятельными, и Караагачъ то и дѣло оглашался заунывъ-

ными звуками похороннаго марша. А со стороны Кавказскихъ горъ уже слышались далекіе раскаты грома, религіозное движеніе росло, и приближался часъ, когда духовныя силы Нижегородцевъ, ихъ испытанный духъ мужества должны были пойти на живое и плодотворное дѣло—на защиту родной земли отъ страстнаго фанатизма поклонниковъ ислама.

Медали въ память заключенія мира съ Турціею (лицевая и оборотная стороны) и медали за войны Персидскую и Турецкую.

ГОСУД. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА
№ ... 1976 г.
ПОГАШЕНО

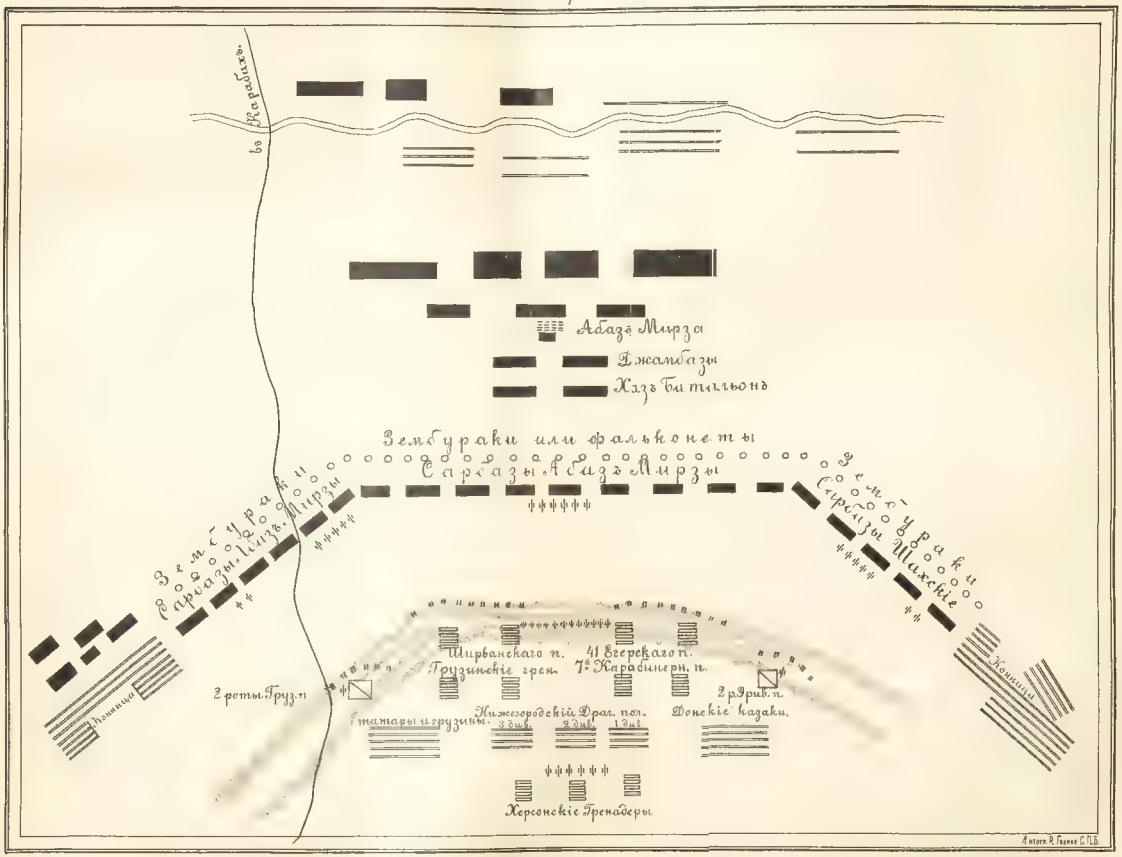
КАРТА ВОЙНЫ СЪ ПЕРСІЕЮ
1827 ГОДА.

КРОКИ ПЛАНА

СРАЖЕНІЯ ПРИ ГОРОДѢ ЕЛИЗАВЕТПОЛѢ

собственноручно составленнаго Генералъ Адъютантомъ Паскевичемъ

13-го Сентября 1827 г.



ПЛАНЪ

СРАЖЕНІЯ ПРИ УРОЧИЩѢ ДЖЕВАНЪ-БУЛАХЪ

подъ начальствомъ Генералъ-Адъютанта Генерала отъ Инфантеріи Паскевича

5-го Іюля 1827 г.

Масштабъ

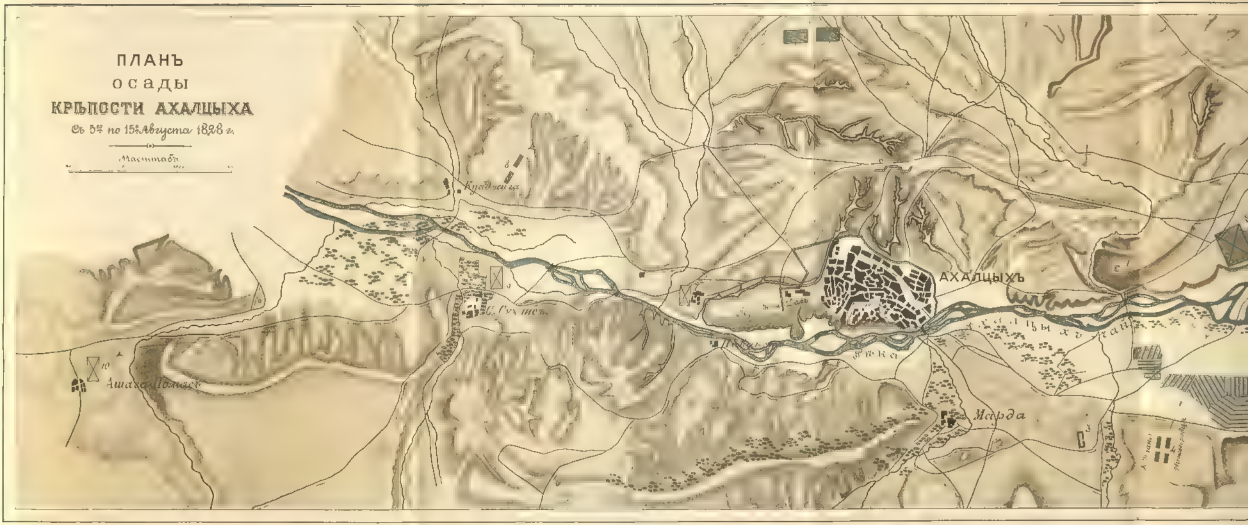
0 2 Вер. 4 Вер. 6 Вер.

ПЛАНЪ
КРѢПОСТИ КАРСА

23-го Іюня 1828 г.

1. Цитадель.
2. Укрѣпленный турецкій лагерь.
3. Путь кавалерійской бригады Раевскаго (ночная демонстрація).
4. Ширванскій баталіонъ на сѣверныхъ высотахъ.
5. Русская батарея № 1.
6. Батарея № 2.
7. Батарея № 3.
8. Батарея № 4.
9. Путь атаки Лабинцева и Миклашевскаго.

КАРТА ВОЙНЫ СЪ ТУРЦІЕЮ
1828-1829 г.г.



1 Высота Тауланъ тепа | 3 Редутъ Николаевскаго | 5 Позиция кусины корпуса 9 Августа | 7 2-й турецкий лагерь | 9 3-й турецкий лагерь
2 Русский лагерь | 4 Сводный Кавалерийский полкъ Раевскаго (9 Августа) | 6 1 турецкий лагерь | 8 Кавалерийская бригада Раевскаго (9 Августа) | 10 4-й турецкий лагерь

1 Высота Тауганъ тепе 2 Русскій лагерь
3 Редутъ Миклашевскаго 4 Сводный Кавалерійскій полкъ ... 5 Августа
5 Позиція русскихъ ... 5 Августа 6 1й турецкій лагерь
7 2й турецкій лагерь 8 Кавалерійская атака ... 9 Августа
9 3й турецкій лагерь 10 4й турецкій лагерь

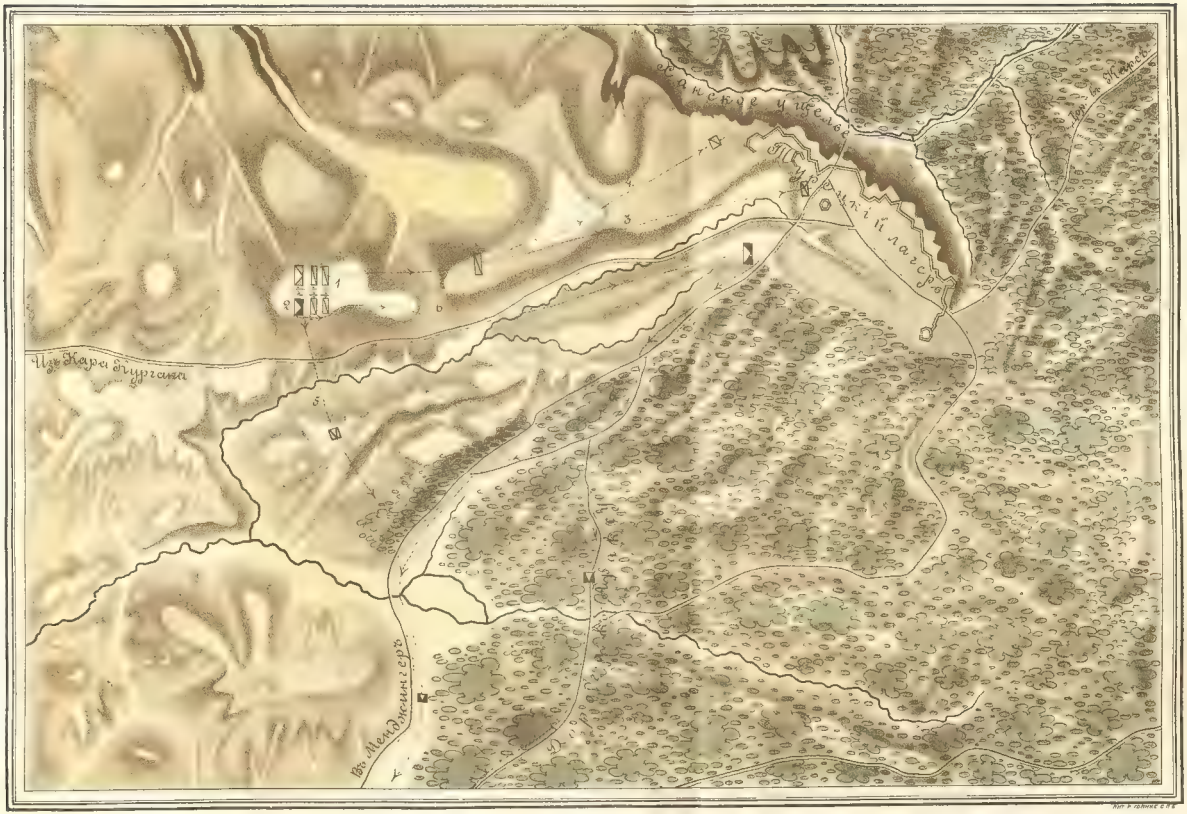
ПЛАНЪ

СРАЖЕНІЯ ПРИ СЕЛЕН ІИ КАИНЛЫ

19-го Іюня 1829 г.

1. Позиція русскихъ войскъ (19 Іюня).
2. Кавалерія Раевскаго.
3. Херсонскій гренадерскій полкъ.
4. Турецкія войска.
5. Путь атаки 1-го и 3-го дивизіоновъ Нижегородскаго полка.
6. Путь 2-го дивизіона Нижегородскаго полка, посланнаго на помощь къ Херсонцамъ.
7. Движеніе кавалеріи на укрѣпленную позицію сераскира.
8. Укрѣпленный лагерь сераскира.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ
ПРИ УРОЧИЩѢ МИЛИДЮЗЪ
20го Іюня 1829 г.

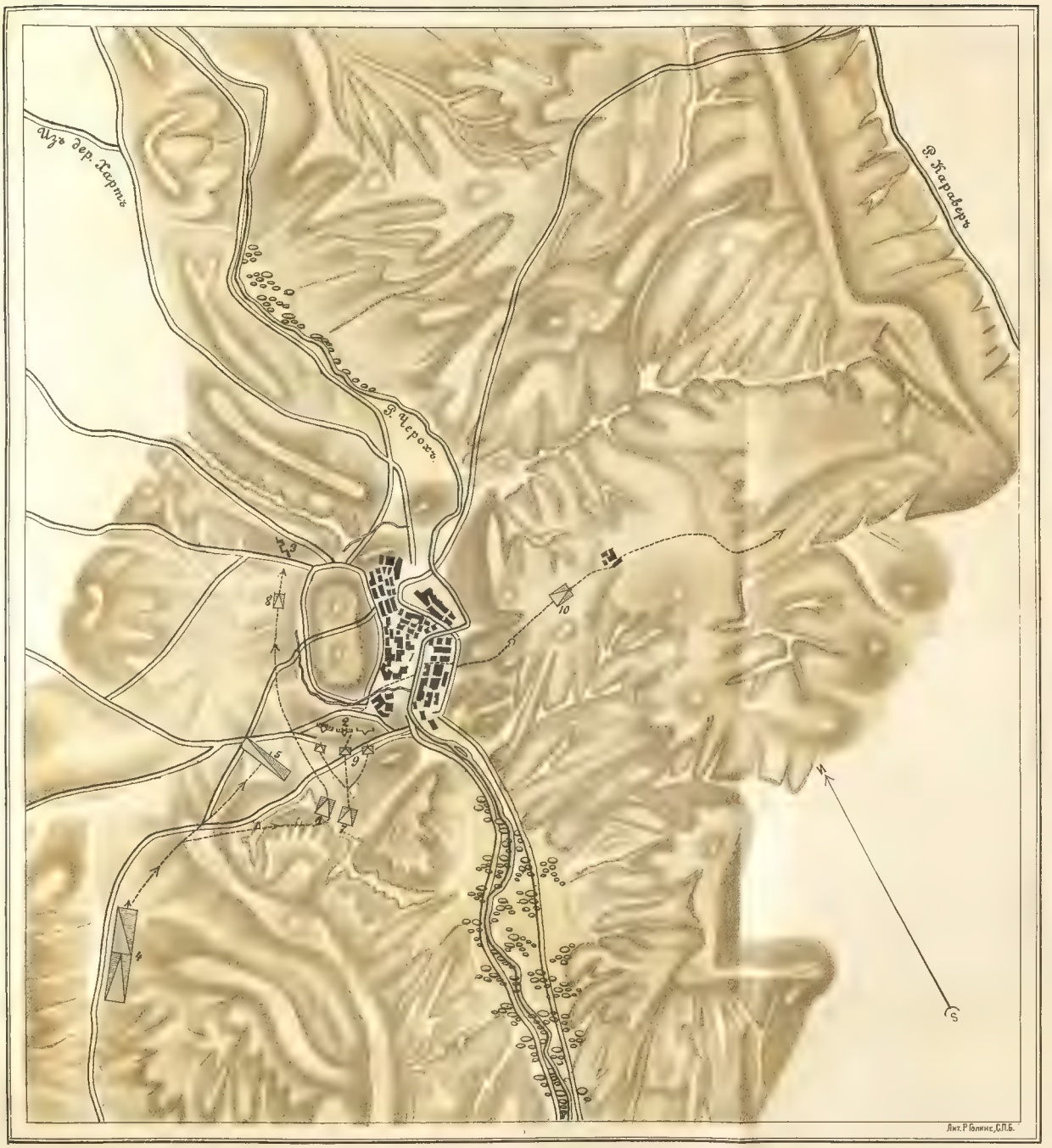


Масштабъ.
0 400 800 1200 сажен

1. Позиція русскихъ войскъ (20 Іюня)
2. Кавалерія Гагевскаго и Нижегородскій полкъ.
3. Апшака Эриванскаго полка.
4. Колонна Пенкратьева.
5. Двѣ сотни Казачьяго полка Жартова.
6. Путь преслѣдованія Кавалеріи Бакена.

ПЛАНЪ
СРАЖЕНІЯ ПРИ ГОРОДѢ БЕЙБУРТЪ

27-го Сентября 1829 г.



Масштабъ

0 500с. 1000с. 1500с.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПОГ[illegible]ЕО

Л.В. БУ
ПОГАШЕНО

ПРИМѢЧАНІЯ.

Томъ III стр.

ГЛАВА I.

[1]) Акты Кав. арх. комиссіи, т. VI, ч. 2-я. Архивъ Тиф. окр. шт., дѣла 1826 г., № 22. Рапортъ маіора Ильинскаго 1 марта 1826 г., № 131 2

[2]) Арх. Тиф. окр. шт. Жур. по части военной Ермолова и Вельяминова 1825—1826 г. . . . . —

[3]) Тамъ же. Рапортъ кн. Эристова Вельяминову отъ 4 и 11 апрѣля 1826 г., № 92 и 110 3

[4]) Рапортъ кн. Эристова Ермолову отъ 24 авг. 1826 г., № 187 . . . . . —

[5]) Жур. по части военной Ермолова и Вельяминова 1825—1826 г. . . . . —

[6]) Тамъ же. Предписаніе кн. Эристову авг. 3-го 1826 г., безъ номера 4

[7]) Арх. Кав. окр. шт., по описи № 19. Предписаніе Ермолова Шабельскому 2 авг. 1826 г., № 228 . . . . . —

[8]) Тамъ же. Предписаніе Ермолова полковнику Ковалеву 3 августа 1826 г., безъ номера. . . . . —

[9]) Записки кн. Андроникова (рукопись). Рапортъ Шабельскаго Ермолову 3 авг. 1826 г., № 136 5

[10]) Предписаніе Ермолова Шабельскому 5 авг. 1826 г., № 248 6

[11]) Донесеніе кн. Эристова 10 авг. 1826 г., № 711 . . . . . —

[12]) Біографія кн. Мадатова 7

[13]) Тамъ же. . . . . —

[14]) Донесеніе Шабельскаго 1 сент. 1826 г., № 860 8

[15]) Строевая вѣдомость, приложенная къ тому же рапорту № 860 . . . . . —

[16]) Импер. Пуб. Библ. «Тифлисскія Вѣдомости» за 1829 г. . . . . —

[17]) Біографія Мадатова. Рапортъ Мадатова отъ 3 сент., № 78, и наградной листъ капитана Казасси, приложенный къ тому же донесенію 11

[18]) Арх. Тиф. окр. штаба. Журналъ Ермолова . . . . . —

[19]) Тамъ же. Рапортъ Шабельскаго 4 сент., № 863 . . . . . —

[20]) Біографія Паскевича, составленная кн. Щербатовымъ, т. II, стр. 63 . . . . . —

[21]) Тамъ же, стр. 64 . . . . . —

[22]) Записки кн. Андроникова (рукопись) 12

[23]) Біографія Паскевича, составленная кн. Щербатовымъ, т. II, стр. 67 . . . . . —

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ _____ 19__ г.

Томъ III стр.

[24]) Записки князя Андроникова (рукопись) 13
[25]) Арх. Тиф. окр. штаба, дѣла 1826 г., № 22. Письмо Шабельскаго къ Ермолову 4 авг., № 735 . . . . . —
[26]) Біографія Паскевича, составленная кн. Щербатовымъ, т. II, стр. 67 . . . . . —
[27]) Записки кн. Андроникова . . . . . —

ГЛАВА II.

[1]) Тифлис. арх. окр. шт., дѣло № 382, по описи 3-й 16
[2]) Біографія Мадатова, составленная А. С. Хомяковымъ . . . . . —
[3]) Записки Симонича. Рукопись. В.-уч. арх. гл. шт. 17
[4]) Тамъ же . . . . . —
[5]) Тамъ же . . . . . —
[6]) Біографія Ив. Пет. Шабельскаго. «Георгіевскіе кавалеры», изданіе Малышева и арх. Тиф. окр. шт. Рапортъ Шабельскаго 18 сент., № 890 . . . . . —
[7]) Записки кн. Ив. Мал. Андроникова 18
[8]) Записки Андроникова и Тиф. арх. окр. шт., дѣло № 382 . . . . . —
[9]) Опись знаменамъ, приложенная къ донесенію Паскевича о Елисаветпольскомъ сраженіи. Тиф. арх. окр. шт., дѣло № 382 . . . . . —
[10]) Біографія князя Мадатова, Хомякова 19
[11]) Наградные списки и рапортъ Шабельскаго. Тиф. окр. шт., № 27 . . . . . —
[12]) Тамъ же 20
[13]) Тамъ же . . . . . —
[14]) Тамъ же . . . . . —
[15]) Тамъ же и Записки кн. Ив. Мал. Андроникова . . . . . —
[16]) Рапортъ Шабельскаго, помѣщенный въ его біографіи, изд. Малышева: «Георгіевскіе кавалеры» 21
[17]) Біографія Мадатова . . . . . —
[18]) Записки кн. Андроникова. . . . . —
[19]) Ген.-фельдм. князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность, князя Щербатова, стр. 81 т. II. 22
[20]) Тиф. арх. окр. шт. Рапортъ командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса дежурнаго генерала глав. шт. 12 окт. 1826 г., № 8046 . . . . . —
[21]) Наградные списки за Елизаветпольское сраженіе. Тиф. арх. окр. шт. . . . . —
[22]) Смотри ниже общій списокъ нижнимъ чинамъ, получившимъ знаки Военнаго Ордена за персидскую войну. Прим. къ главѣ IV, № 18 23
[23]) Приказы по полку за 1826 г. . . . . —
[24]) Приказы по полку за 1826 и 1830 года . . . . . —
[25]) Арх. Тиф. окр. шт. Собственный журналъ Паскевича съ сент. по нояб. 1826 г. 24
[26]) Тамъ же . . . . . —
[27]) Тамъ же . . . . . —
[28]) Тиф. окр. шт. Донесеніе Паскевича Государю 25
[29]) Лефорт. арх. въ Москвѣ. Формуляръ кн. Голицына 26
[30]) Тиф. окр. шт. Рапортъ Эристова 4 сент. 1826 г., № 217 . . . . . —
[31]) Разсказы старыхъ нижегородцевъ. Подлинное письмо хранилось въ семействѣ Нечволодовыхъ . . . . . —
[32]) Рапорты кн. Эристова 9 сент., № 227, 1 окт., № 280 и 8 ноябр., № 338 . . 27

Томъ III стр.

[33]) Записки кн. Андроникова 27
[34]) Тамъ же . . . . . —

ГЛАВА III.

[1]) Рапортъ Раевскаго Ермолову отъ 3 янв. 1827 г., № 4 30
[2]) «Русск. Стар.» 1874 г., т. 9. Н. Н. Раевскій . . . . . —
[3]) Письмо Раевскаго къ Е. А. Константиновой. «Русск. Стар.» 1874 г., т. 9, стр. 766 . —
[4]) Записки Бутенева . . . . . —
[5]) Николай Николаевичъ Раевскій. «Русск. Стар.» 1874 г., т. 9 . . . . . —
[6]) Разсказы старыхъ нижегородцевъ 31
[7]) Полковыя дѣла за 1827 годъ 32
[8]) Рапортъ Бенкендорфа къ Паскевичу 15 апр. 1827 г., № 61 . . . . . —
[9]) Рапортъ ген.-м. барона Розена за № 29 . . . . . —
[10]) Рапортъ его же, № 34 . . . . . —
[11]) «Изъ Кавказской старины», Андреева. «Кавказскій Сборникъ» № 1 34
[12]) Журн. воен.-уч. завед. т. 5, 19 и 22 . . . . . —
[13]) Черновой журналъ Паскевича. Арх. Тиф. окр. шт. 35
[14]) Во всеподданнѣйшемъ рапортѣ Паскевичъ совсѣмъ не упоминаетъ объ этой атакѣ, а говоритъ только о томъ, что конная артиллерія успѣшно удерживала непріятеля до прибытія пѣхоты (акты Кав. археогр. ком. т. VII, стр. 551). Между тѣмъ объ атакѣ 3-го дивизіона упоминается не только въ наградныхъ листахъ, но и въ журналѣ Паскевича, въ которомъ говорится прямо, что конная артиллерія своими выстрѣлами не произвела никакого дѣйствія, и что атаку 3-го дивизіона приказалъ полковникъ Раевскій (арх. Тиф. окр. шт.) 36
[15]) Арх. Тиф. окр. шт. Наградные списки за Джеванбулахское сраженіе . . . . —
[16]) Арх. Тиф. окр. шт. Журналъ на Высочайшее имя ген.-адъют. Паскевича отъ 14 іюня 1827 г. Записки Багговута. «Русск. Стар.» 1883 г., т. 40. Записки Андроникова (рукопись). 37
[17]) Арх. Тиф. окр. шт. Наградные списки за Джеванбулахское сраженіе . . . . —
[18]) Тамъ же . . . . . —
[19]) Тамъ же 38
[20]) Военный жур. Паскевича за іюнь 1827 г. Записки князя Андроникова . . . —
[21]) Наградные списки за Джеванъ-Булахъ . . . . . —
[22]) Записки князя Андроникова 39
[23]) Тамъ же. Арх. Тиф. окр. шт. Черновой журналъ Паскевича. Записки князя Андроникова . . . . . —
[24]) Тамъ же 40
[25]) Наградные списки за Джеванбулахское сраженіе. Арх. Тиф. шт. См. приложеніе къ главѣ IV, № 18 . . . . . —
[26]) «Русская Старина» 1880 г., № 6. «Русск. Арх.» 1880 г., III 41
[27]) Послужные списки Семичева и Оружицкаго . . . . . —
[28]) «Русск. Стар.», т. III . . . . . —
[29]) Послужной списокъ Дорохова и «Воспоминанія старыхъ нижегородцевъ» . . . 42
[30]) Послужные списки и разсказы старыхъ нижегородцевъ . . . . . —
[31]) Дѣло о чиновникѣ VII класса Чагинѣ. Москов. отд. арх. гл. шт. 43
[32]) «Вѣстникъ Европы» 1822 г., № 6 . . . . . —

стр

[33]) Изъ дѣла о чиновникѣ VII класса Чагинѣ. Моск. отд. ар. гл. шт. 44
[34]) Наградные списки за Джеванбулахское сраженіе . . . . . —
[35]) Рапортъ дежурн. генерала гл. шт. Паскевичу 21 іюня 1828 г., № 234. Арх. Тиф. окр. шт. 45

ГЛАВА IV.

[1]) Арх. Тиф. окр. шт. Всеподданнѣйшее донесеніе Паскевича 49
[2]) Журналъ Паскевича. Арх. Тиф. окр. шт. . . . . —
[3]) Тамъ же . . . . . —
[4]) Тамъ же 50
[5]) «Изъ Кавказской старины», Андреева. «Кав. Сбор.», № 1 . . . . . —
[6]) Рапортъ Раевскаго Паскевичу 20 авг. 1827 г., № 583. Арх. Тиф. окр. шт. . —
[7]) «Кав. Сб.», № 1. «Изъ Кавказской старины», Андреева . . . . . —
[8]) Акты Кав. ар. ком., т. VII 52
[9]) Тамъ же 53
[10]) Записки М. И. Пущина. «Русск. Ст.» 1884 г., т. 41 . . . . . —
[11]) Арх. Тиф. окр. шт. Журналъ Паскевича 54
[12]) «Изъ кавказской старины», Андреева. «Кавк. Сбор.», № 1 55
[13]) Тамъ же 56
[14]) Тамъ же и записки князя Андроникова . . . . . —
[15]) «Русскій Инвалидъ» 1827 г., № 115, и біографія ген.-адъют. Бенкендорфа. «Кавказцы», изд. Новоселова 57
[16]) «Кавк. Сбор.» № 1. «Изъ кавказской старины» 58
[17]) Приказъ по отд. Кавк. корп. Паскевича 10 февр. 1828 г., № 12 59
[18]) Именной списокъ нижнихъ чиновъ, получившихъ знаки отличія Военнаго Ордена за персидскую войну . . . . . —

За сраженіе подъ Елизаветполемъ:

Старшіе вахмистры:

1. Антонъ Ивановъ.
Андрей Утѣшинъ.
Евстафій Москаленко.
Евдокимъ Терновскій.
Евсѣй Филипповъ.

Младшіе вахмистры:

Сергѣй Ворошиловъ.
Прохоръ Ивановъ.
Василій Зайченко.

Унтеръ-офицеры:

Григорій Кобызовъ.
10. Захарій Осиповъ.
Василій Сергѣевъ.
Николай Васильевъ.
Князь Романъ Чавчавадзе (по служенію еще въ Грузинскомъ гренадерскомъ полку, откуда переведенъ въ Нижегородскій).

Рядовые:

Филиппъ Ивановъ.
Павелъ Лазаревъ.
Алексѣй Степановъ.
Сергѣй Мордвиновъ.
Иванъ Масловъ.
Михаилъ Васильевъ.
20. Леонтій Михайловъ.
Ефимъ Саватѣевъ.
Ѳедотъ Везденевъ.
Демьянъ Шульженко.
Матвѣй Борисовъ.

Василій Зленко.
Степанъ Нехорошевъ.
Петръ Дергачевъ.
Матвѣй Долженко.
Семенъ Ковалевъ.
30. Ѳедотъ Сергѣевъ.
Степанъ Артамоновъ.

За разновременныя дѣла:

Унтеръ-офицеры:

1. Несторъ Петровъ.
Игнатъ Петровъ.
Федоръ Пашковъ.
Федоръ Андреевъ.

Рядовые:

Пантелеймонъ Показей.
Иванъ Смирновъ.
Евстафій Ромокаевъ.
Леонъ Васнинъ.
Маркъ Бодявкинъ.
10. Макаръ Филипповъ.
Тимофѣй Лазутинъ.
Михаилъ Мазуренинъ.
Алексѣй Ситниковъ.
Яковъ Ивановъ.
Григорій Федоровъ.
Матвѣй Козловъ.
Федоръ Мамаевъ.
Илья Тимофѣевъ.

За сраженіе подъ Джеванъ-Булахомъ списковъ не сохранилось.

[19]) Отзывъ ген.-ад. Чернышева, товарища начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, Паскевичу отъ 12 іюля 1828 г., № 4310 59

[20]) Акты Кав. арх. ком., т. VII 61

ГЛАВА V.

[1]) Изъ полковыхъ дѣлъ 1828 г. 64

[2]) Строевые рапорты полка за 1828 г. Моск. отд. ар. гл. шт. . . . . —

[3]) «Исторія войны въ Азіятской Турціи», Ушакова 66

[4]) Тамъ же . . . . . —

[5]) Тиф. арх. окруж. шт., дѣла 1828 г. 67

[6]) «Исторія войны», Ушакова . . . . . —

[7]) Записки Муравьева, помѣщенныя въ «Русскомъ Архивѣ» 68

[8]) Арх. Тиф. окр. шт. Наградные списки за 1828 г. Наградный листъ Дорохова. 69

[9]) Приказы по отдѣльному Кавк. корпусу за 1828 г. 71

[10]) Архивъ Тиф. окр. шт., дѣла 1828 г. . . . . —

[11]) «Исторія войны», Ушакова . . . . . —

[12]) Тамъ же 72

[13]) Тамъ же и черновой журн. Паскевича. Арх. Тиф. окр. шт. . . . . —

[14]) Акты Кавк. археол. ком., т. VII, стр. 755 . . . . . —

[15]) «Исторія войны», Ушакова 73

[16]) Тамъ же и походныя записки. «Воен. Жур.», 1857 г., № 1—7 74

ГЛАВА VI.

[1]) «Исторія войны въ Азіятской Турціи», Ушакова 76

[2]) Арх. Тиф. окр. шт. Наградный списокъ капитана Семичева 77

[3]) Записки князя И. М. Андроникова (рукопись) 78

[4]) Арх. Тиф. окр. шт. Наградные списки за 1828 г. 79

[5]) Тамъ же . . . . . —

[6]) Вѣдомость, приложенная къ рапорту Раевскаго. Арх. Тиф. окр. шт., дѣло 1828 г., № 178 79

[7]) Записки князя Андроникова (рукопись) . . . . . —

[8]) Всеподданнѣйшее донесеніе графа Паскевича 8 августа 1828 г. Акты Кавк. арх. ком., т. VII, стр. 761 80

[9]) «Исторія войны», Ушакова . . . . . —

[10]) Арх. Тиф. окр. шт. Наградные списки за 1828 г. . . . . —

[11]) Полковыя дѣла за 1828 г. 81

[12]) Формулярный списокъ Левковича . . . . . —

[13]) Арх. Тиф окр. шт. Донесеніе Раевскаго отъ 11 августа, № 53; наградный листъ Семичева и донесеніе Паскевича графу Дибичу, № 41 82

[14]) Арх. Тиф. окр. шт. Наградные списки за 1828 г. 83

[15]) Тамъ же. Донесеніе Раевскаго отъ 11 августа, № 53 . . . . . —

[16]) «Исторія войны», Ушакова . . . . . —

[17]) Арх. Тиф. окр. шт. Военный жур. Паскевича. Осада Ахалцыха. № 2, стр. 10. Наградные списки Дорохова 84

[18]) Арх. Тиф. окр. шт. Наградные списки за 1828 г. Наградный листъ князя Спиридона Чавчавадзе . . . . . —

[19]) Тамъ же. Наградный листъ маіора Казасси 85

[20]) Тамъ же, дѣла 1828 г. . . . . —

[21]) Тиф. арх. окр. шт. Изъ дѣлъ 1828 г., № 116, и инспектор. деп. гл. шт., отд. II, № 186 . . . . . —

[22]) Списокъ нижнихъ чиновъ, получившихъ знаки отличія Военнаго Ордена (рап. князя Андроникова въ штабъ Кавк. корп. 13 марта 1830 года, № 304). Вѣдомость, приложенная къ прик. по Кавк. корп. отъ 13 октября 1829 года, № 214) 86

За Карсъ:

Унтеръ-офицеръ:

Гаврінлъ Красовъ.

Рядовые:

Маркъ Тищенко.
Иванъ Ховкинъ.
Димитрій Спиринъ.

За Ахалкалаки:

Рядовые:

Денисъ Маркеловъ.
Иванъ Козинъ.

За 5, 9 и 15 августа подъ Ахалцыхомъ:

Младшіе вахмистры:

Яковъ Моралинъ.
Савелій Фатагѣевъ.
Алексѣй Тарабакъ.
Егоръ Афонасьевъ.
Иванъ Бѣловъ.
Степанъ Пчелинцевъ.

Квартермистръ:

Семенъ Ивановъ.

Унтеръ-офицеры:

Иванъ Яковлевъ.
Семенъ Карповъ.
Никифоръ Кузьминъ.
Захаръ Сазановъ.
Петръ Хищенко.
Алексѣй Кошубинъ.
Климъ Клочковъ.
Григорій Ивановъ.
Петръ Перепенкинъ.
Петръ Ершиневъ.
Михаилъ Довгердъ (изъ разжалованныхъ).

Штабъ-трубачъ:

Федоръ Новиковъ.

Трубачи:

Иванъ Савченко.
Самойло Певневъ.

Рядовые:

Гавріилъ Антилоговъ.
Даніилъ Филипповъ.
Григорій Филипповъ.
Захаръ Трофимовъ.
Тимофѣй Ивановъ.
Абдулъ Арамазановъ.
Михаилъ Васильевъ.
Яковъ Семенцовъ.
Михаилъ Кириловъ.
Акимъ Горловъ.
Иванъ Игнатовъ.
Леонтій Карабутовъ.
Алексѣй Акимовъ.
Иванъ Захаровъ.
Федоръ Григорьевъ.
Михаилъ Степановъ.
Иванъ Васильевъ.
Иванъ Комаевъ.
Евтѣй Горѣловъ.

[23]) Арх. Тиф. окр. шт. Наградные списки за 1828 годъ 86
[24]) Записки Яневича (рукопись) 87
[25]) Тамъ же . . . . . —
[26]) Дѣла 1829 г. Представленіе Раевскаго о Барковскомъ и Яневичѣ . . . . . —

ГЛАВА VII.

[1]) Арх. Тиф. окр. шт., дѣло по генер. штабу. Донесеніе Паскевича отъ 3 октября 1828 г., № 1841 90
[2]) Донесеніе полковника Анрепа, № 184 . . . . . —
[3]) Тамъ же . . . . . —
[4]) Арх. Тиф. окр. шт., дѣло по генер. штабу № 9. Рапортъ Анрепа отъ 3 октября, № 184 . . . . . —
[5]) Отзывъ товарища начальника главнаго штаба графа Чернышева отъ 12 іюля 1828 года, № 4310 . . . . . —
[6]) Изъ записокъ Яневича (рукопись) 91
[7]) Слова изъ приказа по отдѣльному Кавказскому корпусу 92
[8]) Походныя записки Радожицкаго. «Воен. Жур.» 1857 г., кн. 1—6 . . . . —
[9]) Записки Яневича (рукопись) 93
[10]) Арх. Тиф. окр. шт., дѣло № 9. Донесеніе полков. Анрепа, № 184 . . . . . —
[11]) Арх. Тиф. окр. шт., по генер. штабу, дѣло № 182. Донесеніе Паскевича 8 декабря 1828 г., № 5981 . . . . . —
[12]) Тамъ же. Рапортъ Раевскаго отъ 15 марта 1829 г., № 222 . . . . . —
[13]) Отзывъ Паскевича графу Дибичу 26 января 1829 г., № 382 . . . . . —
[14]) Отзывъ графа Чернышева отъ 25 января 1829 г., № 327. Отвѣтъ на представленіе Паскевича отъ 8 декабря, за № 5981 . . . . . —
[15]) Отзывъ графа Чернышева Паскевичу отъ 26 февраля 1829 г., № 1418 . . . —
[16]) Арх. Тиф. окр. шт., дѣло № 241. Отзывъ графа Дибича отъ 8 октября 1828 г., № 1101, и графа Чернышева отъ 1 ноября, № 6705 94
[17]) Тамъ же. Донесеніе Паскевича отъ 10 ноября 1829 г., № 43 и 44 . . . . . —
[18]) Тамъ же. Предписаніе Паскевича Раевскому отъ 26 февраля 1829 г., № 1418. —
[19]) Тамъ же . . . . . —
[20]) Полковыя дѣла за 1829 г. и записки Яневича . . . . . —

Томъ III стр.

[21]) Записки Яневича 94
[22]) Висковатовъ. «Описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ» 95
[23]) Записки Яневича . . . . . —
[24]) «Тифл. Вѣдомости» за 1829 г. 96
[25]) Записки Яневича . . . . . —
[26]) «Тифл. Вѣд.» за 1829 г. . . . . —
[27]) Рапортъ полк. Андроникова 23 апрѣля 1829 г., № 345. Донесеніе об.-кв. гр. Сухтелену 18 апрѣля, № 484 . . . . . —
[28]) В.-уч. арх. гл. шт., дѣло № 3984. Донесеніе об.-кв. гр. Сухтелену 2 мая, № 556, и 26 мая, № 662 97
[29]) Акты Кавк. арх. ком., т. VII, стр. 788, и донесеніе об.-кв. гр. Сухтелену 3 іюня, № 705 . . . . . —
[30]) Походныя записки. «Воен. Жур.» 1857 г., № 1—6 98
[31]) Тамъ же . . . . . —
[32]) Зап. Яневича и разск. старыхъ нижегородц. См. дѣло о побѣгѣ ст. вах. Яковлева . 99
[33]) Арх. Тиф. окр. шт. Слѣдственное дѣло о ст. вахм. Яковлевѣ 100

ГЛАВА VIII.

[1]) Полн. собр. соч. Пушкина 103
[2]) Тамъ же 104
[3]) Тамъ же 105
[4]) Тиф. арх. окр. шт., дѣла за 1829 г. Воен. жур. Паскевича, кн. V, стр. 220—221. 108
[5]) Арх. Тиф. окр. шт. Наградные списки за 1829 г. . . . . —
[6]) Тамъ же 109
[7]) Полное собр. соч. Пушкина . . . . . —
[8]) Жур. Паскевича, кн. V, стр. 227 110
[9]) Походныя записки. «Воен. Жур.» 1857 г., кн. 1—6 111
[10]) Воен. жур. Паскевича, кн. V, стр. 235 113
[11]) Арх. Тиф. окр. шт. Докладная записка князя Голицына 7 октября 1829 г. . 114
[12]) Тамъ же 115
[13]) Акты Кавк. арх. ком., т. VII . . . . . —
[14]) Наградные списки. Дѣла арх. Тиф. окр. шт. за 1829 г. . . . . —
[15]) Арх. Тиф. окр. шт., дѣла 1829 г. Слѣдственное дѣло о ген.-м. Сакенѣ . . . 116
[16]) Тамъ же 118

ГЛАВА IX.

[1]) Всеподд. донес. Паскевича отъ 28 іюня 1829 г. Акты Кавк. арх. ком., т. VII. 120
[2]) Походныя записки. «В. Ж.» 1857 г., кн. 1—6 . . . . . —
[3]) Тамъ же . . . . . —
[4]) Полное собр. соч. Пушкина 121
[5]) Походныя записки. «В. Ж.» 1857 г., кн. 1—6 122
[6]) Тамъ же . . . . . —
[7]) Приказы по отд. Кавк. корпусу за 1829 г. 123
[8]) Походныя записки. «В. Ж.» 1857 г., кн. 1—6 . . . . . —

[9]) Тиф. арх. окр. шт., дѣло 1829 г., № 7. Дон. об.-кв. гр. Сухтелену отъ 18 іюля, № 855. Пред. Раевскому отъ Паскевича 10 іюля, № 821 124

[10]) Полное собр. соч. Пушкина . . . . . —

[11]) Тиф. арх. окр. шт. Донесеніе гр. Сухтелену отъ оберъ-квартирм. 3 августа 1829 г., № 928 . . . . . —

[12]) Донесеніе Паскевича отъ 28 іюля. Акты Кавк. арх. ком., т. VII 126

[13]) Тиф. арх. окр. шт., изъ дѣлъ 1829 г. . . . . —

[14]) Тамъ же . . . . . —

[15]) Тамъ же. Наградные списки за 1829 г. 127

[16]) Тамъ же 128

[17]) Походныя записки. «В. Ж.» 1857 г., кн. 1—6 . . . . . —

[18]) Тиф. арх. окр. шт. Наградные списки за 1829 г. 129

[19]) Рапортъ подп. Степанова гр. Сухтелену 11 августа, № 956 . . . . . —

[20]) Тиф. арх. окр. шт., дѣло № 65. Рапортъ ген.-м. Раевскаго 8 августа, № 142 130

[21]) Тамъ же, дѣло № 58. Донесеніе подп. Степанова гр. Сухтелену 16 августа, № 977 . . . . . —

[22]) Акты Кавк. арх. ком., т. VII 132

[23]) Походныя записки. «В. Ж.» 1857 г., кн. 1—6 133

[24]) Приказы по отд. Кавк. корпусу за 1829 г. . . . . —

ГЛАВА X.

[1]) Рапортъ Паскевича отъ 6 октября 1829 г. и донесеніе подполк. Степанова графу Сухтелену 7 октября, № 1152. Тиф. арх. окр. шт. 136

[2]) Акты Кавк. арх. ком., т. VII 138

[3]) «Разсказы стараго нижегородца князя Ч.» 139

[4]) Рапортъ Паскевичу князя Голицына 28 сентября 1829 г., № 289. Арх. Тиф. окр. шт. . . . . —

[5]) Записки князя Андроникова и Яневича . . . . . —

[6]) Арх. Тиф. окр. шт., дѣло № 25 140

[7]) Акты Кавк. арх. ком., т. VII . . . . . —

[8]) Арх. Тиф. окр. шт. Рапортъ князя Андроникова 28 сентября, № 289. По оффиціальнымъ документамъ потеря Нижегородскаго полка въ кампаніи 1829 г. была слѣдующая: убито 2 офицера и 18 нижнихъ чиновъ; ранено: 2 офицера и 37 нижнихъ чиновъ. Рапортъ князя Андроникова отъ 29 декабря, № 818 . . . . . —

[9]) Записки князя Андроникова . . . . . —

[10]) «Разсказы стараго нижегородца князя Ч.» 141

[11]) Рапортъ Паскевичу князя Голицына отъ 7 ноября 1829 г., № 335. Тиф. арх. окр. шт. . . . . —

[12]) Записки Дюгамеля 142

[13]) Тиф. арх. окр. шт. Наградныя дѣла за камп. 1829 г. 144

[14]) Тиф. арх. окр. шт., дѣло 1830 г., № 51 . . . . . —

Томъ III стр.

ГЛАВА XI.

[1]) Приказъ по Кавк. корпусу 13 ноября 1829 г. 146

[2]) Рапортъ ген.-м. Раевскаго Паскевичу отъ 31 августа 1829 г., № 155 . . . —

[3]) Арх. Тифл. окр. шт. Дѣло по секретному отдѣл., № 16. «О слѣдствіи, произведенномъ надъ ген.-маіоромъ Раевскимъ, за проѣздъ его въ обществѣ государственныхъ преступниковъ изъ отряда, бывшаго въ г. Бейбуртѣ, въ 1829 г., въ Тифлисъ . 147

[4]) Тамъ же . . . . . —

[5]) Отзывъ управл. гл. шт. Его Императорскаго Величества 18 декабря 1829 г., № 739 . . . . . —

[6]) Записано со словъ старыхъ нижегородцевъ 148

[7]) Арх. Тифл. окр. шт., дѣла 1829 г. Объ увольненіи въ отпускъ гг. генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ . . . . . —

[8]) Тифл. арх. окр. шт., дѣла 1829 г., № 7 149

[9]) Письмо матери Романова Паскевичу отъ 12 мая 1830 г. Арх. Тифл. окр. шт. Отзывъ инспект. деп. гл. шт. 17 апрѣля 1830 г., № 2771 . . . . . —

[10]) Отзывъ генер. кригсъ-комиссара отъ 13 февраля 1828 г., № 2341 150

[11]) Арх. Тифл. окр. шт., дѣла 1830 г. 152

[12]) Арх. Тифл. окр. шт., дѣла 1830 г. О назначеніи командиромъ Нижегородскаго полка подполковника Доброва 154

10-й Экз.